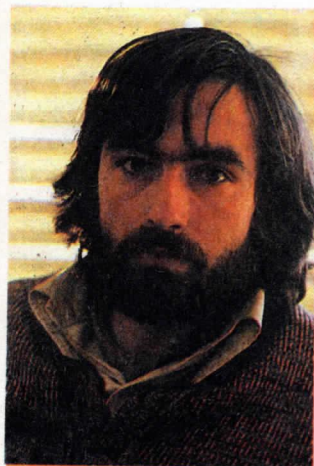

ВО ИМЯ СТАБИЛЬНОСТИ, МИРА И СОГЛАСИЯ

8/1991 май

Снежный барс
Михаил Туркевич

А ТУТ БАЧУ:
ЧУТЬ ВПЕРЕДИ
И ПОВЫШЕ,
НА ГРЕБНЕ,
МЕРЦАЕТ СВЕТ,
НУ ВОТ, ДУМАЮ,
ГОРНЫЙ ДУХ МНЕ
ДОРОГУ КАЖЕТ...
ДУМАЮ, НЕХАЙ
КАЖЕТ, ВСЕ
ВЕСЕЛЕЙ ПОЛЗТИ.
ПОРАВНЯЛСЯ
СО СВЕТОМ. ЧУ,
СЛЫШУ ДУХ ГОЛОС
ПОДАЛ «ЭЙ, МИША!
ПИВКА ВЫПИТЬ
НЕ ХОЧЕШЬ?!»
НУ, ДУМАЮ, ВСЕ,
ПРИЕХАЛИ...»

Кто пожирает
законы

Женщины
в политике

Четыре лика
предпринимателей

Воспоминания
Плехановой,
пролежавшие
72 года

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

МОНИТОРИНГ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ. В. БОЙКОВ. Рынок: большинство — «за» (3)

СПРАШИВАЕМ. Верите ли вы в достижение стабильности, мира и согласия! (4)

ЗЛОБА ДНЯ. В. ТОМАШКЕВИЧ. Гусятина по нормативам (6)

МГНОВЕНИЯ ИЗ ЖИЗНИ СТРАНЫ. Фото-репортаж (10)

СПРОСИТЕ ВЬЮНИЦКОГО (94)

Диалог юмора и сатиры (95)

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ. Светлана АЛЛИЛУЕВА. Книга для внушек (103)

И. ЦЫБУЛЬСКИЙ. Дети Сталина (111)

ЧЕЛОВЕК

П. ПЛИЕВ. Профессионал (14)

Вадим Кожин: русская идея (21)

В. РЯБОВ. Верю в гуманизм и разум (31)

ТЕОРИЯ

Парадоксы социалистической идеи (35)

В. ПОПОВ. Социопсихология — обращение к человеку. Беседа первая (41)

ПОЛИТИКА

У политики не женское лицо (44)

Закон ест закон! «Круглый стол» «Диалога» (53)

В. ТРУШКОВ. В райком идут за справедливостью (60)

ЭКОНОМИКА

О. ОСИПЕНКО. Капитал и его первоначальное накопление по-нашенски (66)

Н. ОЛЕЙНИКОВ. Идолы рынка (77)

ИСТОРИЯ

Год на родине. Из воспоминаний Р. М. ПЛЕХАНОВОЙ (85)

С. СТИВЕН. Операция «Раскол». Страницы истории самой секретной операции «холодной войны» (97)

MONITORING OF THE PUBLIC OPINION. V. BOIKOV. Market: the majority is in favour (3)

QUESTIONS. Do you believe in settlement of stasis, peace and agreement? (4)

CURRENT EVENTS. B. TOMASHKEVICH. Normative goose-flash (6)

EPISODES FROM THE LIFE OF COUNTRY. Fotoreportage (10)

ASK VYUNITSKY (94)

DIALOGUE OF THE HUMOUR AND SATIRE (95)

OUR PUBLICATIONS. Svetlana ALLILUYEVA. Book for granddaughters (103)

I. TSIBULSKY. Children of Stalin (111)

HUMAN BEING

P. PLIYEV. Master (14)

Vadim Kozhinov: russian idea (21)

V. RYABOV. I believe in humanism and reason (31)

THEORY

Paradoxes of the socialist idea (35)

V. POPOV. Social psychology — turning to the human being. First conversation (41)

POLITICS

The politics have not feminine face (44)

Law eats Law? «Round-table» discussion of «Dialog» (53)

V. TRUSHKOV. They are searching for justice in raikom (60)

ECONOMICS

O. OSIPENKO. Primary accumulation of capital in our way (66)

N. OLEYNIKOV. The idols of market (77)

HISTORY

One year in motherland. Memoirs of R. M. PLEKHANOVA (85)

S. STEVEN. Operation splinter factor. The pages of the most secret operation in «cold war» history (97)

ГОД НА РОДИНЕ

Из воспоминаний
Розалии Плехановой

I.

Четырнадцатого марта 1917 г. наша семья и больные санатория, которым я заведовала в Сан-Ремо (на Ривьере)¹, сидели за завтраком, когда вдруг до нас дошел слух, вскоре затем подтвердившийся телеграммами в итальянских газетах, что в России революция — Николай II свержен и избрано Временное правительство.

Все присутствовавшие стали выражать свой восторг радостными криками, ликованием, рукопожатиями и поцелуями. Больше всего поздравляли Г. В. Плеханова. Радостная весть разнеслась по всему санаторию и дошла до тяжело больных, лежавших в своих комнатах.

Фотографии из семейного архива Плехановых, сопровождающие текст воспоминаний, предоставлены журналу сектором «Дом Плеханова» ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина и за редким исключением не публиковались.

¹ В итальянской Ривьере Плехановым пришлось поселиться в 1909 году, ввиду ухудшения здоровья Г. В. Плеханова. В Сан-Ремо Розалия Марковна сняла небольшую виллу, в которой она и ее дочь Лидия, тоже врач, открыли санаторий.

В санатории находились главным образом русские больные — эмигранты и студентки, а также одна француженка и итальянец. Последние также заразились общей радостью. Безмерно радовалась и итальянская наша прислуга. Эти добрые наши иностранные приятели радовались тому, что, наконец, Плеханов вознагражден за долгое изгнание, что он вернется на родину работать и что Россия будет рада ему.

Весь день мы находились в лихорадочном возбуждении. Муж, сидевший перед этим за статьей о Радищеве и собиравший материалы о декабристах², оставив свои занятия, пошел бродить по Сан-Ремо, чтобы прочесть вывешиваемые в разных частях города последние телеграммы, а также чтобы послушать толки итальянцев о русских событиях.

Мы с дочерью, так же, как и я, врачом, обходя наших тяжелых больных, поздравили их со скорым возвращением на родину. Особенно сильно подействовало это известие на одну из них, эмигрантку Моисееву. Эта прекрасная женщина страдала неизлечимой болезнью сердца и почек, но, полная душевной энергии, она все мечтала о своем возвращении в Россию, к мужу, сыну и родине. Мы часто и подолгу беседовали с ней, и я всегда поддерживала в ней самые радужные надежды, хотя в душе мало верила в их осуществление.

Весть о революции наполнила какой-то особенно ясной радостью все существо Моисеевой. Долго жала она мне руку, спрашивая, скоро ли она поправится, когда и с кем сможет она поехать. На этот раз ей, казалось, ничто не может помешать осуществлению ее мечты. Увы. Впоследствии от кого-то из вернувшихся в Россию эмигрантов я узнала, что Моисеева умерла в Париже, не до-

² Начиная с 1909 года, Плеханов, по заказу издательства «Мир», работал над «Историей русской общественной мысли». Предполагалось, что издание будет состоять из шести томов, однако за 8 лет (1909—1916 гг.) Плеханову удалось написать только три тома: «История русской общественной мысли» (См. Плеханов Г. В. Соч., т. XX—XXII).

жив до осуществления заветной своей мечты: увидеть мужа, сына и родину.

По возвращении с прогулки по городу муж рассказал мне и дочери, что около телеграмм столпилась масса итальянцев. Они с интересом читали и толковали известия из России, но всеобщее мнение было, что Россия теперь перестанет воевать, так как революция вызвана главным образом нежеланием продолжать войну. Находя в этом объяснении оскорбление своему народу, муж старался уверить итальянцев, что теперь-то свободная Россия станет хозяином своей судьбы и будет защищаться, как никогда, от хищнических поползновений немцев «Революция, — объяснял он им, — произошла не потому, что русский народ не хотел сражаться, а потому, что он был обманут царизмом и его слугами, изменявшими народу и предававшими Россию немцам».

У нас было достаточно веры, чтобы это маленькое нагнанное итальянцами облачко рассеялось и мы могли отдаться только чувству гордости и светлых надежд.

«Мы вернемся в свободную родину и посвятим остаток дней своих ее благоденствию, — говорил муж, — покончим с изгнанием».

Здоровье его было лучше, чем в 1905 г., и ничто не могло теперь помешать нашему возвращению в Россию.

Старшая наша дочь, родившаяся и выросшая в эмиграции и мечтавшая в течение всей своей жизни о России, о работе на ее пользу, разделяла нашу радость. Мы поэтому решили двинуться втроем, как только наступят в России теплые дни, так как мы опасались, ввиду состояния здоровья мужа, резкого для него перехода от теплого итальянского марта к петроградскому холодному и ветреному климату. Пока же мы с дочерью решили ликвидировать дело санатория, пристроить наших больных, списавшись со швейцарскими санаториями, и т. д. Но уже на другой день после принятого нами решения вернуться на родину поздней весной мы получили телеграммы от друзей и единомышленников из Петрограда, умолявших Плеханова приехать немедленно, так как его присутствие они находили крайне необходимым для правильного хода и торжества революции. За первыми телеграммами последовали еще более настойчивые, в которых уже высказывалась тревога за исход революции: «Приезжайте, Вы необходимы».

Этот призыв волновал и тревожил мужа. Он решил, что надо ехать немедленно, что нельзя ждать до мая, так как до этого времени многое может измениться. «Надо быть на посту, — говорил он, —

я — солдат революции. Она меня зовет, и я должен быть там, где требуют меня ее интересы».

Во мне происходила сильная внутренняя борьба. Я понимала состояние мужа и всей душой была за то, чтобы не ждать с отъездом до поздней весны, но опасение за его здоровье, ввиду резкого перехода из Италии на север, ввергло меня в состояние мучительной нерешительности. Долг перед родиной и революцией взял верх: я не считала себя вправе отговаривать мужа от поездки, несмотря на боязнь за ее последствия.

К чувству долга, признаюсь, присоединилась также уверенность, что недобросовестные или слепые люди постарались бы использовать отсутствие Плеханова в этот важный момент жизни России, чтобы перед малосознательными массами набросить тень на его личность и проповедуемые им взгляды, как это они сделали в 1905 г.

«Плеханов смотрит на Россию из своего прекрасного далека, — писали и говорили они тогда, — Плеханов эмигрант, он не знает масс» и т. д. Многие из людей, пустивших в ход и повторявших эти фразы, отлично знали, что больной Плеханов в 1905 г. все же рвался на родину, что все было уже готово к его отъезду и остановлен он был телеграммой, посланной из Петербурга: «Не выезжайте, ждите известий: дядя (т. е. Дейч³. — Р. П.) заболел». Муж эта телеграмма очень огорчила, но не остановила. Он писал мне тогда из Мontre, куда уехал, благодаря моим настояниям, чтобы оправиться от усталости, вызванной хлопотливыми сборами: «Ехать все-таки надо, я не успокоюсь, пока не буду в России; я испытываю чувство дезертира, уклонившегося от исполнения своего долга». Только внезапно обострившийся легочный процесс заставил нас (в декабре 1906 г.) отправиться в Италию. Но возвратимся к 1917 г.

Итак, мы решили двинуться в путь при первой возможности. Но когда она представится, было совершенно неизвестно. Единственным для нас направлением являлся длинный путь через Францию, Англию и Скандинавию, так как Германия незадолго перед тем (в феврале) предприняла жестокую подводную войну, и суда всех стран взрывались без всякой пощады. Поэтому пассажирское сообщение между Францией и Англией, а затем между последней и Норвегией было совершенно прекращено. Ка-

³ Дейч Лев Григорьевич (1855—1941) — деятель социал-демократического движения в России. Участвовал в создании первой русской марксистской группы «Освобождение труда», руководимой Г. В. Плехановым. Принимал участие в издании «Искры» и «Зари». Делегат II и V съездов РСДРП. После Февральской революции вернулся из эмиграции в Петроград. Один из редакторов газеты «Единство». Друг и соратник Г. В. Плеханова. Заболел — означало, что Л. Г. Дейч арестован.

залось, не было никакой возможности вскоре попасть на родину. Но вдруг, совершенно неожиданно, представился для нас выход.

24 марта к нам из Парижа приехал один француз с письмом от наших французских же товарищей, извещавших нас о предпринятой местными социалистическими депутатами поездке в Россию, предлагавших нам также присоединиться к этой делегации. Мы чрезвычайно обрадовались этому предложению, хотя для его осуществления нам необходимо было выехать на другое утро с самым ранним поездом.

Это было в воскресенье. Дочь наша Лидия, воспользовавшись праздничным днем, ушла с подругой на прогулку. Ввиду ее отсутствия мы с мужем не решились дать приехавшему французю окончательный ответ, отложив его до ее возвращения вечером. Затем я и Георгий Валентинович отправились в Комиссариат для получения разрешения на переезд через франко-итальянскую пограничную станцию (в Вентимилии).

Там, по случаю воскресенья, мы нашли только низшего служащего, который не мог выдать нам нужного разрешения, но когда он узнал, что мы должны непременно выехать на рассвете следующего дня, он догадался о цели нашей поездки и сам вызвался устроить это дело. Чтобы получить подпись комиссара, этому услужливому итальянцу пришлось в течение целых двух часов разыскивать его по разным кафе и знакомым. Когда же, в благодарность за его хлопоты, мы на прощанье предложили ему вознаграждение, он наотрез отказался принять его, заявив, что с удовольствием оказал нам маленькую услугу, так как догадывается, что мы едем в революционную Россию, куда вызывают «синьора Плеханова и где он необходим». Не только этот служащий, но решительно все итальянцы с невыразимым сочувствием отнеслись к русской революции, а также к возвращению Георгия Валентиновича на далекую родину.

Когда по возвращении домой мы передали дочери о приезде товарища из Парижа и о предложении французских друзей, лицо ее в первую минуту омрачилось, и она спросила, что мы решили. Я ответила, что хотя стоим за немедленную поездку, но окончательного решения без нее не приняли. «А я, мама? Меня вы намерены оставить? И ты делаешь это с легким сердцем? В России мне не быть. Вместе ехать мы не можем: кому-нибудь из нас двоих необходимо остаться при санатории. Пала без тебя обойтись не может, следовательно, остаться должна я. Это ужасно печально,— заявила она с чрезвычайной грустью.— Но, очевидно, другого выхода нет».

Мы старались ее успокоить, выражали уверенность, что и она вскоре поедет в Россию, о жизни в которой она дав-

Супруги Плехановы во время экскурсии на Везувий.

но мечтала, представляя ее себе сказочной страной,— местом героизма, идеалов, борьбы за свободу и счастье человечества.

Западные друзья ее не удовлетворяли той потребности в идеале, которая проникла все существо ее. Она поэтому лучше сходилась с русскими студентками, эмигрантками. В них она находила черты, отсутствовавшие даже в лучшей части западной молодежи, пропитанной карьеризмом.

Несмотря на тяжелое чувство, вызванное в Лидии необходимостью проститься с мечтой о поездке в Россию, теперь же вместе с нами, сознание долга взяло у нее верх, и, успокоившись вскоре, она принялась энергично за укладку наших вещей и другие необходимые приготовления к нашему отъезду, а в следующее утро проводила нас на вокзал твердая, спокойная, полная веры в скорую встречу на родине с любимым отцом. Этому, однако, не суждено было осуществиться...

Поездка с французской делегацией меня прельщала, кроме возможности быстро очутиться в России, еще и потому, что она, несомненно,— думала я,— будет обставлена всеми необходимыми удобствами и произойдет с наименьшим

риском ввиду подводной войны со стороны немцев⁴.

Георгий Валентинович также был рад этому счастливому обороту дела. Он высказывал только опасение насчет своих физических сил. Пугала его мысль приехать на родину слабым, больным и, следовательно, неспособным оправдать возлагаемых на него многими надежд. Все же решение ехать немедленно было им принято твердо, непоколебимо.

Будучи в течение нескольких десятилетий почти единственным врачом мужа, так как он вообще врачей не любил и неохотно давал им себя исследовать, я достаточно изучила его организм, силу его сопротивляемости, а потому я была уверена, что он вынесет хорошо обставленное далекое путешествие и сможет затем, при благоприятных в разных отношениях условиях, еще долго жить и работать на родине на благо трудящихся масс.

II.

В тот же вечер 24 марта н. г. я наскоро передала Лидии заботу о больных и вообще ликвидации санатория, затем, кое-как собрав наиболее необходимые вещи, мы в четыре часа утра 25-го покинули Сан-Ремо.

Муж был бодр и счастлив: он отлично вынес 18-часовой путь до Парижа и оживленно беседовал все время с нашими случайными спутниками-французами.

В Париже мы оставались трое суток, чтобы проститься с нашей младшей дочерью Евгенией и повидать русских и французских товарищей. Прежде всего мы отправились к давнему, неизменному нашему другу и единомышленнику мужа — к Жюлю Геду⁵.

Он был в это время болен, почти пригвожден к креслу ревматическими болями в ноге; но дух его был бодр, ум блестящ и молодая страстная любовь к Франции, к революционной России и к человечеству сказалась в нем, семидесятилетнем старике, в большей степени —

⁴ 18 февраля 1915 года Германия объявила «неограниченную подводную войну». Но протесты США и других нейтральных государств заставили германское правительство ограничить подводную войну действиями только против военных кораблей. 1 февраля 1917 г. Германия вторично объявила Великобританию «неограниченную подводную войну», распространив действия и на торговые суда союзных ей и нейтральных государств. Это привело к тому, что 3 февраля США разорвали отношения с Германией, а 5 апреля объявили ей войну.

⁵ Гед Жюль (наст. имя и фамилия — Матье Базиль) (1845—1922) — деятель французского и международного социалистического движения, один из основателей французской Рабочей партии и один из лидеров II Интернационала.

Розалия Марковна и Георгий Валентинович с дочерью Лидией.

мне казалось — чем при прежних моих встречах с ним. Он очень одобрял и радовался поездке мужа в Россию. «Вы необходимы там и многое можете сделать». Мы ушли от него с радужными надеждами в душе.

В Лондон мы отправились вместе с нашими французскими товарищами, к которым присоединился еще в Париже эмигрант Зильбер. Хотя путь через Булонь был длинен и утомителен, муж, тем не менее чувствовал себя прекрасно: он отлично перенес 6-часовое плавание по морю в то время, как я проболела.

В туманный Альбион мы приехали в скверную погоду: был снег, сырость и холодный ветер. Там пришлось нам остаться дней шесть, пока явилась возможность двинуться дальше.

Пребывание наше в Лондоне было окружено большой тайной. По настоянию наших французских друзей и английских товарищей, мы никому из наших русских друзей, проживавших в Лондоне, не должны были дать знать о себе. Исключение они разрешили нам сделать только по отношению к Л. Г. Дейчу и жене его Эсфири Марковне. Нам очень хотелось также повидать Фанни Кравчинскую (Степняк) и Зунделевича⁶, но мы не считали себя вправе это сделать, так как даже сношения с Дейчем отча-

⁶ Кравчинская (Степняк) Фанни Марковна (урожд. Личкус) (ок. 1853—1945) — жена русского революционера-народника и писателя Сергея Михайловича Кравчинского (псевд. С. Степняк).

Зунделевич Аарон Исаакович (1854—1923) — член ИК «Народной воли», с 1907 года — эмигрант.

Семейное фото. Сидят слева направо: Поздняков, зять Плеханова, Варвара (сестра Плеханова), Георгий Валентинович; стоят: Евгения Георгиевна, Розалия Марковна, Лидия Георгиевна, Анна (сестра Розалии Марковны). Сан-Ремо, 1909 год.

сти нагнали грусть на лица наших французских друзей. С нашими дочерьми, умолявшими нас дать им телеграмму и написать из Лондона, мы смогли снести лишь окольным конспиративным путем. Меня и мужа очень удивляла эта, как нам казалось, излишне строгая конспирация, но французские и английские наши товарищи объяснили нам, что, кроме постоянной опасности со стороны подводных лодок, она тогда еще усугублялась тем, что на судне будет Плеханов. Немцы, говорили они, употребят все старания, чтобы потопить это судно. Хотя нам эти опасения казались сильно преувеличенными, но нас они морально связывали, так как из-за нас грозила опасность и всем остальным. Поэтому мы держали себя послушными ребятами.

Встреча с Львом Григорьевичем и его женой доставила нам большое удовольствие: своим теплым дружеским отношением они были нам очень полезны, помогая нам собраться в дальнейшую дорогу. Обменом с ними взглядами, надеждами и впечатлениями по поводу событий на родине мы были вознаграждены за вынужденное изолированное пребывание в Лондоне.

Из английских друзей мы свиделись только с Гайндманом⁷, посетившим нас вместе со своей симпатичной и умной молодой женой 2 раза*. Как и Гед, он,

несмотря на свой преклонный возраст, — ему тогда было 72 года, — был полон жизни и бодрости, хотя со времени Амстердамского интернационального конгресса (1904 г.), когда я с ним виделась, он сильно постарел.

Во время их посещений завязывались оживленные беседы о революции в России, об ее красоте, бескровности, об отношении революционной России к продолжению войны с немцами и пр. Но наших английских друзей беспокоило поразительное движение среди русских. «Неужели оно и теперь будет продолжаться? Ведь это было бы бессмыслицей, раз русский народ сделался хозяином своей судьбы», — говорили они...

Жена Гайндмана сообщила мне, что Россия ее очень интересует. Она уже раз ездила туда (была в Вильне), и при первой возможности намеревалась вновь туда поехать вместе с мужем, чтобы заняться историей русского революционного движения. Я ей сообщила несколько фактов из периода «хождения в народ». Она слушала с напряженным вниманием и выражала свой восторг по поводу героизма русских революционеров.

МОИ ВОСПОМИНАНИЯ О ПЛЕХАНОВЕ

До своего замужества я была довольно хорошо знакома с Феликсом Волховским и некоторыми другими русскими революционерами. Но с Плехановым, вождем русской социал-демократии и проповедником исторического материализма, мне не приходилось встречаться лично до весны 1917 года, когда он с женой посетил Англию по дороге в Россию.

⁷ Гайндман Генри Мейерс (1842—1921) — английский социалист, адвокат и журналист.

* Воспоминания о встрече с Г. В. Плехановым Розалинды Траверс-Гайндман, жены и соратника Генри М. Гайндмана, были опубликованы в 1923 г. в №№ 6—7 журнала «Заря».

Р. О. Гайндман — поэтесса, видный общественный деятель.

Это был удивительный и странный момент! Мы все, английские социалисты, возлагали огромные надежды на русскую революцию и на правительство Керенского, хотя мой покойный муж и предупреждал нас, что наши надежды были сильно преувеличены. Но как можно было отказаться от ожидания если не тысячелетнего царства справедливости и правды, то по крайней мере зари обновления для огромной и несчастной России, когда все находившиеся в изгнании русские революционеры, полные энтузиазма, спешили на родину, чтобы принять участие в создании нового порядка? (К несчастью, другие «русские революционеры» тоже спешили тогда на родину).

Мы с мужем пошли навестить Плехановых, остановившихся в Риц-отеле. Нам сказали, что приезд их в Англию был «секретом», что цель, с которой они приехали, была «секретом» и что вообще все было «самым большим секретом». Секрет Полишинеля! Плеханов жил в отеле совершенно открыто, под своим собственным именем, мы обсуждали с ним вопрос о нашей поездке в Россию и многие другие вопросы совершенно открыто, за чашкой чая, в общей зале отеля, через которую все время взад и вперед проходило множество народа. Я отлично помню, что разговор происходил по-английски.

Мой муж писал в своих воспоминаниях о том, как поразительно небрежно и, пожалуй, даже халатно (так, по крайней мере, казалось со стороны) русские революционеры вели свои конспиративные дела. Но, очевидно, в этих приемах было что-то их оправдывающее, ибо все же в прежние времена большой процент конспиративных русских предприятий был успешен.

Плеханов по своему наружному виду совершенно не производил впечатления революционера. Это был почтенный, с приятными спокойными манерами джентльмен, которого я скорее приняла бы за профессора какой-нибудь очень отвлеченной научной дисциплины, чем за непримиримого борца против царизма.

Он очень долго говорил с Гайндманом о тогдашнем положении в России, о возможностях устойчивого правительства, о поддержке русской революции союзниками, о наилучших в русских условиях административных мероприятиях. Гайндман очень сильно настаивал (как это он делал всегда) на том, чтобы Россия, которая была банкротом еще до войны, отказалась платить свои внешние долги, ибо они, в противном случае, висели бы как жернов на шее русского крестьянства в течение грядущих поколений и сделали бы очень трудным действительное возрождение страны.

Все эти финансовые и практические вопросы обсуждались долго и подробно. Но вот, как иногда бывает, оживленный разговор был прерван внезапной паузой. Тогда Плеханов, с видом человека, захлопнувшего бухгалтерскую книгу и взявшего в руки томик стихов, подвинул свое кресло вплотную к креслу Гайндмана и начал новый разговор на тему ... о пределах исторического детерминизма. В этом разговоре он следовал за нитью того диспута, который мой муж и Бакс вели в 1914 году с Каутским.

Это очень древний спор. В Англии он принял скорее теологическую, чем философскую форму, ибо его начали еще кальвинисты, утверждавшие предопределение и отрицавшие свободу воли. В наше время этот спор идет вокруг материалистического истолкования истории.

Гайндман всегда стоял на той точке зрения, что психологический фактор играет значительную роль в истории человечества. Этот фактор не является очень могущественным и постоянно действующим, но все же его влияние настолько велико, что игнорирующие его люди в своих историче-

ских построениях всегда могут сделать серьезные ошибки. Если я не ошибаюсь, Плеханов в тот вечер в Риц-отеле высоко держал знамя чистого материализма. Но я не философ, а потому моя передача этого разговора вряд ли может иметь большую ценность.

Мы больше не видели Плеханова. Английская Социал-Демократическая Федерация единогласно постановила, что Гайндман не должен рисковать своим здоровьем для поездки в Россию по бурному мартовскому морю, на миноносце, только для того, чтобы передать новой России братские приветствия и дружеские советы английских социалистов. Плеханов уехал без нас. Ему нужно было вернуться на родину в час ее великих испытаний...

Трудности путешествия, смертельная тревога за судьбу Революции, издевательства, которым подвергался Плеханов при большевиках, неминуемо должны были ускорить его конец...

Гайндман всегда глубоко сожалел о потере Плеханова для международного социализма...

Розалинда Траверс-Гайндман

Лондон, 8-го апреля 1923 года.

Приходил к нам также старый, заслуженный англичанин Смитс, являвшийся неизменным переводчиком на всех интернациональных социалистических конгрессах. Несмотря на свой пожилой возраст, он с неутомимой энергией хлопотал о наилучшем устройстве нашего дальнейшего опасного путешествия.

Мы пробовали посетить некоторые художественные галереи, но, ввиду войны, они оказались закрытыми.

Так как в Лондоне к французской делегации присоединилась еще английская, то, ввиду большой опасности от германских подводных лодок, англичане возбудили вопрос о помещении всех нас в миноносце, которая, благодаря своему быстрому ходу меньше рискует, чем обыкновенные пароходы, быть взорванной. Но к выполнению этого предложения явилось непреодолимое препятствие со стороны английских военно-морских законов, не разрешающих присутствия женщин на военных судах, а нас было двое, я и г-жа Лафон. Несмотря на мое предложение взять на себя обязанность врача в пути, а также на доводы и убеждения английских товарищей, военно-морские власти остались непреклонными.

Утром 8 апреля н. г. нам велели быть готовыми, а вечером мы все отправились на вокзал, где нам нужно было взять билеты в один из северных пунктов Шотландии. Но его название нам сообщено было только в пути — до того конспиративно обставлен был наш выезд.

Когда на рассвете мы прибыли в этот таинственный порт, нам сказали, что специальное судно нас перевезет со всеми предосторожностями. Каково же было наше удивление, когда мы нашли в Абердине (таково название таинственного порта на севере Шотландии) невзрачный маленький пассажирский пароходик и массу пассажиров — соотечественников, французов и других национальностей. Тут были студенты и студентки, застряв-

шие во время войны во Франции и в Англии, ехали русские военнопленные, бежавшие из Германии, французские офицеры, отправлявшиеся в Россию с женами и детьми, бельгийские офицеры, авиаторы, коммивояжеры и т. д., и т. д. Всем этим людям и в голову не приходило, что они едут на «конспиративном судне». Нам с мужем крайне грустно сделалось, почему нас держали в таком секрете в Лондоне, заставив отказаться от удовольствия видеть там наших друзей и даже снестись с нашими дочерьми.

В Лондоне Георгий Валентинович схватил небольшой грипп, от которого он оправился довольно скоро, и 30-часовое путешествие по морю он вынес очень хорошо, несмотря на то, что пароходик был переполнен пассажирами, каюты неудобны, а пища очень посредственна.

Английские товарищи уверяли, что пароходик наш охраняется миноносками, но никто из нас их не видел ни днем, ни ночью. Пароходная команда очень тревожилась. Всем пассажирам были розданы спасательные пояса. Нас распределили по группам для быстрого перехода в спасательные лодки в случае опасности, советовали нам поясов не снимать ни днем, ни ночью. Муж спал не раздеваясь и в поясе. Я совершенно не могла перенести этого панциря и сняла его на ночь, за что выслушала вполне заслуженное замечание от мужа в отсутствии выносливости. «Что значит не могу, — сказал он, — когда нужно, тогда и можно». Хотя пояс очень мешал ночному отдыху моего спутника, но он тем не менее все время был весел, много разговаривал с группой наших соотечественников, бежавших из германского плена.

Их было человек 60, частью солдаты, участвовавшие в наступлении в Восточной Пруссии, было два малоросса, попавших в плен на Галицийском фронте, были и рабочие, которых война застала в Германии. Из всех уст вырывались проклятия по адресу немецкого правительства, а также и непосредственного своего начальства, от которого они терпели немало оскорблений. Бежали они с огромным риском для жизни, но они предпочитали смерть ужасным условиям в плену.

В особенности радовал мужа один малоросс, рассказывавший нам о том, как ему предлагали войти в организацию пленных малороссов, стоящих за отделение Украины от России. За это ему обещали увеличить паек, а также давать менее изнурительную работу и лучшее вознаграждение. Но малоросс этот и слышать не хотел о такой сделке со своей совестью: «Хотя, как малоросс, я стою за широкую автономию моей страны — что теперь, после революции, наверное, и будет достигнуто, — говорил он, — но русские мне братья, а немцы — общие наши враги. Мы прежде всего должны прогнать их, а там между собою устроимся наилучшим образом».

Вообще это была группа сознательных рабочих, пропитанных любовью к родине, готовых постоять за нее и вновь броситься в борьбу с немцами для ее защиты. Некоторые из них знали Г. В. Плеханова по его литературным произведениям, другие только слышали о нем, и все они радовались его возвращению в Россию.

Несмотря на выше приведенные неудобства путешествия, мы все же благополучно доехали до Бергена, в 10 часов утра. Был прекрасный солнечный день. Пассажиры высыпали на палубу, лица у всех были радостные: после состояния тревоги в течение 36 часов, сознавать себя вне немецких лап было большим счастьем. Но затем началась серия новых неудобств, плохо отразившихся на состоянии здоровья мужа. Несмотря на то, что наши французские товарищи телеграммой заранее заказали в Бергене комнаты, там все оказались занятыми. С трудом, после долгих поисков, мы нашли комнату в каком-то маленьком пансиончике. Она была мала, темна, без печки и выходила в темный, сомнительной чистоты двор. На мою просьбу дать нам другую хозяйин согласился уступить нам салон с двумя окнами на улицу, но с условием, чтобы не раскладывать в течение дня вещей и не укладываться для отдыха на диваны, так как днем этот салон к услугам всех пансионеров.

Трудно было согласиться на эти условия, так как первая потребность после долгого путешествия на пароходе именно была, умывшись, улечься и заснуть. Но нечего было делать. Пришлось согласиться. Мы перешли в салон. К моему удивлению и неудовольствию, он отделялся от прилегавшей к нему столовой только занавесью. Кроме несомненного беспокойства от разговоров, мне совсем не по вкусу было то обстоятельство, что мы не сможем даже на ночь запереться и, следовательно, гарантировать себя от посещения кого-либо из обитателей этого сомнительного пансиона. Я решила бодрствовать всю ночь.

К вечеру собралась в столовой веселая, шумная компания японцев, среди которых было несколько офицеров, ехавших с нами на пароходе и, как мне сказали, направлявшихся в Россию. Беседа их длилась не до 8 час. вечера, как обещал хозяйин, а до 11-ти. Притом наша комната наполнилась табачным дымом, которого легкие мужа совершенно не выносили.

Вышедши к ним, я обратилась на русском и французском языках с просьбой не курить, а также потише разговаривать, так как рядом отдыхает с дороги

мой муж, больной и усталый. Но они, посмотрев на меня полуудивленно-полу-презрительно, продолжали беседовать и курить. Поняли ли они меня? Полагаю, что да. По моему встревоженному просящему голосу и по кашлю, раздававшемуся из соседней комнаты, они, если не поняли слов, могли догадаться, о чем я их просила.

Пришлось после их ухода устроить генеральную вентиляцию. Заснул муж вследствие этого поздно, но, к счастью, спокойно спал до утра, почему чувствовал себя довольно бодрым на следующее утро.

На вокзале мы встретились с французскими товарищами, нашими спутниками. Тут были Дюма, Боргос, Муте, Кашен, г-жа Лафон с мужем и Зильбер. Мы поместились в соседних купе. Начались разговоры. Все были оживлены, веселы, полны надежд на Россию, хотя тревожные слухи о начинающейся у нас анархии уже дошли до нас.

Кашен, серьезный, вдумчивый человек, часто беседовавший с мужем, стремился разобраться в наших разных общественных течениях, также излагал и свои взгляды на задачи социалистов в тот момент. Они вполне совпадали с воззрениями Плеханова, а именно, что перед социалистами союзных стран одна задача — оказать решительный отпор Германии, раздавить ее милитаризм, не допустить осуществления ее стремления к гегемонии над всем миром, так как с ее победой восторжествовала бы реакция, был бы надолго раздавлен социализм и интернационал.

Когда мы приблизились к обетованной земле — к границе той России, которая в течение почти сорока лет была предметом наших стремлений, надежд, мечтаний, нам хотелось верить, что поражение — циммервальдизм, которое во взглядах недалековидных людей могло еще иметь некоторое оправдание при старом режиме, падет, раз сам народ стал вершителем судеб страны. «Ведь он не может допустить гибель России, хозяином которой он теперь является. Народ будет энергично бороться за ее могущество и свободу, так как только в свободной стране возможно успешное развитие социализма. Победа Германии, наоборот, отдала бы нас экономически в ее цепкие лапы, и мы влачили бы жалкое существование германской колонии, потерявшей национальную свою независимость. А еще Энгельс говорил, что социализм немыслим для нации рабов».

Этими соображениями мы с мужем старались заглушить в себе тревожное состояние, все более и более овладевав-

шее нами по мере приближения к русско-финляндской границе.

Наш переезд из Бергена в Торнео сошел не совсем гладко. В Христианию (ныне Осло. — **Ред.**) мы приехали в полночь; так как все гостиницы были переполнены, мы с трудом нашли комнату за очень высокую цену (30 крон). При этом не только горячей пищи, но даже чаю мы не могли получить. Почти то же повторилось и утром, вследствие отсутствия продуктов в городе. Несмотря, однако, на эти невзгоды, Георгий Валентинович чувствовал себя недурно и готов был ехать дальше.

Зато в Стокгольме нам посчастливилось найти прекрасную комнату и хороший стол в **Grand** отеле. Здесь Георгий Валентинович сразу почувствовал большую усталость, почему провел сутки в постели. Он готов был там остаться на несколько дней, но для нас были уже взяты места в спальном вагоне. К тому же нам не хотелось расстаться с нашими любезными спутниками, из которых в особенности покойный Зильбер проявлял все время в пути трогательную до самоотвержения заботливость о муже и обо мне. Я поэтому склонила Георгия Валентиновича к немедленному продолжению путешествия. Согласившись на это, он предсказывал, что в Петрограде ему не дадут отдохнуть и он, утомленный долгим путешествием, сразу будет втянут в водоворот.

Как известно, он оказался прав. С тех пор прошло почти двадцать трагических месяцев. Но каждый раз, когда я вспоминаю нашу остановку в Стокгольме, я испытываю глубокое раскаяние в том, что не последовала предложению мужа. Тут мой рассказ должен перейти в своего рода исповедь: еще одно соображение руководило мною тогда — боязнь испортить приготовленную мужу дружбы и единомышленниками встречу при въезде в Петроград. Признаюсь, я хотела этой встречи, хотела, чтобы она была грандиозной, полной энтузиазма.

Перед моими глазами прошел весь жизненный путь дорогого мне человека — путь, вначале полный опасностей, бессонных ночей и всякого рода лишений, потом неустанной, неусыпной работы в библиотеках, за письменным столом, в устной пропаганде своих идей и в агитации за их осуществление на собраниях и в печати. Сорок лет этой жизни почти без отдыха, нередко при материальных лишениях. Я хотела всеми силами своей души, чтобы эта, полная самоотвержения за идею, жизнь получила должное вознаграждение при приезде мужа на любимую родину. Хотела я этого, конечно, не для себя, а для него, Г. В. Плеханова. Но, в противоположность мне, перспектива этой встречи, о которой мы заранее узнали из газет, была ему неприятна, и он хотел от нее уклониться, поэтому од-

ним из его побуждений остаться в Стокгольме на несколько дней было именно стремление расстроить эту встречу.

Тревожное чувство сразу нас покинуло, когда мы очутились в Торнео. Мы, наоборот, испытывали радость школьников, вернувшихся домой на каникулы: мы суежились, бегали по большому вокзалу, смеялись по поводу допроса, учиненного нам пограничным чиновником, — кто мы, откуда, почему нет у нас паспортов и т. д. Явившийся вскоре комендант станции сократил этот допрос и извинился, объяснив, что в Россию пробирается теперь много немецких шпионов. Поэтому чиновникам предписано производить всем проезжающим границу строгий допрос. Комендант, молодой офицер, оказался чрезвычайно милым, услужливым человеком. Поручив одному из солдат станции понести наши вещи в буфет, он и сам отправился с нами туда, где познакомил нас с другими офицерами пограничной стражи; позаботился, чтобы нам подали чай, и вскоре за нашим столом собралось много военной молодежи. Все это были студенты, только недавно сменившие свои мундиры на военные. Вскоре присоединился к нам Брантинг, лидер шведской социал-демократической партии, возвращавшийся из Петрограда в Стокгольм. Нашей почти детской, беспредельной радости наступил конец. В сообщениях наших военных собеседников, а также и в вынесенных Брантингом из Петрограда впечатлениях видны бы-

ли сильные опасения за будущее нашей революции и самой России. Молодые офицеры рассказывали нам о происках очень сомнительных людей, которые ведут крайне вредную пораженческо-циммервальдскую пропаганду⁸, имеющую успех среди солдат пограничного гарнизона.

В свою очередь Брантинг категорически утверждал, что в России начинается анархия, что революции грозит смертельная опасность, и, закончил он, обратившись к Георгию Валентиновичу: «Плеханов, Вас ждут. Вы необходимы в Петрограде». Опять к нам вернулось чувство тревоги, на этот раз еще с большей силой. Революция и свобода в опасности, и, как в 1905 г., мы вновь останемся у разбитого корыта...

(Продолжение следует)

⁸ Циммервальдское объединение — временный блок в международном социал-демократическом движении, оформившийся на конференции в Циммервальде 5—8 сентября 1915 года. Участники конференции приняли ряд совместных резолюций, в которых определялось, что война носила империалистический характер со стороны всех ее участников. Т. о., отказавшись от углубленного и всестороннего анализа причин и возможных последствий I мировой войны, сторонники этого объединения «уравнивали» в правах страны-агрессоры и страны, подвергшиеся нападению. Г. В. Плеханов называл это течение «циммервальдизмом» и выступал с его резкой критикой.

Г. В. Плеханов с дочерьми и Л. Г. Дейчем.

ВО ИМЯ СТАБИЛЬНОСТИ, МИРА И СОГЛАСИЯ

9/1991 июнь

Доктор философии
Валентина Левичева

ПРИВЫКНУВ
ЗА ДЕСЯТИЛЕТИЯ
К СВОЕМУ
«ЗАЗЕРКАЛЬНОМУ»
МИРУ, МЫ СОХРАНИЛИ
В ОБЩЕСТВЕННОМ
МНЕНИИ
ПОЗИТИВНОЕ
ВОСПРИЯТИЕ
САМОГО ТЕРМИНА
«ЛЕВЫЙ», СВЯЗАВ
ТЕПЕРЬ С НИМ
НЕ СТОЛЬКО
СОДЕРЖАТЕЛЬНЫЙ
СМЫСЛ, СКОЛЬКО
ТРЕБОВАНИЕ
РЕШИТЕЛЬНЫХ
ИЗМЕНЕНИЙ
В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
И ПОЛИТИЧЕСКОЙ
ОБЛАСТИ

Средство от паники

Чем отличилась сотня?

Как Маруся
победила НКВД

Человек: болезнь
или благо земли?

Феномен
частной собственности

Доносительство: вчера,
сегодня... завтра?

■ ТАЙНЫ АРХИВА

Георгий Плеханов. Царское Село, 1917 год.

Розалия ПЛЕХАНОВА

ГОД НА РОДИНЕ

III.

На промежуточных станциях от Торнео до Петрограда к нам в вагон входили друзья и единомышленники, приехавшие навстречу мужу из Петрограда. Они выражали радость по поводу его возвращения, говорили, что его ждут, что его присутствие необходимо, что все надеются на его влияние, что Россия страдает от двоевластия (Советы мешают Временному правительству) и что этому необходимо положить конец.

Вслушивая всех внимательно, Георгий Валентинович не возражал, но, по его глазам, я видела, а когда мы остались одни, услышала от него, что болезнь России ему представляется более серьезной, чем это кажется нашим друзьям и единомышленникам. По-видимому, уже начинается развал, а в борьбе с ним нужны силы, которых в России может не оказаться. Как бы в утешение и чтобы отвлечь мужа от грустных мыслей, Н. И. Иорданский¹, выехавший нам навстречу, подал ему первые номера газеты «Единство»², которая начала выходить за несколько дней до нашего приезда. Они как бы играли роль приветственного подарка, — «хлеба и соли» — со стороны друзей и единомышленников.

Муж был очень тронут этим вниманием, а также был доволен названием газеты, за которым скрывался смысл, окрасивший всю историю партийной деятельности и борьбы Плеханова со времени лондонского съезда 1903 г. Идея объединения социал-демократической партии он, как известно, посвятил значительную часть своих сил. Его статьи: «Враждующие братья», «Всем сестрам по серьгам» и целый ряд других его произведений, а также многочисленные его выступления на собраниях направлены были против раскола, который он находил губительным для существования социал-демократии вообще и для предстоявшей политической революции в частности. Преследуя единство партии, он полемизировал против той или другой фракции или против обеих, одобрял шаги то одной, то другой, смотря по тому, какая из них приближалась или, наоборот, отдалялась от истинно марксистской тактики; про себя же он говорил:

Продолжение. Начало см.: Диалог, 1991, № 8.

¹ Иорданский (Негорев) Николай Иванович (1876—1928), социал-демократ, редактор журнала «Современный мир».

² Газета «Единство» — орган социал-демократической группы «Единство». Выходила с марта 1917 по январь 1918 г.

«Я не большевик и не меньшевик, я просто социал-демократ». Этой надфракционной позиции не поняли ни враги, ни даже некоторые друзья мужа. Но об этом подробнее в другой раз.

Во время нашего приезда на родину «единство», как лозунг, было более необходимо, чем когда-либо, и появление газеты, которая ставила себе целью защитить и призывать к объединению, было поэтому чрезвычайно приятно мужу.

Друзья нам сообщили, что Временное правительство ждет Плеханова с нетерпением, так как решило предложить ему пост министра труда. Об этом мы знали, будучи еще в Сан-Ремо, из итальянских газет. Но уже там муж мне говорил, что в министерство он войдет только в том случае, когда этого потребует рабочий класс или социал-демократическая партия. По его убеждению, Россия переживала такой момент, когда для спасения страны и революции было необходимо объединение всех живых ее сил, и представителям социалистических партий следовало войти в кабинет министров. Но раньше эта мысль должна проникнуть в сознание рабочего класса. На этом Плеханов стоял твердо, непоколебимо, несмотря на возражения друзей, а также на шаги, сделанные Временным правительством после его приезда в Петроград. Но вернемся к рассказу.

До этих пор муж, хотя и утомленный продолжительным путешествием, почти без отдыха, все же чувствовал себя довольно хорошо и мало кашлял. Но что ждало его в сыром, гнилом Петрограде? Опасения за его здоровье, не покидавшие меня все время нашего длинного пути, исчезли и заменились радостным волнением при приближении к Петрограду. Муж сильно волновался, но его глаза сияли радостью. Тут было смешанное чувство любви к родине и приятного сознания исполненного долга, несмотря на все затруднения.

В поздний час ночи приблизились мы к финляндской станции. Слышался отдаленный гул, а вблизи крики группы людей, окружившей вагон. К нам поднялись с приветствиями люди, лиц которых в темноте нельзя было различить. Затем раздались крики: «Георгий Валентинович. Где Георгий Валентинович? Розалия Марковна, спешите». Мужа подхватывают, влекут куда-то. Я сучусь беспорядочно около вещей, но меня тоже схватывают на руки близкие... Вижу свою сестру, В. И. Засулич³ и еще ка-

ких-то людей, бросаю вещи, но почему-то тащу с собой чехол с зонтиками. Эти зонтики причинили мне потом немало хлопот. Муж уж далеко. Взяв под руки, его увлекли за собой друзья. Раздаются звуки Марсельезы и крики приветствий. Мы выходим на свет к публике. Тут начинается неимоверная давка. Мужа теснят со всех сторон. Меня охватывает страх, что ему мешают дышать, сдавливают его болезненную грудь. Я умоляю товарищей немного раздвинуть напирющую толпу, чтобы образовать вокруг мужа свободное пространство. Мне самой крайне трудно передвигаться и тяжело дышать. Что же он, больной, должен испытывать? Товарищи стараются исполнить мою просьбу. Но толпа, восторженная, ликующая, не внимает ничему. Раскатываются приветия: «Да здравствует Плеханов! Добро пожаловать». Я несказанно рада за мужа: Петроград встречает его должным образом, с восторгом. Взыгравшая, я оглядываюсь во все стороны и различаю возбужденные, с огненным блеском лица рабочих и учащейся молодежи. Промелькнуло в уме, что первых меньше, чем последних, а между тем, кому, как не рабочим, встречать Плеханова, отдавшего им всю свою жизнь.

Вспомнился 1906 г., когда максималисты все делали для того, чтобы трудящиеся массы не прислушались к разумному, любящему голосу идейного отца рабочего движения. Неужели повторяются те же ошибки? Тревога и боязнь за судьбу Георгия Валентиновича, а также за Россию, закрадываются в душу. Я не суеверна; но на этот раз во мне развилась какая-то особенная душевная чувствительность. Не дурное ли предзнаменование эта давка, грозящая мужу и мне почти задушением? Промелькнул в голове эпизод с Марией Антуанеттой при встрече, устроенной ей восторженным Парижем...

Финляндский вокзал мне показался бесконечно длинным. Я чувствовала себя плохо и думала только о том, как бы скорее выйти из этого ада и свободно втянуть в сдавленную грудь воздух. Но впереди шел Георгий Валентинович с гордо поднятой головой, отвечая на приветствия. Это меня успокоило.

Наконец, добрались до парадной комнаты. Но там началось нечто невообразимое. Вся громадная толпа хлынула к дверям. Меня, Веру Ивановну Засулич и мою сестру Анну Марковну оттолкнули в сторону, сдавили со всех сторон. Я, было, потеряла надежду проникнуть в зал. Но кто-то закричал: «Впустите Розалию Марковну Плеханову». Какие-то добрые люди начали расчищать предо мною проход, и мне с трудом удалось

³ Засулич Вера Ивановна (1849—1919) — деятель русского революционного движения. Член народнических групп. 24 января 1878 г. стреляла в петербургского градоначальника Ф. Ф. Трепова; после оправдательного приговора, вынесенного ей 31 марта 1878 г. судом присяжных, эмигрировала. Вошла в состав первой русской марксистской группы «Освобождение труда», руководимой Г. В. Плехановым. Автор ряда философских и литературно-критических работ. В 1917 г. входила в группу «Единство». Друг и соратник Г. В. Плеханова.

Л. Г. Дейч в гостях у Плехановых.

проникнуть туда. Но я была так утомлена этим шествием по Финляндскому вокзалу, что упала в полном изнеможении на стул, не будучи в состоянии подняться, когда меня окликали, чтобы передать букет из роз.

Припоминая это время, я прихожу в ужас при мысли о том, как мы, русские граждане, ничего путем устраивать не умеем. Нужно обладать действительно отрицательным организационным талантом или талантом дезорганизации, чтобы один из лучших моментов в жизни народа, целого города и того Плеханова, которому устроена была встреча, превратить буквально в ряд физических мук, сопряженных с серьезной опасностью для его жизни.

Когда поздно ночью мы с мужем заговорили об этой встрече, и я выражала неудовольствие по поводу бестолковой организации ее, муж, утешая меня, сказал со свойственным ему юмором: «Что же? Петроград проявил ко мне такую страстную любовь, что чуть не задушил меня в своих объятиях. Это от любви».

Перечитав эту страницу, в которой выразилась и радость от энтузиазма встречи, и тяжелое чувство, что эта радость в значительной степени была отравлена, вследствие испытанных нами физических страданий, я все же почувствовала потребность поблагодарить устроителей и участников этой встречи за пережитые покойным мужем счастливые минуты в ту знаменательную ночь.

Таких минут немного было в его тяжелой, страдальческой жизни, а потому они особенно дороги были ему, также, конечно, и мне.

На следующий день (1-го апреля н. с.) в «Единстве» появилось описание этой встречи, причем были перечислены делегации, принявшие в ней участие. По разным соображениям, считаю излишним привести здесь этот перечень. Вот он:

- 1) от 6-го запасного Саперного Гренадерского полка с музыкой,
- 2) от запасного Лейб-гвардейского Московского полка,
- 3) от Лейб-Гвардии Финляндского полка,
- 4) от Организ. Комитета Р.С.Д.Рабочей Партии,
- 5) от Совета рабочих и Солдатских Депутатов: Чхеидзе, Церетели и Скобелев,
- 6) делегации заводов: Феникс, Парвнайнен, Патронного, Металлического, Старый и Новый Прометей, Розенкранц, Арсенала (все заводские делегации были со знаменами, со своей милицией и оркестрами),
- 7) от С.Р. и С.Д. Василеостровского района с оркестром музыки Финляндского полка,
- 8) от Бестужевских курсов,
- 9) от группы объединенных социалистов студентов Института Инж. Путей Сообщения,
- 10) от отдела труда Министерства Торговли,
- 11) от радикально-демократической партии,
- 12) от 8-й армии,
- 13) представители от английского и французского посольств,

14) от комиссариатов: Литейного, Выборгского, Петроградского и Василеостровского районов,

15) милиции от всех заводов Выборгской стороны,

16) от редакции «Единство»,

17) от Клуба «Объединение»,

18) от журнала «Современный Мир»*.

Из этого перечня видно, что рабочие Петрограда, через посредство своих делегаций, участвовали в встрече своего учителя.

Не буду останавливаться на речах, произнесенных на вокзале. Напомню только об ответе мужа на речь Чхеидзе, который от имени Совета Рабочих и Солдатских Депутатов высказал пожелание видеть Плеханова работающим в его рядах: «Я счастлив, что вернулся на родину, — сказал Георгий Валентинович, — я отдаю остаток своих сил работе для победы революции. Надеюсь еще поработать (еще пожить), но готов и умереть за эту победу».

Эти слова были пророческими.

Несмотря на невероятную усталость, усилившуюся еще от того, что после шумной встречи на вокзале, мужа повезли в Народный Дом на заседание Съезда рабочих и солдатских депутатов, откуда он вернулся только в 2 часа полуночи, — он, тем не менее, чувствовал себя бодрым, счастливым.

Оставшись, наконец, наедине в квартире Иорданских, мы поздравили друг друга с благополучным приездом на родину. При этом муж сказал: «Как хорошо, что мы не отложили нашего приезда, — я должен быть здесь, чего бы это мне ни стоило».

Эти слова также оказались пророческими.

IV.

От Бергена до Петрограда мы почти не отдыхали. Но я надеялась, что по приезде сюда мужу удастся несколько дней полежать и хорошенько отдохнуть от дороги. Но я плохо рассчитала: его затянул водоворот политических событий. И то, что он предвидел в Стокгольме, сбылось: в Петрограде отдохнуть ему не дали. Я не могла — и теперь еще не могу — простить себе этой ошибки. Он бы лучше вынес крайне утомительную для него жизнь в течение первых дней пребывания на родине. Но я надеялась, что по приезде в Петроград смогу его обставить так, чтобы его не беспокоили визиты, дела и проч., пока он не отдохнет основательно с дороги.

Ввиду этого мы не воспользовались любезностью городских властей, приготовивших для нас комнаты в Европейской гостинице, а приняли предложение

гостеприимной семьи Н. И. Иорданского заехать к ним. Но и там Георгию Валентиновичу не дали возможности отдохнуть от дороги, от встречи и утомительного пути.

Рано утром мы были разбужены звонком по телефону. Н. И. Иорданский (спасибо ему за это) всячески защищал мужа от покушения посетить его в первое же утро. За первым звонком последовал другой; третий; затем без конца раздавались звонки у входных дверей. Всем надо было видеть Плеханова, у всех были «крайне спешные, неотложные дела».

Упросив мужа в течение этого дня остаться в постели, я взяла на себя прием посетителей. Среди них были делегации от культурно-просветительных обществ, от социалистических и демократических партий, от военных организаций, полков, учащейся молодежи. Были журналисты, добивавшиеся интервью, были фотографы и т. д. Все выражали радость по поводу приезда Плеханова, присутствие которого образумит некоторых людей: он, мол, повлияет на Совет, выскажется против двоевластия, которое губительно отражается на ходе революции; он подействует на армию, в которой началось разложение.

Когда затем я сообщила Георгию Валентиновичу о возлагавшихся на него разнообразнейших надеждах, он сказал: «Они преувеличены; один я не в силах побороть анархию и разруху, если она действительно далеко уже зашла».

На следующий день, 2-го апреля, муж проснулся бодрым, веселым. Это был день первого его выступления перед Совещанием Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. Он выступал вместе с социалистическими делегациями Англии и Франции.

Белый зал Таврического дворца и галереи были переполнены. Плеханову и товарищам-иностранцам при их появлении собравшиеся устроили бурную овацию. А когда Чхеидзе обратился к собравшимся со словами: «Случилась очень любопытная история! Кровавый Николай арестован, а Георгий Валентинович сидит свободный перед нами», — крик энтузиазма вырвался из груди многотысячной публики. Оvation была грандиозная, длительная. Это был счастливый момент, когда, казалось, все сердца бьются в унисон. В этот момент, действительно, казалось, что забыты распри и что вся эта громадная масса охвачена одним порывом, одним чувством счастья от того, что старый вожь, долго преследуемый и гонимый, вернулся, наконец, на свободную родину.

Речь мужа лилась спокойно и плавно. К моему удивлению, на ней не отражалась усталость от трехнедельного пу-

* На полях рукой Р. М. Плехановой отмечено: «Неполный список, делегаций было больше».

тешества, бессонных ночей и тревог; не чувствовалось прерывистости дыхания и одышки.

Речь его, видимо, нравилась аудитории, так как ее часто прерывали оглушительные и продолжительные аплодисменты. Но не все себя чувствовали хорошо в это время. Рядом со мной сидел один из известных лидеров интернационалистов-большевиков, тов. Стеклов⁴, встретивший нас при нашем входе в Таврический дворец. Это — бывший эмигрант, иногда посещавший нас в Женеве. Ласково раскланявшись, он указал мне даже место за столом журналистов и сам сел рядом со мной. Бедняга! Плохо чувствовал он себя во время речи мужа, в особенности страдал он в те моменты, когда зал устраивал оратору овации. Несмотря на то, что я сидела около него, он в эти моменты терял всякое самообладание: испускал глубокие вздохи, вставал, садился, наконец, не вытерпев, справился у меня, сколько мужу лет и каково состояние его здоровья. Получив ответы, что Георгию Валентиновичу 60 лет и что здоровье его неважно, он, видимо, успокоился. Помню, я смутно почувствовала не то угрозу, не то опасность...

Когда я потом рассказала мужу о поведении этого «товарища» во время его речи, он сказал мне: «Представь себе, подошедши ко мне по окончании собрания, он воскликнул: «Вы все тот же, Георгий Валентинович!» На что я ему ответил: «Конечно, все тот же. Чего мне меняться?»

Позволю себе здесь небольшое отступление, думаю, небезынтересное для читателей и до известной степени характерное для тех явных и тайных недоброжелателей мужа, которые всячески старались затем устранить его от влияния на массы.

Лет пятнадцать тому назад мой муж однажды в разговоре с этим самым тов. Стекловым, к слову, человеком способным и неглупым, которому, по мнению мужа, только непомерное тщеславие мешает сделаться серьезным революционным писателем и работником, — между прочим, указал на неискреннее отношение к нему некоторых товарищей: «Они как-то все примериваются ко мне плечом», — сказал муж.

«Ну, что же, Георгий Валентинович, — это не удивительно, — ответил Стеклов. — Каждый из них говорит се-

бе: «Плеханов 20 лет царствовал, пора и мне».

Передавая мне в тот же день этот разговор, муж прибавил: «А ведь он же сам и думал так про себя».

Вернемся, однако, к рассказу. Дурное настроение моего любезного соседа не расстроило моего счастливого, радужного состояния; муж также был очень счастлив в этот день. Георгий Валентинович чувствовал, что пульс громадного Белого зала бьется в унисон с его собственным, что он понят собраньем и что ему сочувствуют. Между тем он ничего не скрыл от него из своих взглядов и с гордостью принял брошенную ему кличку «социал-патриота». «Меня называли социал-патриотом, — сказал он. — Что значит социал-патриот? Человек, который имеет известные социалистические идеалы и в то же время любит свою страну. Да, я люблю свою страну! В этом нет ни малейшего сомнения. Я люблю свою страну и никогда не считал нужным скрывать это. Я уверен, что никто из вас не встанет, чтобы сказать: «Это чувство должно быть вырвано из твоего сердца». Нет, товарищи, этого чувства любви к многострадальной России вы из моего сердца не вырвете!». Эти слова вызвали бурю аплодисментов. Единственным диссонансом в этом общем настроении аудитории был глубокий вздох моего бедного соседа, тов. Стеклова.

Вспоминая впоследствии о том, как встретили мужа представители России при первом его выступлении перед ними, я спрашивала себя, была ли аудитория тогда убеждена и искренна, или это было только минутное увлечение под влиянием сильных доводов и чувств оратора? И мне казалось, Плеханов также был того мнения, — что Совещание Советов Рабочих и Солдатских Депутатов было 2 апреля в громадном большинстве на его стороне. Настроение было не пораженческое. Но этого-то и испугались пораженцы всех мастей.

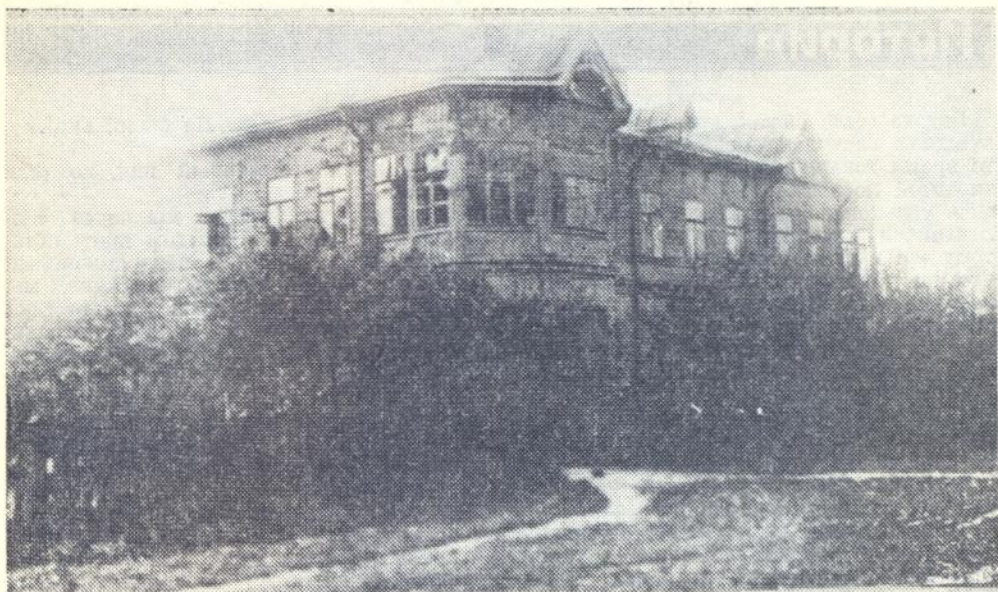
Бодрый и веселый вернулся муж домой и, несмотря на сильную усталость, продикивал большую статью для «Единства». Это была его первая статья в России: «Война народов и научный социализм».

Дело в том, что уже на другой день после нашего приезда в «Правду» появилось неприличное четверостишие Демьяна Бедного⁵, возмущившее весь

⁴ Стеклов (Невзоров) Юрий Михайлович (наст. фамилия Нахамкис) (1873—1941) — участник революционного движения в России, советский государственный деятель, историк, публицист. Во время Февральской революции избран членом Исполкома Петроградского Совета. Участник Октябрьской революции. С октября 1917 г. редактор газеты «Известия ВЦИК».

⁵ Бедный Демьян (псевд.; наст. фамилия и имя Придворов Ефим Алексеевич (1883—1945) — русский советский поэт и общественный деятель.

Речь идет о четверостишии «Добро пожаловать!» напечатанном 1/14 апреля 1917 г. в газете «Правда». Эпиграфом к нему Д. Бедный использовал строки из приведенной статьи, опубликованной в день приезда Г. В. Плеханова в Петроград в газете «Вечернее время». Газета издавалась в Петербурге-Петрограде «Товариществом А. С. Суворина» «Новое время», с 1911 по 1917 г. отражала взгляды партии октябристов, возглавлявшейся А. И. Гучковым.

Дом в Царском Селе, где Плехановы жили летом и осенью 1917 года.

Петроград. Совещание Советов выразило за него порицание «Правде». Л. Каменев⁶ оправдывался, а Демьян Бедный, этот воистину бедный человек, прислал в редакцию «Единства» письмо с объяснением, состоявшем в том, что Георгий Валентинович ему, как всей революционной демократии, очень дорог; поэтому он почувствовал обиду от того, что «Новое время»⁷ прислало делегацию на Финляндский вокзал для его встречи. Письмо это мы нашли недостойным быть напечатанным в «Единстве» и оставили его без внимания. Это объяснение бедного Демьяна совершенно не оправдывало его неприличной выходки. Г. В. Плеханов решительно не мог быть ответствен за делегации, которые приветствовали его въезд в Россию, так как не он организовал эту встречу, — он, повторяю, даже не желал ее. Трудно понять, по какой логике этот бедный человек, решивши, что присутствие на манифестации, устроенной в честь Плеханова, представителей от газеты «Новое время» обидно для него и для демократии, прибавил к этой обиде еще крайне плоское и оскорбительное четверостишие.

⁶ Каменев (Розенфельд) Лев Борисович (1883—1936) — большевик. После Февральской революции выступил против курса РСДРП(б) на социалистическую революцию и Апрельских тезисов В. И. Ленина. В октябре 1917 г. вместе с Зиновьевым опубликовал в полуменьшевистской газете «Новая жизнь» заявление о своем несогласии с решением ЦК РСДРП о вооруженном восстании. После Октябрьской революции занимал ряд ответственных постов в Советском правительстве.

⁷ «Новое время» — акционерное издательское и книготорговое общество, организованное в 1911 г. русским издателем и журналистом А. С. Сувориным («Товарищество А. С. Суворин»). «Новое время» — газета, выходившая в Петербурге-Петрограде с 1868 г. по 1917 г., с 1912 г. ее издавало «Товарищество А. С. Суворин». С 1905 г. газета являлась органом черносотенцев.

Выходка бедного Демьяна возмутила только друзей и людей, близких Плеханову, но он сам отнесся к ней с полным презрением. Мы справедливо увидели в этом четверостишии первый неприличный выпад большой кампании, начавшейся против основоположника русской социал-демократии. Его слишком хорошо встретили Петроград и Россия. Плеханова помнят и любят, за ним пойдут рабочие, — с этим нужно бороться. Надо во что бы то ни стало от него отторгнуть массы. Поэтому необходимо было начать кампанию клевет. На первые шаги «Правды» в этом направлении и ответил Георгий Валентинович в своей статье: «Война народов и научный социализм» («Единство», № 5).

3-го апреля Георгий Валентинович снова выступил перед Совещанием делегатов. Это выступление было для него роковым. Я это предчувствовала и всячески отклоняла просьбу съезда, переданную нам по телефону тов. Скобелевым⁸. Муж был утомлен, утром скверно выглядел, покашливал. Я заявила об этом тов. Скобелеву, прибавив, что говорить два дня подряд ему вредно, но он не отходил от телефона, просил Георгия Валентиновича непременно приехать, хотя бы только на четверть часа, затем, чтобы закрыть съезд.

⁸ Скобелев Матвей Иванович (1885—1939) — участник социал-демократического движения в России. После Февральской революции 1917 года член Исполкома и зам. председателя Петроградского Совета. в мае — августе 1917 года министр труда во Временном правительстве, зам. председателя ЦИК первого созыва.

Погода была сырая, ветреная. В присутствии нескольких сидевших у нас в то время товарищей я высказалась против этой поездки. Но они меня старались успокоить, сказав, что Георгия Валентиновича можно хорошо укутать, к тому же в закрытом автомобиле он ничем не рискует, и поездка продлится всего 1/4 часа. Муж тоже находил, что он не должен отказывать в просьбе Совещанию. Один из товарищей, д-р Соколов, вызвался даже нас сопровождать. Решено было ехать...

Прислали за нами автомобиль с разбитыми стеклами, а вместо 1/4 часа, закрытия Совещания пришлось ждать от 2 до 8 часов вечера в душной, накуреной атмосфере переполненного зала.

Я была очень встревожена, предвидя, что после 6 часов пребывания в такой атмосфере состояние здоровья мужа ухудшится. Тов. Соколов несколько раз подходил ко мне, спрашивая: «Как быть?» Я его посылая к мужу с просьбой, не дожидаясь закрытия заседания, уехать теперь же. Но заседание было чрезвычайно важное и интересное. Георгий Валентинович с напряженным вниманием и видимым удовольствием следил за прениями, принимаемыми резолюциями; к тому же он председательствовал на этом собрании, а потому отсрочить его не было никакой возможности.

В 8 часов вечера он произнес краткую речь, часто прерываемую аплодисментами. Он предостерегал в ней от гражданской войны, «которая может быть полезна реакции», говорил он. А его слова, что необходимо избегать «всего, что может порождать недоразумения между населением и армией», были встречены бурной овацией.

Настроение в зале было чрезвычайно приподнятое. Один из присутствовавших товарищей, взяв слово, сказал, что радостно видеть учителя и учеников. — «Ведь тт. Чхеидзе и Церетели⁹ — ученики Георгия Валентиновича». Эти слова, сказанные скорее нектати, опять вызвали гром аплодисментов.

Вообще лиризм, энтузиазм и радостные надежды на будущее царили, каза-

лось, в сердцах всех. Не было, видимо, диссонанса.

Муж имел утомленный вид, но был счастлив.

С трудом пробрались мы через толпу, так как нас на каждом шагу останавливали товарищи с поздравлениями и приветствиями. Как и накануне, мы встретили много женевских и парижских знакомых. Пожали нам руки тт. Красиков и Гольденберг¹⁰. Последний — очень милый товарищ, — большевик, которого муж очень любил, несмотря на то, что он стоял, по его мнению, на ложном пути, — подошедши ко мне, заговорил о здоровье Плеханова и посоветовал поскорее отправить его в один из финляндских санаториев. Не знаю почему, а это участие мне показалось не вполне искренним, и его совет, данный не без задней мысли, я тут же упрекнула себя в подозрительности, в недоверчивом отношении к людям. Однако позже, месяца через четыре, из разговора с посетившим нас известным французским журналистом, Клодом Онэ, я убедилась в том, что мое минутное впечатление имело основание.

Этот француз рассказал нам, что он ехал в Россию из Франции с русскими эмигрантами. Это было, если не ошибаюсь, в августе 1917 г. Среди ехавших был и тов. Г.¹¹ Заговорили о развале в армии и об опасности, грозящей революции. Клод Онэ сказал: «Меня удивляет, что Россия не пошла за Плехановым, который указал ей верный путь». На это тов. Г. ответил: «За Плехановым не пошли потому, что он слишком любит родину: развал армии был необходим для торжества революции. Без этого развала революция погибла бы под тяжестью торжествующей армии...» Рассказав это, Клод Онэ прибавил: «Странная, непонятная нам психология у русских: для них чуть не преступление любовь к отечеству, и они с легким сердцем готовы допустить унижение, а то и разрушение их родины».

Но буду продолжать свой рассказ:

Любезный тов. Скобелев, усадив меня и мужа в автомобиль, провожал нас домой. Вечер был холодный и сырой, а автомобиль, повторяю, с разбитыми стеклами. На мое замечание по этому поводу Скобелев сказал, что, несмотря на все его старания, другого найти не мог-

⁹ Чхеидзе Николай Семенович (1864—1926) — участник социал-демократического движения на Кавказе, один из лидеров меньшевизма. После Февральской революции член Временного комитета Государственной думы, председатель Петроградского Исполнительного комитета совета рабочих и солдатских депутатов, председатель ВЦИК первого созыва. После Октябрьской революции — председатель Учредительного собрания Грузии.

Церетели Ираклий Георгиевич (1881—1959) — участник социал-демократического движения на Кавказе, один из лидеров меньшевизма. После Февральской революции вошел в состав первого коалиционного правительства в качестве министра почт и телеграфов, затем министра внутренних дел.

После Октябрьской революции возглавил антисоветский блок в Учредительном собрании.

¹⁰ Красиков Петр Ананьевич (1870—1939) — советский государственный и партийный деятель. С февраля 1917 г. член Исполкома Петроградского совета. Делегат VI съезда РСДРП(б).

Гольденберг Иосиф Петрович (1873—1922) — участник социал-демократического движения в России, после II съезда РСДРП большевик. Во время первой мировой войны примыкал к оборонцам, сторонникам Плеханова, а в 1917—1918 гг. — к группе «Новая жизнь».

¹¹ Г. — не расшифрован.

Г. В. Плеханов на пограничной станции Торнео среди офицеров и солдат контрольно-пропускного пункта при въезде в Россию в 1917 году вместе с Ш. Дюма — депутатом французского парламента (в шляпе и белом воротничке) и переводчиком Зильбером.

ли, все автомобили получили раны от революции, а лечить их некому.

По дороге от Таврического дворца до нашего дома муж был весел и много острлил. Он рано лег в постель. К 12 час. ночи он проснулся с проявлениями удушья: горло и грудь его были заложены, дыхание затруднено, температура 39; к утру, благодаря принятым мерам, ему сделалось лучше.

С рокового дня 3-го апреля 1917 г. до

¹² Этот эпизод обыска у Г. В. Плеханова Розалия Марковна описала в письме своим дочерям во Францию. Печатается в переводе с французского. Перевод выполнен научным сотрудником отдела рукописей ГПБ им. Салтыкова-Щедрина Н. А. Елагинной. Об этом см. также: Иовчук М., Курбатова И. Плеханов. М., 1977, с. 327—328. «Увы! Все расстроилось (переезд в Петроград.— Публ.) — из-за событий 25 октября. Начал свирепствовать террор, путешествие по железной дороге с больным стало невозможным, хотя нам была обещана полная безопасность. Наступают трагические дни 30—31 окт., сражение на подступах к Царскому Селу между казаками, с одной стороны, и петербургским пролетариатом и балтийскими матросами, с другой — победа последних, и Царское запружено народом — победителем своих братьев — казаков. Усталые и ожесточенные, они произвели обыски во многих домах Царского, разыскивая спрятавшихся врагов, оружие... Обыски шли повсюду: у Белинских, у владелицы дачи, где мы жили. К нам пришли тоже, увы! Несмотря на уверения наших товарищей и друзей, что никогда не осмелятся прийти к отцу — ваш отец, не будучи оптимистом, был уверен, что, если придут, то не сделают никаких различий — поскольку приходилось иметь дело не с сознательными людьми, а с бессознательно действующим народом, которому имя Плеханова мало о чем говорит... Они никогда ничего не читали, за исключением скверной литературы большевиков, и пропитаны лишь их упрощенческими лозунгами. Они видят контрреволюционеров повсюду, даже среди своих лучших друзей. Это молодые люди, в большинстве своем искренние, несущие в себе священный огонь, и надо их простить, так как они не

30 мая 1918 г. — дня его смерти — муж почти не переставал прихварывать. Бывали улучшения в его состоянии, но за ними следовали продолжительные периоды ухудшения. Так длилось до известного посещения нас матросами и красногвардейцами в Царском Селе. Это посещение и последовавший затем скитальческий период в нашей жизни окончательно надорвали силы мужа, приблизив роковой конец ¹².

знают, что творят. Таким образом, когда я сказала: «Пришли», отец понял.

Отец лежал в постели. Была вторая половина дня, около 3-х часов. Первыми пришли солдаты, матрос — молодой, хорошо сложенный, с красивым лицом, которое, увы, не обещало ничего хорошего, — и юноша (подросток) 16—17 лет из Красной гвардии. «Где хозяин? — Он болен, в постели. — Что вы хотите? — Нам нужен хозяин. — Мы пришли за оружием. — Но у нас нет оружия, и хозяин болен. Подождите здесь, я пойду его предупредить. — Нет, мы должны его видеть», и, отстранив меня рукой, визитеры направились к двери в спальню. Я забегая вперед и предупреждаю отца о посещении. Я могу лишь сказать: «Пришли». Отец понял, о чем идет речь, т. к. он ждал подобных визитов в Царском Селе. Они вошли в спальню. «Мы пришли за оружием! — У нас его нет». Они отвечают: «Мы знаем, что у Вас есть. — Тогда ищите». Я открываю шкаф, твою корзину, Лидия, еще полную вещей, присланных из Парижа. Они ничего не ищут, смотрят вокруг и не осмеливаются прикаснуться. Стук в дверь. Я выхожу. Еще один матрос. Этот постарше, свиреп, с револьвером в руке! Снова: «Где хозяин? Он мне нужен!» — Он болен. — Мы тоже больны. Отдайте оружие. — Мы уже сказали, что у нас нет оружия. — Оно у вас есть, и, если вы его не сдадите, я убью вас на месте». Я начинаю выходить из себя, но отец со своей сократовской методичностью: «Убить человека в наше время легко, но оружия не найдете, ибо у меня его

Я вновь забежала вперед, опять оторвалась от последовательного рассказа. Пусть простит меня читатель за это, но я стараюсь разобраться в этом тяжелом моменте жизни мужа. Меня одолевают противоречивые чувства, когда я думаю о том времени. Я часто возвращаюсь к нему, упрекая себя, что не проявила достаточно твердости и, уступив увещаниям, допустила участие мужа на заседании 3-го апреля. Мне также кажется, что и товарищи должны были пощадить усталого с дороги и слабого здоровьем Георгия Валентиновича и не вызывать его для закрытия Совещания, что, как мне иногда, кажется, было одним лишь парадом.

С другой стороны, в те еще счастливые дни революционного подъема жизнь шла чрезвычайно быстрым темпом, — необходимо было действовать как можно интенсивнее, напряженнее. Напутственное слово мужа, сопровождавшееся призывом к единодушию и объединению, обращенное к огромному количеству делегатов, разъезжавшихся во все углы России, конечно, было важно.

Многое зависело от тех лозунгов, которые они привезут пославшим их массам. Поэтому, несмотря на боязнь за здоровье мужа, я не нашла в себе силы решительно настоять на отказе от поездки на это заседание. Мне казалось, что я не вправе идти наперекор обязанности мужа, его долгу перед родиной и революцией.

Как бы то ни было, Георгий Валентинович захворал с того именно дня, — к тому же в такой момент, когда была особенно острая нужда в том, чтобы он выступал почасе на митингах демократии перед рабочими и на заседаниях Советов.

Случилось как раз то, чего он боялся и что предвидел еще в Сан-Ремо: из-за болезни он не мог оправдать возлагавшихся на него обширных надежд.

Болезнь мужа действовала, как катастрофа, на товарищей и тесный круг

нет». Свирепый матрос успокаивается. У молодого красногвардейца сконфуженный вид. Он спрашивает с приятной улыбкой: «Вы министр?». Отец отвечает: «Нет, я не министр». «Тогда Вы член Думы?». Отец: «Нет, я не член Думы». Тогда свирепый матрос обращается к юноше: «Это не он? Молодой красногвардеец колеблется... и отец спасен. Еще один вопрос, какого сословия (дворянского, буржуазного, крестьянского). К счастью, отец ответил: «Писательского». Матрос приведен в замешательство. Отец добавил: «В течение сорока лет я боролся за народ и революцию». На этот раз свирепый матрос вновь овладел собой. — Ба! Керенский тоже был революционером. Поколебавшись несколько минут и переговорив между собой, они ушли... На следующий день еще один визит матросов, но на этот раз я их не впустила, и они ушли без протеста».

единомышленников, входивших в состав группы «Единство». Эта группа не была еще сформирована, она являлась только сырым материалом, ждала своего вождя, чтобы столкнуться, сорганизоваться, а вождь оказался больным. Чувствовалось огорчение и некоторое смущение среди членов юной организации. Одна молодая, симпатичная и энергичная деятельница этой группы в разговоре со мной о состоянии мужа, когда я выразила свое крайнее беспокойство, сказала мне: «А нам-то, Розалия Марковна, как невыгодно заболеление Георгия Валентиновича». Слово «невыгодно» как-то болезненно кольнуло меня, но это было только неудачное выражение.

Огорчение и смущение единомышленников Плеханова были не без основания; пропаганда и агитация, предпринятые против его идей во время его болезни, велись с необыкновенной энергией. Не щадили при этом и личности Георгия Валентиновича. Это нужно было, чтобы действовать на малосознательную массу. Георгий Валентинович стоит за необходимостью защищать родину — это потому, что он «буржуй». Нам передавали, что ораторы-большевики, выступавшие перед дворцом Кшесинской, только и заняты были дискредитированием и всяческим глумлением над Плехановым. Этим сторонники Ленина занимались, когда Георгий Валентинович был почти прикован к постели и не покидал комнаты.

Одна моя клиентка и приятельница наших дочерей пришла к нам в первые дни апреля прямо из дворца Кшесинской. С глубоким возмущением передавала она, как там какой-то «оратор» рассказывал собравшейся толпе рабочих и солдат, в виде «достовернейшего факта», будто «у Плеханова имеется собственная вилла в Италии». Эта молодая женщина, жившая у нас как раз на этой «вилле» в Сан-Ремо, хорошо знала, в качестве близкого нам человека, каких трудов и бессонных ночей стоило мне и дочери — врачу Лидии ведение дел нашего санатория, а также какие две маленькие, скромные комнатки занимал больной муж в этой не дававшей большевикам покоя «вилле». Знала она также, что «буржуй» Плеханов, несмотря на хроническую болезнь, и слышать не хотел об отдыхе, лечении; он просиживал дни и ночи за письменным столом, покидая свои комнатки только в часы еды и для небольших часовых прогулок.

Слыша клевету ораторов-кшесинцев, наша приятельница взволновалась до слез и там же выступила горячо на защиту Плеханова. Такого рода рассказы доходили до нас с разных сторон. Между прочими ораторами, как мне передавали, подвизался на пресловутой трибуне и г-н Красиков.

Красикова мы знали с начала 90-х гг., когда он, будучи еще студентом, если не ошибаюсь Петербургского универси-

тета, проживал в Женеве со своей женой. Это была очень симпатичная молодая пара, которую мы искренно полюбили и, по-видимому, пользовались также и их симпатией.

Это было в январе 1894 г. В это время нашу семью постигло большое горе: умерла от острого воспаления мозга дочка наша Машенька, хорошенькая, развитая не по летам, которую мы, в особенности муж, безумно любили. Жилось нам в то время в материальном отношении очень плохо. Муж был изгнан из Швейцарии и поэтому жил в Мориэ, пограничной французской деревушке, только от времени до времени получая позволение провести с семьей в Женеве — 1—2 недели. Я, заваленная работой, совершенно не оплачивавшейся, с тремя детьми терпела сильнейшую нужду, а больной муж занимал скверную комнату со скудным пансионом у хозяйки плохенькой деревенской корчмы, рядом с В. И. Засулич. ...Нужда наша дошла до того, что в день похорон нашей любимой девочки мы получили от судебного пристава повестку, извещавшую нас, что в этот же день придут описать нашу жалкую мебель за долг. Муж, которому разрешено было короткое время проживать в Женеве из-за болезни нашего ребенка, поспешил к лавочнице, преследовавшей нас из-за 3—4 десятков франков, чтобы сказать ей о постигшем нас горе и попросить ее удержать судебного пристава от описи нашего имущества в самый день похорон нашего ребенка.

Красиков с женой, узнав, должно быть, от кого-нибудь из наших друзей о наших затруднениях, предложили нам деньги на похороны. Об этом участливом их отношении я узнала впоследствии, и у меня, как и у мужа, надолго осталось к ним чувство глубокой благодарности.

Следующая встреча с Красиковым относится к 1902 году, перед Лондонским съездом. Как-то муж говорит мне: «Знаешь, Р., кого я встретил?» «Кого?» «La figure à passoire» (лицо, что решето), как окрестила наша разбитная служанка тов. Красикова за его лицо, испещренное крапинками от оспы. «Представь себе, на нем отличный цилиндр, а на ногах дырявые сапоги. Он, видимо, нуждается. Я пригласил его к нам».

Действительно, вскоре затем появился и тов. Красиков. Мы его очень ласково приняли, напоили, накормили и, догадавшись из некоторых слов, что он материально стеснен, предложили ему остаться у нас.

Семья наша, состоявшая из четырех душ, ютилась всего в трех комнатах, помещавшихся рядом с моей небольшой клинкой на 4—5 кроватей. Муж спал в своем кабинете, две взрослые дочери-студентки занимали вместе небольшую комнату, но они охотно уступили ее товарищу, устраиваясь на ночь на диване

в крохотной столовой, — они привыкли стеснять себя для гостей, в особенности для приезжавших из России.

На Лондонском съезде 1903 г.¹³ г. Красиков стал ярым ленинцем. По приезде со съезда в Женеву он постоянно бывал у нас, и отношения между нами были самые дружеские. Но, когда наступил 1905 год, Красиков повел энергичную большевистскую пропаганду и он же, как нам передавали, был одним из первых застрельщиков, предпринявших сильнейшую агитацию среди петербургских рабочих против «буржуа» Плеханова! При этом, чтобы придать больше весу своим доказательствам, Красиков прибавлял, что, как очевидец, он из непосредственных наблюдений знает, что мы живем, как «буржуи». Он взводил бессмысленные и возмутительные клеветы на Георгия Валентиновича, который всегда проявлял к нему одни лишь добрые товарищеские чувства...

Вспоминая теперь об этих прискорбных фактах, я полагаю, что их следует объяснить не духом «интриганства», зависти и т. п., как делают это некоторые противники «большевиков», а скорее нашей старой кружковщиной.

Такие «крайние», как Красиков, совершенно не отдают себе отчета в своих поступках, они не понимают, что, стремясь запятнать «отца», как они сами выражаются, социал-демократии, они пятнают социализм вообще.

В общем, это все же недурные люди, готовые подчас и жизнь отдать за дело. Но им кажется, что для торжества их кружковых взглядов все средства хороши. Они не понимают, что грязные средства марают чистоту идеи.

Та же психология, та же aberrация ума и чувства проникла в Красиковых, когда они предприняли недостойную агитацию против Георгия Валентиновича, явившегося для них «опасным» в первые дни его возвращения на родину, ввиду его громадной популярности.

Эти возмутительные личные выпады не доходили до мужа, а если изредка и достигали, то встречали с его стороны полное презрение. Но борьбу против разгула циммервальдизма и большевизма, против проповеди братания на фронте, а также за необходимость вызвать в массах стремление защищать родину, — он считал насущной потребностью, обязательной задачей оборонцев, но кроме небольшой, хотя и деятельной группы «Единство», вокруг Плеханова было, к сожалению, немного сторонников его взглядов.

(Продолжение следует)

¹³ II съезд РСДРП.

*Первый секретарь
Нижегородского горкома
партии Александр Мальцев*

РАБОЧЕЕ
ДВИЖЕНИЕ — ЭТО
КАТЕГОРИЯ
ЗАЩИТИТЕЛЬНОГО
ТИПА. ОТ КОГО?
ОТ РАБОТОДАТЕЛЯ,
КОТОРЫЙ ИМЕЕТ
ЭКОНОМИЧЕСКИЙ
ИНТЕРЕС.
И ВОТ ЗДЕСЬ МЫ,
ПРАВЯЩАЯ ПАРТИЯ
КОММУНИСТОВ,
ОКАЗЫВАЕМСЯ
В КРАЙНЕ
ПРОТИВОРЕЧИВОМ
ПОЛОЖЕНИИ. ВЕДЬ
В НАШИХ РЯДАХ
НЕ ТОЛЬКО РАБОЧИЕ,
НО И РАБОТОДАТЕЛИ,
ПРЕДСТАВЛЯЮЩИЕ
ИНТЕРЕСЫ
СОВЕТСКОГО
ГОСУДАРСТВА.

ВО ИМЯ СТАБИЛЬНОСТИ, МИРА И СОГЛАСИЯ

10/1991 июль

Проклятый 41-й год...

Россия наша неделимая

В бизнесе
только смелые

Ленин — Мартов:
спор о НЭПе

Почему Иван Грозный
повернул
на «Германы»?

ГОД НА РОДИНЕ

Розалия ПЛЕХАНОВА

V

Начавшаяся с приездом Ленина и его зарубежных товарищей проповедь большевизма требовала немедленного и энергичного отпора, решительной борьбы, так как судьба революции и самой России зависела от исхода этой борьбы. Этого не поняли тогда многие из тех, которые, называя себя «интернационалистами», наполовину поддерживали Ленина, чем помогали успеху его агитации и в чем вскоре затем после октябрьского переворота, горько стали раскаиваться.

Необходимо было повести контратитацию против большевиков, выступать на заседаниях Советов, на рабочих и солдатских митингах. Но, как я уже упомянула, Георгий Валентинович после 3-го апреля был почти прикован к постели. Между тем звонки по телефону и во входную дверь не прекращались до позднего часа ночи, депутации, телеграммы, письма, посещения различных лиц, учреждений и обществ из всех концов страны, — все это отнимало массу времени и сил. По словам этих разнообразнейших посетителей, «вокруг имени Георгия Валентиновича кристаллизуется новая Россия», «имя его до того повсюду популярно, что, будь теперь поставлен вопрос о выборе президента русской республики населением страны, — то, по их утверждению, со всех уст раздался бы один клич: «Г. В. Плеханов».

Между прочим, из разных концов России приходили телеграммы и письма с просьбами, чтобы муж взял на себя министерство труда. Об этом же просило его и Временное правительство через министра Коновалова. Но, как я уже сообщила, Георгий Валентинович считал это возможным лишь при делегировании его от соц.-демократии. Это же он за-

Георгий Плеханов и французский социалист Шарль Дюма. Царское Село, 1917 г.

явил и посетившим его в первые дни приезда Чхеидзе и Церетели. В свою очередь, они тогда сказали мужу, что на ближайшем заседании Исполнительного Комитета Совета Рабочих и Солдатских Депутатов предложат его в число членов последнего. Выразив свое на это согласие, Георгий Валентинович просил их, чтобы они одновременно выставили также и кандидатуру Л. Г. Дейча от «Единства».

Нисколько не торопясь занять министерский пост, муж считал своей обязанностью работать в Совете/Рабочих/и Солдатских/Депутатов/, так как там он мог быть особенно полезен рабочему классу, а, следовательно, и России: в своем влиянии на последнюю через Совет Р. и С. Д. он нисколько не сомневался. В первые дни нашего приезда в этом также были убеждены все товарищи, лица, сочувствовавшие ему, и вообще русские граждане. К слову, во время упомянутого своего посещения Чхе-

идзе и Церетели рассказали о первом выступлении Ленина, 4-го апреля¹, на собрании соц.-дем. партии по вопросу об ее объединении.

По их словам, речь его была сплошной утопией и абсолютно никакого успеха не имела.

Как я уже упоминала, ввиду болезненного состояния мужа и невозможности для него принимать разного рода депутации, многочисленных посетителей, принимала их я, лишь в редких случаях допуская того или другого из них до Георгия Валентиновича, обещая остальным личное с ним свидание, как только ему станет лучше.

Если, таким образом, я освобождала мужа от утомления и напряжения, то близкие товарищи старались прийти Георгию Валентиновичу на помощь в отношении бесконечных приглашений, получаемых им, выступать то на концертах-митингах, то с лекцией, вступительным словом, дискуссией и т. д.

Здесь, пользуясь случаем, выражаю всем им — Г. Алексинскому, Л. Г. Дейчу, Э. М. Зиновьевой-Дейч, Н. И. Иорданскому, К. Фельдману² — свою за это глубокую признательность. Неутомимая энергия этих товарищей, переходивших с одного митинга на другой, выступая нередко по два, а то и по три раза в день, в разных концах города и его окрестностей, выдерживая при этом натиски противников и сами атакуя их, — чрезвычайно радовали Георгия Валентиновича и отчасти утешали в вынужденном его в этом отношении бездействии*.

Но заменить Плеханова в литературной области, понятно, не могли другие, а писать нужно было много: начавшиеся в армии и вообще среди населения разложение и деморализация благодаря стараниям ленинцев и «полуленинцев» шли быстрым темпом вперед, большевизм, делая значительные успехи, грозил погубить страну; не дремали также враги справа. Надо было отбивать натиски на всех фронтах; завязался решительный жаркий бой, а единственным оружием у старого борца оставалось неизменное в его руках перо.

¹ Имеется в виду доклад В. И. Ленина 4 (17) апреля 1917 г. на собрании большевиков — участников Всероссийского совещания Советов Рабочих и Солдатских Депутатов о задачах революционного пролетариата, в котором были изложены тезисы, вошедшие в историю как Апрельские тезисы.

² Алексинский Григорий Алексеевич (1879—1967) — русский политический деятель, в 1917 г. примыкал к группе «Единство», с 1918 г. эмигрант.

Дейч Л. Г. — деятель социал-демократического движения в России. Зиновьева-Дейч Э. М. — жена Л. Г. Дейча, скульптор.

Иорданский Н. И. — социал-демократ. Фельдман К. — революционер, участник восстания на броненосце «Потемкин».

* Так в тексте.

Несмотря на бессонные ночи из-за кашля, высокую температуру и прямой, категорический запрет врачей, Георгий Валентинович не переставал пользоваться печатным словом. Не будучи в состоянии сам держать перо в руках, он, лежа в постели, целыми часами диктовал свои статьи для «Единства», в котором, в чем легко может убедиться каждый, в течение многих месяцев, за редким исключением, они появлялись почти в каждом номере.

Лежа в постели, он продиктовал статьи: «Социализм и борьба народов»; «Тезисы Ленина», «Война и мир», занявшую ряд номеров «Единства». Но, как я ни уговаривала мужа остаться в постели подольше, он, едва оправившись, начал лично принимать приходивших к нему по делу посетителей. На настаивания мои прилечь отдохнуть он отвечал шутя: «умрем — отдохнем», — так говорил мой отец.

Долго было бы останавливаться на всех посетителях мужа в течение апреля месяца до нашего отъезда в Царское Село. Скажу только несколько слов о посещении адмирала Колчака, генерала Алексеева, Пуришкевича, Родзянко, депутации от Финляндского Сейма, представителя рабочих организаций города Киева, министра Тома и бельгийского социалиста де-Брукера³.

Колчак посетил мужа в мое отсутствие. Муж мне потом рассказал о нем. Этот здоровенный, сильный, по-видимому, человек плакал, как дитя, когда рассказывал о начинающейся деморализации во флоте. «Если надо, — сказал он мужу, — я буду служить вам, социалистам — революционерам (эсерам. — Публ.), лишь бы спасти Россию. Сознаюсь, социал-демократов я не люблю». Это большое искреннее дитя было

³ Колчак Александр Васильевич (1873—1920) — адмирал. В 1916—1917 гг. командующий Черноморским флотом. Принимал активное участие в борьбе против большевизма.

Алексеев Михаил Васильевич (1857—1918) — русский военный деятель, генерал от инфантерии. Во время Февральской революции, стремясь спасти монархию, убедил Николая II отречься от престола. С марта по май 1917 г. верховный главнокомандующий, затем советник Временного правительства.

Пуришкевич Владимир Митрофанович (1870—1920) — русский политический деятель, монархист. Один из основателей «Союза русского народа» (1905), после раскола которого возглавил «Союз Михаила Архангела». Участник убийства Г. Е. Распутина. После Февральской революции выступал за восстановление монархии.

Родзянко Михаил Владимирович (1859—1924) — русский политический деятель, один из лидеров партии октябристов. После Февральской революции возглавлял Временный комитет Государственной думы.

Тома Альбер (1878—1932) — французский политический деятель, историк. В 1916—1917 гг. министр вооружения. В апреле — июле 1917 г. посещал Россию с целью активизировать ее действия в первой мировой войне. Один из создателей Международного бюро труда при Лиге наций.

Брукер Луи де (1870—1951) — бельгийский социал-демократ, деятель Бельгийской рабочей партии и II Интернационала.

очень смущено, когда муж ему сказал, что адмирал ошибся, обращаясь к нему, так как он принадлежит к той именно партии, которая не пользуется его симпатией. Колчак быстро оправился от смущения и сказал: «Я, знаете, в этом ничего не понимаю, знаю только одно, надо спасти родину, и для этого я готов стать на сторону революционеров, задающихся этой целью».

На мужа он произвел впечатление честного, искреннего человека, горячо любящего своих матросов, а за Россию готового жизнь отдать во всякую минуту. Мало разбирающийся в политических вопросах, он стоял за свободу.

В противоположность Колчаку ген. Алексеев был худой, сухой и, по-видимому, крепкий человек, лет шестидесяти. Я не присутствовала и при его разговоре с мужем, но была ему представлена, когда он, уже прощаясь, собирался уйти. На мужа он произвел впечатление очень умного человека, благородного войки. Он тонко понимал психологию солдата-крестьянина, которого павшая дисциплина превратила в хозяйственно-го мужика, думающего только о том, чтобы вернуться к своей сохе и семье. Он горевал по поводу отсутствия гражданских чувств у теперешнего деморализованного солдата, для которого гибель отечества — пустое слово. Алексеев привел одну из своих бесед с солдатом-крестьянином из Орловской губ. — «Зачем воевать, это пустое. — Да нам война навязана. — Так надо просить мира. — Тогда на нас наложат контрибуцию, заберут наши земли. — Земли у нас хватит, а что касается контрибуции, то разложим ее по душам. Ну сколько на мою душу придется — 60 рублей, ну 100. Так я скорее готов заплатить 100 рублей и остаться в живых». Из этого и других подобных разговоров генерал Алексеев заключал, что армия потеряла свою душу, что русской армии нет. Алексеев скорее пессимистически относился к возможности поднять ее мощь и, видимо, очень страдал от такого положения дел.

Однажды утром в середине апреля раздался звонок. Прислуга докладывает о приходе какого-то господина с письмом. Я выхожу в приемную и вижу невысокого роста, худого человека с нервным интеллигентным лицом, в защитном костюме с какими-то значками на груди. Посетитель протягивает мне письмо для Георгия Валентиновича от Пуришкевича и тут же заявляет, что он сам и есть Пуришкевич и очень хотел бы видеть Г. В. Плеханова. Я ему заявила, что, к сожалению, его видеть нельзя и тут же познакомила его с вошедшим в это время Л. Г. Дейчем, прибавив, что, если у него имеется какое-нибудь дело, то пусть он изложит его нам. Пуришкевич признался, что, в сущности, дела у него никакого нет, но он пришел, чтоб попросить Плеханова войти в министер-

ство, так как только Георгий Валентинович может спасти Россию от анархии. Анархия, пропаганда большевиков, видимо, очень пугали Пуришкевича. Принимавший участие в разговоре Лев Григорьевич не выдержал и вдруг в упор говорит ему: «А как только большевики окажутся у власти, они первым делом повесят Вас». Лицо Пуришкевича подернулось нервной судорогой, и он многозначительно сказал: «Никогда не дам я им повесить себя: я всегда ношу с собой револьвер, — скорее покончу с собой, чем отдамся им в руки». На это Лев Григорьевич заметил, что некоторых жирондистов не избавил от гильотины носимый ими с собою яд. Мы с мужем упрекнули потом его в жестокости. Во время этого разговора неожиданно открылась дверь из спальни, и муж вошел в приемную. Пуришкевич встал, слегка поблел, видимо, сильно взволновался, узнав вошедшего Плеханова. Я представила их друг другу. С волнением в голосе Пуришкевич начал спрашивать мужа взять на себя управление страной, которой грозит гибель. «Вы мой политический враг, но я знаю, что вы любите Россию. И это сознание внушает мне глубокое доверие к Вам. Войдите в министерство. Это Ваша обязанность». Муж не вступил с Пуришкевичем в длинный разговор, и он ушел, оставив впечатление больного, нервного человека, искренно любящего родину. «Это русский Дерулед»⁴, — сказал муж.

Оригинален был мотив посещения мужа председателем Государственной думы Родзянко. В это время министерство уже знало о бесповоротном решении Георгия Валентиновича ответить отказом на приглашение войти в его состав... В буржуазных газетах встречались сердитые выпады по адресу тех, которые не хотят взять на себя ответственности за управление государственными делами. Первой фразой Родзянко было: «Я пришел с Вами познакомиться, так как мне говорили, что Вы очень умный человек». После этого лестного, хотя и показавшегося мужу странным вступления, завязался полный политического интереса разговор. При прощании Родзянко просил у мужа позволения еще раз посетить его, но больше не приходил.

От Финляндского Сейма явилась депутация из трех социал-демократов. Она просила мужа взять на себя посредниче-

⁴ Дерулед Поль (1846—1914) — французский политический деятель, литератор. Участник подавления Парижской Коммуны (1871). 23 февраля 1899 г., в день похорон президента Франции Ф. Фора, пытался произвести государственный переворот, окончившийся неудачей.

Президиум 1-го Всероссийского съезда Советов Рабочих и Солдатских Депутатов. М. И. Снобелев, Н. С. Чхейдзе, Г. В. Плеханов, И. Г. Церетели.

ство между Сеймом и нашим Временным правительством. Вопрос шел о расширении прав Сейма в области внутреннего управления страной. Депутаты-социалисты обратились перед этим к Милюкову⁵, но последний решительно отказал в исполнении желания Сейма, ссылаясь на то, что никакие изменения в управлении Финляндией невозможны до Учредительного Собрания. Я не помню в точности, каких именно прав просил Сейм, но муж находил, что удовлетворить его просьбу следует, если не желать оттолкнуть Финляндию в критический момент, переживаемый страной, когда единство России необходимо перед врагами революции. По словам депутации, их народ искренно сочувствует революционной России и готов ей помочь, чего бы это ему ни стоило. Муж охотно взял на себя переговоры с Милюковым и поставил последнему на вид его неосторожность отказа Сейму. Но наш министр иностранных дел был упрям, и посредничество мужа ни к чему не привело. Я помню опечаленные лица финляндских депутатов, когда они узнали о неудаче своей миссии. Когда они ушли, муж сказал мне: «Я ставлю высоко П. Н. Милюкова, как ученого и общественного деятеля, но он большой доктринер, а государственный человек, страдающий доктринерством, может сильно вредить стране. По-видимому, — прибавил муж, — П. Н. Милюков не отличается большим государственным чутьем. Возьмем его частые заявления о необходимости нам проливов. К чему это? Это вызывает против него массу недовольства и на Западе, и в России. Не говоря уже про то, что преждевременное деление шкуры медведя, когда он еще не убит, просто смешно, — проливать кровь русского крестьянина и рабочего из-за

проливов было бы преступлением. Если же они достанутся России или мы добьемся их свободы в результате навязанной нам войны, то тем лучше: экономическое развитие нашей страны сильно выиграет от этого и будет глупо отказываться от них. Преждевременные же заявления о проливах теперь совершенно нетактичны и вредны».

Перехожу к описанию последних месяцев жизни Георгия Валентиновича Плеханова. Принимаясь за описания этого периода, я опасаясь, что у меня не хватит ни слов, ни красок, чтобы передать чувства и переживания моего ушедшего навеки друга. Я боюсь, что не смогу воспроизвести того величия души, того спокойствия, которые не покидали Плеханова, сознававшего задолго до своей смерти ее приближение. Но я пишу не литературное произведение, а исполняю свою обязанность, как умею, чтобы поделиться с друзьями и почитателями мужа о самой тяжелой, о самой трагической фазе его жизни. Судьба захотела, чтобы мы были с мужем оторваны от друзей и живого мира как раз в такое время, когда ласка и сочувствие так дороги. Я была переутомлена физически и угнетена морально. Пусть друзья простят мне пробелы в моем рассказе.

На переезд в Финляндию и на поселение в санатории я начала настаивать задолго до осуществления этого. Я находила условия жизни во Французской больнице губительными для здоровья мужа⁶. Оно с каждым днем понемногу ухудшалось. Во Французской больнице мы искали мирного убежища для больного после грубого посещения нашей царскосельской квартиры матросами и красногвардейцами — от разнузданности победителей при Пулкове. Этот мир и покой мы нашли. Я с удовольствием останавливаюсь на воспоминаниях о нашем пребывании в радушной Французской больнице. Мы были окружены

⁵ Милюков Павел Николаевич (1859—1943) — русский политический деятель, историк и публицист. После Февральской революции министр иностранных дел во Временном правительстве. 18 апреля (1 мая) 1917 г. выступил с нотой («Нота Милюкова»), подтверждавшей верность Временного правительства союзническим договорам. 2(15) мая 1917 г. вышел в отставку.

⁶ 2 ноября Р. М. Плеханова перевезла больного Георгия Валентиновича во Французскую больницу св. Марии Магдалины, располагавшуюся на 14-й линии Васильевского острова в Петрограде.

нежным вниманием со стороны всего персонала, начиная с дирекции и кончая сестрами, санитарями. Дирекция больницы часто заходила к нам, расспрашивая о его здоровье, о том, доволен ли он пребыванием в госпитале. Нам давали все нужное для питания и за ничтожную прибавку к недорогой цене пансиона мы имели значительно улучшенную, по сравнению с нормой, пищу. Но все же Георгий Валентинович дышал и жил в атмосфере госпиталя, переполненного тифозными больными и совершенно не приспособленного для легочных больных. Поэтому необходимо было везти мужа в благоустроенный санаторий.

До сих пор ни в Царском Селе, ни во Французской больнице Георгий Валентинович, собственно говоря, не лечился, а скорее, сильно утомлялся. В Царском Селе он был хорошо обставлен в гигиеническом и в материальном отношениях, но он много работал, диктовал две, три статьи в неделю, принимал у себя редакцию «Единства», много уделял времени разным посетителям.

Во Французской больнице, несмотря на значительное ухудшение здоровья, Георгий Валентинович тоже много работал, читал, «учился», как он выражался: «учиться надо до смерти, а умереть — отдохнешь», отвечал он на мои просьбы не переутомлять себя работой. Там он принимал реже. Многим, желавшим видеть его, приходилось отказывать из-за все ухудшавшегося состояния его здоровья. Но нельзя было избежать совещаний с товарищами по редакции. А эти совещания волновали и утомляли.

После октябрьского переворота Георгий Валентинович мало писал. За ноябрь, декабрь 1917 года и январь 1918 года появились в нашем «Единстве» только три статьи: «А все-таки движется», «Письмо к рабочим Петрограда» и «А. В. С.».

Один наивный человек, бывший глава Петроградской думы т. Калинин⁷, в некрологе, посвященном покойному мужу, даже похвалил его за это. «Плеханов на нас не нападал», — говорил он. Наивность добродушного т. Калинина доставляла мне веселую минуту, несмотря на мое глубокое горе.

Нет, т. Калинин глубоко ошибся. Плеханов находил октябрьский переворот преступлением по отношению к пролетариату. По его мнению, этот переворот был самым большим несчастьем, которое только могло выпасть на его долю. Но несчастье это, утверждал Георгий Валентинович, имело более глубокие корни, чем это казалось другим, и про-

Октябрьские дни в Петрограде. Здание юнкерского училища после разгона восстания юнкеров.

тестами, митингами, созданием общества «Спасения родины и революции» ничего не поделаешь. Болезнь глубокая, тяжелая, требующая временами и радикальных средств для своего излечения. Демагогические лозунги имели успех благодаря отсталости и усталости нашего пролетариата, — говорил он, — к этой болезни надо подойти с подходящими средствами, надо, чтобы он отдохнул от ужасов войны, надо начать сначала, говорил Георгий Валентинович, надо поднять его сознательность.

Плеханов видел дальше и глубже наших товарищей-единомышленников и дальше всей антибольшевистской России. Все почти без исключения давали большевикам несколько недель власти, а муж скептически качал головой, говорил: «Ошибаетесь, большевики сильны бессознательностью масс, надо, чтобы пролетариат сам убедился в преждевременности, следовательно, и во вреде коммунистического эксперимента, я ему даю для этого по крайней мере еще год, а там еще увидим».

Плеханов не выступал против большевиков по болезни и потому, что уши и головы, для которых предназначались

⁷ Калинин Михаил Иванович (1875—1946) — деятель Коммунистической партии и Советского государства. После Февральской революции был членом Петроградского комитета большевиков. В сентябре 1917 г. был избран гласным Петроградской городской думы, после Октябрьской революции был избран в Петроградскую городскую думу, которая избрала его городским головой.

Грандиозные похороны жертв Революции. Председатель и члены Государственной думы с военным министром А. И. Гучковым у Братских могил.

его статьи, не услышали бы и не поняли бы.

Как я говорила выше, муж не прекращал работы. Я находила необходимым и неотложным увести его из Петрограда и устроить в благоустроенном санатории, где он вынужден был бы подчиниться дисциплине и отдыхать. Я надеялась, что несколько месяцев абсолютного отдыха без редакционных совещаний и свиданий, которых, несмотря на частые отказы, все-таки было больше, чем позволяло состояние здоровья мужа, поправят его. Доктор Аитов, заведующий терапевтическим отделением во Французской больнице и руководивший лечением Георгия Валентиновича, также настаивал на помещении его в санаторий. Он откомендовал мне один в Питкеярви недалеко от Териоки, по его мнению, очень благоустроенный, во главе которого стоял доктор, русский немец д-р Циммерман, хороший специалист по легочным болезням. Санаторий находился недалеко от Петрограда вблизи Териоки, что делало переезд больного мало рискованным. Можно было надеяться перевезти его без риска и утомления для него. Финляндская граница была тогда открыта, проезд не затруднителен. Гражданская война, уже начавшаяся в Финляндии, носила слабый характер. Мы были далеко от мысли, что нам грозит полная оторванность от Петрограда, если покинем его для Финляндии.

Благоустроенный санаторий со строгим врачом во главе был моей мечтой. Я была полна надежд, что в таком санатории Георгий Валентинович поправится. Оставалось уговорить его.

Это было в начале декабря 1917 года. Когда я осторожно заговорила с мужем о необходимости переезда в Финляндию, он решительно отказался от него: «Как ты хочешь, чтобы я поехал к финляндцам, которые повели себя по отношению к нам, к революционной России, самым изменническим образом. Они первые, когда революция еще не окрепла, суну-

ли ей палки в колеса. Своими неразумными, несвоевременными требованиями они ослабили наши силы. Как они отнеслись к «Займу свободы»? Десяти миллионов не собрала Финляндия, в то время как «царские займы» имели у них полный успех. Нет, в Финляндию я не поеду».

Несколько раз я возвращалась к этому вопросу, но мои наставления волновали мужа, и я решила ждать более подходящего момента.

Георгий Валентинович не любил говорить о своей болезни, не любил, чтобы с ним говорили о ней, не любил также докторов и лечения. Чтобы заставить его следовать советам врача, надо было, чтобы последний завоевал его симпатии. А для этого врач должен быть приветлив, тактичен и интересен. Георгий Валентинович любил с врачом поговорить о политике, литературе, рассказать и выслушать интересный анекдот, словом, чтобы понравиться Плеханову, врач не должен был быть педантом. Этому требованию вполне удовлетворяли лечившие его старый заслуженный академик Василий Николаевич Сиротинин и также молодой, приветливый и талантливый Аитов. Их советам муж мой следовал. Но как будет с неизвестным нам доктором?

Я отправилась к нему; впечатление, произведенное им, было скорее в его пользу.

Георгий Валентинович в это время переживал небольшое обострение процесса, лихорадка держалась на большой высоте по вечерам, следовательно, надо было ждать с отъездом, а за это время я надеялась исподволь подготовить его к мысли о необходимости покинуть Петроград для санатория в Финляндии.

Но далеко не уверенная в успехе моих уговоров, я одновременно подыскивала подходящую частную квартиру под кровлей врача, где я могла бы приютиться с моим больным.

Мои розыски, увы, были безуспешны. Мне даже казалось, что Плеханова бо-

ятся: с большевиками шутить нельзя. А вдруг еще в квартиру вломятся матросы и красноармейцы. Царствовавший тогда террор делал свое разрушительное дело⁸. Души мельчали. Люди боялись открыто сочувствовать Плеханову.

Не скрою, что я испытывала при этих розысках тяжелое чувство стыда и обиды: обиды за моего друга и стыда за некоторых. За наших хороших приятелей, считавших для себя честью оказать нам гостеприимство до 25 октября.

Чувство гордости заставило меня прекратить поиски. Было бы несправедливо с моей стороны не прибавить, что рядом с тяжелыми выражениями были радостные. Рядом с людьми, боявшимися себя скомпрометировать, приютив Плеханова, или оказывая ему явные услуги, были люди и группы, которые с трогательной любовью относились к нему. Приходили узнавать о его здоровье, приносили разные съестные припасы, редкие уже в то время, баловали его цветами, но об этом я буду говорить дальше.

Один больной, которому предстояла тяжелая хирургическая операция, слезно умолял доктора Крессона позволить ему повидать Плеханова перед операцией. В горячих выражениях благодарил он мужа за позволение видеть его: «Я не хотел умереть, не выразив Вам, Георгий Валентинович, моей горячей любви и глубокого почитания». Это был совершенно незнакомый нам человек.

Сильно был тронут также Георгий Валентинович делегацией, присланной к нему от студентов и профессоров Горного института. Это был канун Нового года. 31 декабря 1917 года Плеханов лежал, глаза его блистали лихорадочным огнем. Молодой студент из делегации, в которой был также сын одного известного профессора Горного института Н.⁹, волнуясь, произнес горячую речь, поздравив его с Новым годом, он выразил сочувствие его деятельности, его взглядам. Плеханов ответил кратко, его ответ был полон светлых надежд на будущее.

Но больше всего тронула нас горячая привязанность и самоотверженность, с какой отнеслись к мужу и ко мне молодые супруги Александр Густавович и Анна Борисовна Касьяк — молодой студент Горного института и ученица Петроградской консерватории. Я позволяю себе остановиться на этих двух добрых существах, оказавших нам неоценимые услуги во время нашей тяжелой жизни

в период последних дней пребывания во Французской больнице, во время отправления нашего в Финляндию. Это было в декабре 1917 года. В одно из моих посещений редакции «Единства» Л. Г. Дейч сообщил мне, что один молодой студент с женой много раз приносил цветы и молоко для Плеханова и просил сообщить, не нуждается ли Георгий Валентинович в чем-нибудь. И не может ли он с женой посетить больного учителя. Лев Григорьевич ответил студенту, что к Плеханову никого не допускают, кроме очень близких людей, но просьбу его обещал передать мне.

Тронутая этим рассказом о расположении молодых людей к моему мужу, я просила товарищей направить их ко мне в больницу. На другой же день явились ко мне молодой студент с бледным интеллигентным лицом и молодая женщина с умными живыми глазами и симпатичной наружностью. Они сообщили мне, что хотя не принадлежат к социал-демократической партии, но они глубоко чтут учителя, который научил их мыслить и полюбить дело пролетариата. Они стремятся отдать свои силы на служение ему. Но, чувствуя себя еще не подготовленными к этой работе, они хотели бы посоветоваться с Георгием Валентиновичем. Если здоровье его не позволяет ему выслушать их, то не позволю ли я им посмотреть на него и пожать ему руку.

От этих слов веяло любовью и искренностью. Я попросила молодых людей подождать и пошла передать мужу мои впечатления. «Ну что ж, если твои молодые люди такие симпатичные, пусть войдут, я с ними познакомлюсь. Он студент Горного института, а я питаю к институту нежные чувства. Он расскажет мне о профессорах, теперешних порядках, да может быть и почитает вслух, ты будешь свободнее, отдохнешь».

Обрадованная согласием Георгия Валентиновича, я поспешила сообщить ответ ожидавшим меня молодым людям. Таких счастливых лиц и благодарных улыбок я давно уже не видала. С тех пор пошла наша близость. Мы этих молодых людей полюбили, как детей своих. Они посещали нас ежедневно во время нашего пребывания во Французской больнице, прорывались через все препятствия к нам в Финляндию, явились для нас светлым лучом на мрачном фоне педантизма и равнодушия, которые окружали нас в санатории. В радушной семье этих людей я нашла некоторое успокоение, когда вернулась в Петроград с мертвым Плехановым. Они же не покидали меня и окружали меня нежной заботливостью в течение моего первого страшного месяца одиночества после похорон мужа.

⁸ Уже 6 (19) декабря 1917 г. Петроград был объявлен на осадном положении. В листовке, отпечатанной Исполкомом Петровета, говорилось:

1. Город Петроград объявлен на осадном положении.

2. Всекие собрания, митинги, сборища и т. п. на улицах и площадях воспрещаются.

3. Попытки разгромов винных погребов, складов, заводов, лавок, магазинов, частных квартир и проч. и т. д. будут прекращаемы пулеметным огнем без всякого предупреждения.

⁹ Профессор Н. не расшифрован.

(Продолжение следует)

Студент МГУ
Антон Олейник

РАБОЧЕЕ
ДВИЖЕНИЕ
ПРОДОЛЖАЕТ
МУЧИТЕЛЬНЫЙ
ПОИСК
СОБСТВЕННОГО
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ЛИЦА.
БУДЕТ ЛИ
ПОВТОРЕН
«ПОЛЬСКИЙ
СЦЕНАРИЙ»?..
ИЛИ ДВИЖЕНИЕ
К «КРУГЛОМУ
СТОЛУ»
СОЗДАСТ
НОВЫЕ ФОРМЫ?

ВО ИМЯ СТАБИЛЬНОСТИ, МИРА И СОГЛАСИЯ

11/1991 июль

Христос о КГБ:
«блаженны миротворцы»

Кто заказывает
культуру

Манифест
Ларисы Пияшевой

Заработать можно,
но в Швеции

Этюды психиатра:
король Баварский

■ ТАЙНЫ АРХИВА

ГОД НА РОДИНЕ

Розалия ПЛЕХАНОВА

VI

Прежде чем решиться на поездку в Финляндию, я еще пыталась подыскать хорошую частную благоустроенную больницу в Петрограде. Как на таковую мне с разных сторон указывали на больницу Герзони. В той же больнице лечилась от тяжелого недуга моя сестра (Анна Марковна Дукат). Я горячо любила свою сестру и очень страдала от того, что почти не могла ее посещать. Поэтому мне очень улыбалась мысль поселиться с мужем в лечебнице Герзони и иметь таким образом около себя двух самых дорогих мне существ.

6-го января я отправилась к сестре, чтобы повидать ее, посоветоваться и посмотреть предлагаемую нам комнату. Приближаясь к больнице, я была поражена необычным видом улиц и подъезда.

Это было около 5 часов вечера, было совершенно темно. Напротив подъезда стояло несколько грузовых автомобилей, наполненных едва различившимися в темноте фигурами красногвардейцев и матросов. Кругом стояли любопытные, заинтересованные этим необычным около больницы событием, но видимо боявшиеся подойти с расспросами.

Я поднялась к сестре. Застала ее, а также и мужа ее А. О. Дуката и несколько знакомых их приятелей в большой тревоге. На мой вопрос, «что случилось, почему стоят грузовики с красногвардейцами», я получила удивленный ответ: «Как, ты не знаешь, что в эту ночь убиты в Марининской больнице Шингарев и Кокошкин»¹. Присутствие грузовиков у

подъезда объясняется тем, что в них находится стража для охраны бывших министров Терещенко и Карташова, которых увозят тут же в «Кресты», где их пребывание считается безопасным.

Эта ужасная новость ошеломила меня, некоторое время я не могла прийти в себя. Потом меня охватила бесконечная жалость к жертвам дикой расправы и стыд за народ и загрязненную революцию. Я поспешила оставить сестру, шурина и их знакомых. Я читала упрек в их глазах, вот твой народ — хорош!

Накануне этого дня у нас с моими родными и их приятелями происходил спор о народе вообще и русском, в частности. Он завязался по поводу одного случая жестокого самосуда, совершенного толпой над молодой девушкой, застигнутой приказчиком одного магазина в момент, когда она прятала пакет кружев или какую-то другую вещь. Приказчик поднял крик, собралась толпа мужчин, женщин, взрослых и подростков, и молодую девушку убили жесточайшим образом. Случай этот с раздирающими душу подробностями был описан в одной из петроградских газет и вызвал волнения и толки.

Я горячо защищала русский народ и убеждала своих оппонентов провести разницу между народом и толпой. И теперь я должна была сознаться: убили выходцы из революционного народа, а не толпа. Стыдно было до слез. Я поспешила уйти.

Возвращаясь во Французскую больницу, я была охвачена тревогой за Георгия Валентиновича. Я опасалась, что это страшное известие могло дойти до него в мое отсутствие и решила, если оно еще не дошло, то скрыть от него трагедию с Шингаревым и Кокошкиным во что бы то ни стало. Надо было как можно скорее увезти его из проклятого Петрограда, по которому опять пошла волна безумного бессмысленного террора. Но застану ли мужа в живых? Во Французской больнице мы нашли убежище после дикого разгрома в Царском Селе победителей при Пулкове. Но трагедия Марининской больницы показала, что для человека, в котором разнузданная зверь, — нет ничего святого. В культурных странах — больницы являются храмами печали и надежд. В них голоса понижаются, шаги делаются неслышными. Мы еще не дожили до этого.

Путь от клиники Герзони до Французской больницы казался мне бесконечным.

Продолжение. Начало см.: Диалог, 1991, №№ 8—10.

¹ Шингарев Андрей Иванович (1869—1918) — политический деятель, один из лидеров кадетской партии. Во Временном правительстве занимал пост министра земледелия, затем финансов. После ухода кадетов из правительства 2(15) июля — лидер кадетской фракции в Петроградской городской думе, член Предпарламента, избран в Учредительное собрание. Арестован в ноябре 1917 г., заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен на лечение в Марининскую больницу.

Кокошкин Федор Федорович (1871—1918) — один из основателей и лидеров партии кадетов. В июле — августе 1917 г. государственный контролер Временного правительства. Арестован в ноябре 1917 г., заключен в Петропавловскую крепость, затем переведен на лечение в Марининскую больницу.

Я испытывала муки ада и пришла в себя только тогда, когда убедилась, что ничто не нарушило обычной тишины, и около входа в больницу увидела спокойное лицо швейцара. Георгий Валентинович спокойно и оживленно беседовал с сестрами Аксельрод — Любовью Исааковной и Идой Исааковной². Я сейчас же убедилась по их лицам, что они ничего не знают о трагическом событии, волнующем весь Петроград.

По моему лицу муж сейчас же догадался, что я чем-то сильно встревожена, но он приписал это ухудшению в состоянии здоровья сестры, что я охотно поддержала. В этот вечер он чувствовал себя недурно, температура была невысока. Под предлогом утомления моего больного я попросила гостей перейти в смежную комнату и через некоторое время сама вышла к ним и сообщила им о постигшем нашу злополучную родину большом несчастье — убийстве матросами Шингарева и Кокошкина. Лица наших друзей сильно вытянулись и из их груди вырвался почти одновременно крик: «Какой ужас, какой позор для нашей родины, для революции».

В тот момент нам был известен только голый факт убийства. Несмываемым позором для русского народа, страны и революции казалось мне это невероятное злодеяние, когда я узнала о жестоких

подробностях, о душу возмущающем цинизме авторов убийства, о двадцати рублях, потребованных у сестры Шингарева для извозчика, привезшего убийц ее брата, о краже куртки покойного. Все эти подробности придают преступлению какую-то особенную чудовищность, характер расчетливой жестокости. Никакие фразы о революционном фанатизме не смяют этого позора. Я высказала Любовь Исааковне и Иде Исааковне мои опасения относительно дальнейшего пребывания Георгия Валентиновича во Французской больнице. Они согласились со мной, и мною тут же было принято решение увезти его в Финляндию, как можно скорее. Вместе с тем мы решили скрыть от мужа смерть Шингарева и Кокошкина. Шингарева Георгий Валентинович знал лично и питал к нему глубокую симпатию, несмотря на разницу их политических и социальных взглядов. Несомненно, что известие о трагической смерти этого прекрасного человека будет тяжелым ударом для него, а сердце Георгия Валентиновича было слабо, его надо было щадить.

В этот же день поздно, почти в 11 часов ночи, когда Георгий Валентинович уже спал, швейцар больницы осторожно вызвал меня и сообщил, что какие-то господа просят меня выйти в приемную. Они имеют ко мне неотложное дело. Я очень удивилась этому позднему визиту, как явлению необычайному в нашей обители и поспешила в приемную. Тут я застала наших молодых друзей — супругов Каськ, студента Горного института сына профессора Н. и еще одного молодого человека, тоже студента Горного института. Лица их были бледны и встревожены. Они заявили мне, что приехали за Георгием Валентиновичем, которого нельзя оставить во Французской больнице после кошмарного события, случившегося в Мариинской. Для меня и мужа имелось по-

² Аксельрод Любовь Исааковна (1868—1946) — философ, литературовед, участник революционного движения в России, социал-демократ. В 1917 году член плехановской группы «Единство».

Аксельрод Ида Исааковна (1872—1918) — литературовед, философ, участник революционного движения в России, социал-демократ.

мещение в квартире профессора Горного института Н., который просил передать мне, что он своей грудью будет защищать вход в комнату Плеханова. Молодежь очень волновалась и настаивала на переезде сейчас же...

Я была глубоко тронута этим проявлением симпатии к мужу, но решительно отказалась теперь беспокоить его в такой поздний час. Он теперь чувствует себя недурно, сказала я своим милым поздним посетителям, спокоен, ничего не подозревает о трагедии, разыгравшейся прошлой ночью в Марининской больнице, и проведет, наверное, хорошую ночь. Будить, поднять с постели, везти поздно ночью, в трескучий мороз больного Плеханова было рискованнее для его жизни, чем маловероятное распространение террора и на Французскую больницу. Но молодежь не успокаивалась. «В таком случае мы останемся здесь в больнице в качестве охраны Георгия Валентиновича».

Я насилу успокоила и убедила молодых людей отказаться от их решения и обещала им бодрствовать всю ночь и не дать в обиду Георгия Валентиновича, если к нам явятся страшные непрошенные гости, что, прибавила я, весьма маловероятно, так как он никогда не был ни «министром», ни «членом Государственной Думы».

Я была спокойна, и боязнь, охватывшая меня за Георгия Валентиновича во время пути из больницы Герзони во Французскую, совершенно рассеялась.

Много раз впоследствии, находясь в Финляндии, в негостеприимном и неуютном санатории, оторванные от родины и близких людей, вспоминала я о милом и великодушном предложении профессора Н., и жалела о том, что не устроила у него больного Плеханова. Быть может, он теперь был бы среди нас и помог бы своей здоровой и глубокой головой выйти нашей несчастной родине из того тупика, в котором она теперь находится. Но тогда мне казалось, что только в Финляндии спасение, что только в этой тихой стране, в спокойных стенах санатория он найдет необходимые условия, если не для полного исцеления, то для поправки расстроенного здоровья.

Теперь передо мной стояли две задачи: во-первых, скрыть от Георгия Валентиновича во что бы то ни стало убийство Шингарева и Кокошкина и, во-вторых, добиться согласия его на поездку в финляндский санаторий. Для исполнения первой задачи мне надо было предупредить всех являвшихся к нам знакомых, друзей и членов персонала больницы о том, чтобы мужу не говорить о трагедии, разыгравшейся ночью с 5-го на 6 января в Марининской больнице. Это было нетрудно устроить, так как в комнату больного Георгия Валентиновича никого без моего ведома не впускали и обыкновенно я выходила к посетителям раньше, чем ввести их к нему. Гораздо

труднее было предохранить его от ознакомления с происшедшей трагедией из газет.

Обыкновенно к утреннему завтраку швейцар приносил нам три-четыре газеты. Муж брал одну, я — другую. Мы прочитывали их про себя, делились впечатлениями, а потом брались за следующие. Теперь надо устроить так, чтобы мужу в руки газеты не попадали, для этого надо отказаться от потребности и удовольствия прочесть несколько газет и поручить швейцару купить только одну. Мужу же пришлось сказать неправду: мол, больше одной газеты нельзя было достать. Газету же я брала из рук швейцара и читала ее мужу вслух, начиная с телеграмм, прочитывала последние известия и переходила к статьям, тщательно пропуская все то, что касалось взволновавшего и возмущившего весь цивилизованный мир события. Когда же главное было прочитано, и Георгий Валентинович просил у меня газету, чтобы самому ее прожевать, я вспоминала, что надо брать лекарство, намазать бок йодной настойкой и т. д. Газета же тем временем, как бы невзначай переносилась мною в мою комнату и исчезала под подушкой.

Поздно вечером, когда муж засыпал, я уходила к себе на часок и с жадным беспокойством набрасывалась на известия, касавшиеся убийства Шингарева и Кокошкина. Так длилось целых две недели, до нашего отъезда в Финляндию.

О трагической кончине этих двух мучеников муж узнал месяца два спустя, прочитав в газетах о следствии по делу зверского убийства. Он меня горько упрекнул в том, что я скрыла от него это кровавое событие. «Ты, Роза, кажешься думаешь, что болезнь сделала меня малодушным, ты ошибаешься, я еще тверд духом. Утаив от меня убийство Шингарева и Кокошкина, ты помешала мне исполнить долг по отношению к революции и партии кадетов. Я тогда в состоянии был отозваться на этот ужас».

Теперь же я слаб и писать не могу». Мне тяжело было выслушать этот упрек, но я не жалела о своем поступке.

Вторая моя задача была относительно легко выполнена, потому что на меня нашла что называется энергия отчаяния: во Французской больнице оставаться нельзя было, во-первых, из-за плохих гигиенических условий, во-вторых, она уже не выполняла требований спокойного убежища для больного Плеханова. В нее легче было ворваться, чем в Марининскую. А что какие-нибудь нафантазированные дикари, вроде царскосельских наших посетителей, могли ворваться с целью убить Плеханова, как человека, «вредного для советской республики,

Похороны жертв павших 5 января 1918 г. в д.м. старейшего Учредительного Собрания. Петроград 8 января 1918 г.

продавшегося буржуазии и т. п.», казалось весьма возможным мне и близким нашим друзьям, следившим за органами официальной большевистской печати.

В «Правде» в течение первой половины января 1918 года был ряд статей, рассчитанных на малосознательную рабочую публику, переполненных клеветой и инсинуациями по адресу Плеханова и старых революционеров.

«Плеханов принимал участие 18-го июня в патриотической манифестации с духовенством во главе».

«Имя Плеханова выставляется во всех контрреволюционных министерствах» и т. д.

Авторам этих неприличных статей отлично было известно, что Плеханов не устраивал июньской демонстрации, что за ним пришли в редакцию «Единства» инвалиды и рабочие-оборонцы, что молебствие, устроенное духовенством в конце речей, было простым совпадением, о котором случайные участники демонстрации ничего не знали. Авторы инсинуации отлично знали, что Плеханов был прикован к постели с сентября месяца и решительно не был повинен в тех упованиях, которые строили на нем Корнилов, Алексеев и др. Для этих последних имя Плеханова было эмблемой демократии, выставляя его, не спросясь, они хотели показать свои демократические намерения. Плеханов же от них был так же далек, как небо от земли.

Но большевики оставались верными себе.

Дикая выходка царскосельских победителей, которые осмелились допустить матросов и красногвардейцев до постели

тяжелобольного Плеханова, вызвала глубокое возмущение всей мыслящей демократической и рабочей России. Протесты посыпались со всех сторон. Большевики всполошились: «Плеханов еще жив. Симпатии к нему еще не искоренены. Это может внести луч отрезвления и сбить с толку рабочие головы и вот надо поторопиться с пасквилом, инсинуациями. Цель оправдывает средства».

Вообще я нахожу, что из всех преступлений, лежащих на совести нашего октябрьского правительства и его сподвижников, самое большое — это нравственное растление нашего общества. Его делают диким, неблагодарным и жестоким. В речах и статьях оно только и слышит о том, что надо разбивать позвоночные столбы, укоротить на голову, умерить с голоду и т. д. и т. д.

Эти речи и статьи — лучшая школа для мастеров вроде убийц Шингарева и Кокошкина.

Словом, моральная атмосфера в начале января была такова, что эмигрировать больному Георгию Валентиновичу было необходимо.

Как сказано мною выше, я с энергией отчаяния принялась опять убеждать мужа переехать в финляндский санаторий. Доктор В. Д. Аитов меня поддерживал, и Георгий Валентинович дал наконец согласие:

Мы все-таки задержались в Петрограде до 23 января из-за паспортов и желания Плеханова устроить одно-два собрания редакции «Единство», ответить Мирскому («Буки-Аз-Ба». — Публ.)³. С ре-

³ Мирский Борис (наст. фамилия и имя Миркин-Гецевич Борис Сергеевич) — журналист. Автор фельетонов в газете «Вечерний час», на один из которых ответил Г. В. Плеханов в статье «Буки-Аз-Ба», напечатанной в газете «Наше единство» №№ 14—16 от 11—13 января 1918 г. См. также: Диалог, 1990, № 11.

дакцией газеты «Единство» решено было установить правильные сношения. Раза два в неделю два члена ее должны были приезжать в санаторий Питкеев для обсуждения статей и редакционных вопросов. Сношения с Финляндией, повторяю, были в то время легки и никто из нас не предвидел, что мы будем в скором времени отрезаны от родины, Петрограда, библиотеки, друзей и осуждены на полное одиночество.

Между тем здоровье Плеханова, несмотря на некоторое улучшение, было плохо, лихорадка 37,5—38,2 не покидала его, он чувствовал общую слабость. Надо было, следовательно, устроить переезд с большими предосторожностями. Доктор Аитов предложил сопровождать мужа до санатория, чему я очень обрадовалась. Мы решили вызвать санаторный автомобиль с носилками, постелью и санитарями. Плеханова должны были вынести на носилках, вставить последние в автомобиль, по приезде на Финляндский вокзал внести его в вагон. Хорошо укутанный, он не рисковал простудиться, и сердцу, ослабленному от тяжелых переживаний и продолжительной болезни, не грозило утомление от ходьбы по бесконечной платформе Финляндского вокзала. Владелец гаража обещал прислать санитарный автомобиль с носилками и санитарями к 11 часам утра 28 января. На мой вопрос, можно ли быть уверенным в исполнении обещания, В. Д. Аитов и швейцар Французского госпиталя ответили мне, что я могу быть спокойна, что больнице очень часто приходится иметь дело с этим гаражом для перевозки больных и не было случая, чтобы, обещавши доставить автомобиль, обещание это не было приведено в исполнение. Я успокоилась, забыв о том, что мы находимся в периоде террора, конфискации, реквизиций и т. д.

На другое утро, когда все было готово к отъезду, больной мой одет, вещи упакованы, ожидаемый автомобиль к назначенному часу не явился. Телефонировал в гараж, и оттуда отвечают, что за вчерашний день многие частные и общественные автомобили были реквизированы. Поэтому хозяин решительно отказывается выпустить обещанный автомобиль, из боязни, чтобы последний не подвергся участи своих собратьев. Несмотря на просьбы и мольбы, хозяин был неумолим, он не мог рисковать автомобилем.

Как быть? На нашу комнату во Французской больнице был уже кандидат. Д-р Аитов мог сопровождать нас только в этот день или через неделю. Потолковавши с ним, мы решили, что надо воспользоваться недурным самочувствием мужа, невысокой температурой и покинуть больницу в Петроград.

До отхода поезда оставалось полтора часа. Никакой надежды не было найти закрытую карету или частный автомобиль. Уже несколько дней, как эти способы передвижения исчезли с улиц Пет-

рограда. Ничего не оставалось делать, как взять извозчиц сани. Я высказала мужу наши соображения и спросила его, как он решает. На это он мне ответил полушутя, полусерьезно: «Я человек военный, как начальство находит нужным, так я и сделаю. Вы с Аитовым начальство — решайте». — «Мы за то, чтобы ехать», — сказала я. «Ну и хорошо, я подчиняюсь». Не скрою, что абсолютное доверие, проявленное нам Георгием Валентиновичем, вызвало в глубине души моей какое-то тяжелое боязливое чувство. «А вдруг я сделаю опрометчивый шаг, рискую здоровьем и даже жизнью Плеханова».

В это утро Плеханов был бодр, весел, острел с доктором, со служащими, выглядел молодцом в теплой меховой шубе с большим воротником из черного астрахана, любезно предоставленной ему для пути профессором Горного института. На голове меховая шапка, на ногах высокие теплые валенки. Словом, хоть на северный полюс. На дворе стояла оттепель. Грязновато, но не холодно. Мы сердечно простились с Французской больницей, этим маленьким куском гостеприимной Франции, в которой Плеханову пришлось искать приюта от неблагодарной, не помнящей родства родины. Сестры и санитары, сестра-фармацевт провожали нас с хорошими напутствиями, усадили мужа в сани, укутали ему ноги. Эти добрые люди вызвали на бледном лице Георгия Валентиновича счастливую улыбку. Он ласково пожимал всем руки и благодарил за внимание. В передних санях сидел Георгий Валентинович и рядом с ним д-р Аитов, а я с вещами поместилась в задних. Путь от Французской больницы до Финляндского вокзала оказался длинным и утомительным даже для меня. Жидкая грязь мостовых покрывала сани, мою одежду и чемоданы. Мокрый снег залезал в уши, шею, слепил глаза. Сани двигались точно по бушующему морю, то попадали в яму, то выплывали на поверхность, потом опять в яму. Вытряхивало, что называется, душу.

Между тем как передние сани умчались далеко, мои же едва плелись: лошадей, бедняжка, худая, бессильная от недоедания, ей неумоготу везти меня с тремя, хотя небольшими, но туго набитыми чемоданами.

Питер, безумно любимый мною Питер, какое печальное зрелище представляешь ты для меня в это утро. Мостовая в лужах и грязи, местами собранной в кучки, небо свинцово-серого цвета, в воздухе кружатся снежные комки, падающие на землю и тут же тающие. В одном месте, на одной из прекрасных набережных Невы мальчик лет 12 загребал грязь

с мостовой и бросал ее в кучу; обрызгал сани, в которых я сидела. Извозчик накричал на мальчика: «Ты чего же не смотришь, чего грязью в людей ки-

даешь». — «Это ничего, — весело и лукаво возразил сорванец. — Это — барыня».

Меня очень мучила мысль о том, как

Плехановы на контрольно-пропускном пункте на границе Швеции и Финляндии. 1917 год.

чувствует себя Георгий Валентинович, не продувает ли его, не страдает ли он, как я, от окружающей сырости, но ни мой голос, ни голос моего возницы не доходил до передних саней. Я только заметила, что перед въездом на Выборгский мост сани, в которых сидел Георгий Валентинович и доктор Аитов, остановились перед группой рабочих, занятых поправкой рельсов. До меня дошли крики извозчиков и громкие ругательства рабочих. Когда мои сани поравнялись с последними, они продолжали кричать. Лица их были измученные и озлобленные. Что случилось в первых санях, где поместились В. Д. Аитов и Плеханов?

Наконец, Финляндский вокзал. Погода слегка прояснилась, выглянуло солнце. Муж стоял на перроне вокзала, хорошо укутанный, бодрый. Пока я расплачивалась с извозчиками, нашла носильщиков, покупала билеты, Вл. Дав. Аитов, подхватив под руку мужа, увлек его на платформу. До отхода поезда оставалось минут двадцать и этого времени было достаточно, чтобы, идя медленно, успеть вовремя усесться в вагон. Но Георгий Валентинович чувствовал себя недурно и, верный своей старой привычке не опаздывать, торопил доктора Аитова, и они вдвоем быстрыми шагами направились к вагону, в который носильщик, победивший вперед, занес вещи. Находя эту быструю ходьбу крайне вредной для мужа, я издала окликала его, прося и требуя, чтобы он остановился, пер-

дохнул и пошел медленнее. Но голос мой был гласом вопиющего в пустыне.

Войдя в вагон, я ужаснулась, посмотрев на моего неосторожного друга. Лицо его было покрыто смертельной бледностью, он тяжело дышал. «Что с тобой? — спросила я его, — тебе плохо?» — «Я должно быть устал от быстрой ходьбы, дай мне выпить черного кофе». Я дала ему несколько рюмочек. Скоро он почувствовал себя лучше, оживился и начал передавать мне впечатления, вынесенные им из поездки по Петрограду.

«Я почти с радостью сел в сани, — начал он, — думал, проеду по Петрограду: ведь я в течение трех месяцев не покидал больничных стен. Но какой ужас. Эти улицы с ухабами и грязью, площадная ругань извозчиков, рабочих. До тебя, вероятно, дошли крики. Это наш извозчик сцепился с рабочими, починявшими рельсы. Он закричал, чтобы они посторонились, а рабочие замедлили. Извозчик ргнулся, а те в ответ пустили площадную ругань, словом, беда. Лица у рабочих бледные, измученные и озлобленные. Петроград вырождается».

«C'est une ville en decadence!» * — сказал он, обращаясь к доктору Аитову. «Как это тяжело». Лицо Георгия Валентиновича сделалось грустным, задумчивым.

Сознание этого преждевременного упадка горячо любимого нами города было убийственно тяжело для нас обоих. Мы очень любили Петербург, лучшие годы нашей жизни, наши юношеские увлечения, переживания связаны были с ним. В Петербурге Плеханов сделался

* Город ветшает (фр.)

революционером, и там прошли первые годы его революционной деятельности. В течение почти сорокалетнего изгнания мы не переставали им интересоваться и мечтать о нем. Муж всегда говорил, что, когда мы добьемся политической свободы, Петербург сделается одним из самых культурных и самых красивых центров Европы. Но, увы, мы, несмотря на две революции, массу жертв и страданий, переживаем такой момент нашей истории, который по своему деспотизму и жестокости не уступает царствованию Иоанна Грозного. Далеко нам еще до политической свободы. А пока Петроград гибнет.

Путь до Териок прошел благополучно. Георгий Валентинович оправился от усталости и оживленно беседовал. В Териоках на вокзале он почувствовал себя скверно. Он жаловался на стеснение в груди, одышку, сравнивая испытываемое им состояние с тем, которое он уже раз испытал, поднимаясь на Везувий.

Тут я попрошу позволения у читателя сделать маленькое отступление и рассказать о нашей экскурсии на вулкан. Мне кажется, что этот эпизод очень характерен для Георгия Валентиновича и лучше всего свидетельствует о том здоровом духе, который царствовал в его вечно больном теле, о любви его к жизни и природе, о его настойчивости в достижении намеченной цели.

Это было в 1913 году. Мы давно с ним мечтали о поездке в Неаполь и о поднятии на Везувий. Георгий Валентинович уже раньше доставил себе это удовольствие, писал мне восторженные письма из Помпеи и решил при первой возможности вернуться со мной в этот сказочный край. «Я все эти места знаю и буду твоим чичероне». Я мечтала об этой поездке много лет, и наконец в июле 1913 года мечта эта осуществилась... Мы поехали в Неаполь.

По дороге мы посетили Рим только для того, чтобы поклониться Аполлону Бельведерскому, полюбоваться на станцию Рафаэля и еще раз испытать глубокое, художественное наслаждение, вызываемое созерцанием знаменитой фрески Микеланджело в Сикстинской капелле Ватикана.

В Неаполе мы пробыли восемь дней. «Чичероне» мой, как всегда во время посещения итальянских городов, был неутомим, он раньше меня вставал, безжалостно будил меня, когда мне хотелось еще поспать, требовал, чтобы я до открытия музея почитала о тех произведениях искусства, которые мне придется видеть. У него всегда был запас книг по искусству во время путешествия и можно сказать, что поездка Георгия Валентиновича по Италии была не «парти де плезир»*, а школой для изучения шедевров живописи, скульптуры и архитектуры. Он учился с увлечением, со

страстью. Он перерождался: ни пронизывающая сырость церквей, ни лестницы, ни утомительная ходьба по пыльным улицам при удручливой жаре — ничто его не останавливало. Он был неумолим к себе и требователен ко мне. А я хотя иногда и запротестую против «деспотизма» моего «чичероне», но в глубине души была ему бесконечно благодарна. Без него я бы не вынесла и сотой доли тех сведений, которые дали мне совместные с ним путешествия.

Поглощенная своей медицинской практикой, практикой тяжелой, не дававшей мне, что называется, ни отдыха, ни срока, я во время путешествия с Георгием Валентиновичем вся отдавалась искусству и красоте, слушалась моего «чичероне» и вслушивалась в слова моего учителя как в откровение.

Погода нам благоприятствовала за все время нашего пребывания в Неаполе. Стояли чудные, ясные дни, на небе ни облачка, и жара умерялась легким прохладным ветерком с моря. Осмотревши музей, побыв на Капри, мы отправились в Помпеи. Плеханов, который уже два раза посетил этот сказочный город, был оживлен, счастлив, бегал, не чувствуя усталости, объяснял, восторгался. Но к этому путешествию я еще вернусь, когда буду писать о своей жизни с Плехановым. Теперь скажу только несколько слов о том, как с ним поднимались на Везувий.

По дороге из Неаполя до Помпеи, где мы должны были пересест на поезд, поднимавшийся к подножию Везувия, к нам пристал какой-то итальянец с лукавой внешностью и советовал не ехать в Помпеи, а сойти на промежуточной станции, оттуда он нас доведет до деревушки, откуда нас в карете за небольшую плату повезут на гору. Дорога интереснее, открытее и гораздо дешевле другой, проторенной, по которой ездят все. Мы дали уговорить себя и пошли за лукавым итальянцем.

В ближайшей деревушке, у подножия Везувия, нас усадили в скверную бричку, в которую впряжена была худенькая маленькая лошада. Но она оказалась сильной, привычной и довольно быстро понесла нас вверх. Рядом с бричкой шел наш хозяин и соблазнитель, наш лукавый итальянец.

Нельзя сказать, чтобы нам комфортно сиделось, и от времени до времени нас здорово встряхивало. Но мы были вознаграждены божественным зрелищем, представившимся нашим глазам: безоблачное голубое итальянское небо сливалось на горизонте с тихой лазурью Неаполитанского залива, там вырисовывались нежные контуры Капри, точно окутанные дымчатой тонкой вуалью. Окружавшая нас красота обхватывала

* Поездка ради развлечения (фр.)

душу каким-то неизъяснимым ощущением счастья.

Мы доехали до половины пути и остановились около одинокой постройки, нечто вроде фермы. К нам вышла приветливая толстая итальянка и пригласила нас в дом. Мы вошли в просторную комнату, уставленную столиками. За ними сидело несколько рабочих-итальянцев, которые ели и пили. Нам тоже предложили выпить «Лакрима Кристи» («Христовы слезы»). Хозяйка с гордостью заявила нам, что это вино выделяется тут же из ее собственных виноградников. Мы с удовольствием вкусили этого свежего напитка, а также угостили нашего возницу и лукавого итальянца, который нас не покидал. Тут же нам объявили, что мы больше в бричке не нуждаемся и что дальнейший путь совершим верхом на лошадях. Во дворе уже стояли оседланные две лошади: серенькая, которая носила довольно материальное прозвище «макарони», предназначавшаяся для меня, и темно-коричневая, носившая еще менее поэтичное название «бифштекс», — для Георгия Валентиновича.

На наш вопрос, придется ли еще раз менять способ передвижения, нам сказали, что нет, что мы доедем до самой верхушки. Мы уехали на лошадаках. Рядом с нами шли хозяева их, кроме того к каждому из нас был приставлен маленький грум — итальянский мальчик-подросток, обязанность которого заключалась в том, чтобы покрывать на лошадок, когда эти последние от усталости останавливались. Поднимались мы по узким дорожкам, покрытым глубоким слоем песка. Солнце жгло, люди изнемогали, ноги утопали в песке. Трудно было подниматься. Лошадки наши шли уверенным, мерным шагом по скользящему песку, часто по краям пропасти или скользкой покатоности. Не знаю, на кого я походила. Наши гиды уверяли, что я держалась на коне, как настоящая амазонка, но итальянцы любят говорить дамам комплименты. Плеханову же я заявила, что он похож на Дон Кихота, и сходство это еще усугубилось тем, что гид, сопровождавший его, маленький и толстый, очень походил на Санчо Пансу. Мы были веселы и счастливы. Перед нами все шире раскрывался божественный вид на Неаполитанский залив и чудные его берега. Капри вдаль — точно лазурное видение. Георгий Валентинович не мог налюбоваться, часто меня окликивал и выражал свой восторг: «Ну что, Роза, хорошо, ты довольна?»

На лошадях мы поднимались часа два. Нам казалось, что скоро достигнем вершины. Но к нашему удивлению лошади наши остановились и сопровождавшие нас итальянцы предложили нам слезть и заявить, что до вершины донесут нас гиды, спускавшиеся с горы. И действительно, навстречу нам спускались какие-то старички. — «Как же, ведь

вы сказали, что мы на лошадях доедем до вершины». — «Нет, нельзя. Тут слишком круто и скользко, лошади по такому пути идти не могут». Нечего делать. Надо подчиниться. Двое стариков подошли ко мне, схватились на перекрест сложенными руками, предложили мне сесть и обхватить их шеи. Я все исполнила. То же самое было предложено мужу. Но он наотрез отказался от такого способа путешествия. Как я ни уговаривала, ни просила, но ничего не помогло.

«Ты хочешь, чтобы меня носили эти столетние старики? Ни за что! Я поднимусь сам, я достаточно силен, чтобы дойти. Ведь совсем недалеко». Все это было сказано таким безапелляционным уверенным тоном, что я успокоилась. Но едва Георгий Валентинович сделал шагов десять, как он остановился и со словами «мне дурно» опустился на землю. Лицо его было смертельно бледно. Он попросил воды. Я соскочила и подбежала к нему. Пульс был редок, но не слаб. Воды не оказалось, но, к счастью, карманы наших стариков-гидов оказались наполнены бутылками «Лакрима Кристи». Муж выпил немного этой живительной влаги, пришел в себя, почувствовал себя лучше. Я стояла за то, чтобы не продолжать подъема, а сейчас спуститься в долину. Но Плеханов решительно заявил, что хочет подняться, посмотреть кратер. «Как же, быть почти на вершине и не дойти. Раз решили достичь известной цели, надо ее достичь. Да, я хочу, чтобы ты посмотрела кратер, а без меня ты не поднимешься». — «В таком случае сядь на руки стариков». Тут и эти добрые старики начали его упрашивать. Он уступил просьбам. Его усадили, и мы начали подниматься. Подъем был труден и опасен. Наши старые провожатые тяжело дышали. Пот с них лил ручьями. Нас очень мучила совесть, но наши добрые старики нас успокаивали, говоря, что им не впервые, что некоторые из них лет сорок занимаются этим делом. Чтобы утешить нас, они очень часто останавливались и просили позволения выпить за наше здоровье, на что мы охотно соглашались, от души их благодарили, и бутылки с «Лакрима Кристи» опустошались с неимоверной быстротой. Наконец мы у кратера.

«Все ничто, — говорит Георгий Валентинович, — перед величием этого зрелища». Кратер дымит во многих местах, желтые ручейки расплавленной серы показывались до здесь, то там. Казалось, какая-то адская работа происходит в стенах этой зияющей огненной пасти.

«Видишь, Роза, стоило подняться». Мы долго стояли над кратером, очарованные. Потом как-то сразу почувствовали усталость от пережитых впечатлений в течение дня, начали спускаться вниз, поддерживаемые нашими гидами.

(Продолжение следует)

ВО ИМЯ СТАБИЛЬНОСТИ, МИРА И СОГЛАСИЯ

12/1991 август

Академик
Михаил Залиханов

КОНЕЧНО,
ЕСЛИ ВЗЯТЬ
НЫНЕШНЕЕ
СОСТОЯНИЕ
В ОБОРОНЕ,
ТО ЯДЕРНОЕ
ОРУЖИЕ,
КОТОРОЕ
УЖЕ ЕСТЬ,—
НЕ ПРЕДЕЛ.
НА ПОЛИГОНАХ
СЕЙЧАС
ИСПЫТЫВАЕТСЯ
ОРУЖИЕ
ЗНАЧИТЕЛЬНО
БОЛЕЕ МОЩНОЕ...

Интеллигенция:
хождение по мукам

Ритмы гениев

Предсказание судьбы

Партия демократов—
путь к власти

Сталин: его борьба

Дальневосточный
премьер

■ ТАЙНЫ АРХИВА

ГОД НА РОДИНЕ

Розалия ПЛЕХАНОВА

VII

Перейдем к прерванному рассказу. Когда муж сказал мне в Териоках, что он почувствовал то же самое стеснение в груди и затруднение в дыхании, что на Везувии, я очень встревожилась, опасаясь сердечного переутомления вследствие ряда усилий, сделанных им в течение утра. От припадка удушья на Везувии он скоро оправился, но Георгий Валентинович был тогда моложе и крепче, процесс в его легких был тогда в периоде затишья.

Теперь же, в разгаре обострения процесса, это переутомление может повлечь за собой сильное переутомление сердечной деятельности. Опасения мои не рассеялись и после, несмотря на уверения врача санатория, что сердце Георгия Валентиновича работает недурно. И теперь, когда я думаю свою тяжелую, безнадежную думу о том, что ускорило конец жизни Георгия Валентиновича, несмотря на громадную сопротивляемость его организма, я прихожу к заключению, что главною непосредственной причиной, преждевременно отнявшей у нас и родины Георгия Валентиновича, было ослабление сердечной деятельности, вызванное отсутствием морального и физического покоя. Предсмертный удар был нанесен Плеханову явившимися к нам в Царском Селе матросами и красногвардейцами и вынудившими нас покинуть наше жили-

ще, хорошо приспособленное к лечению моего больного мужа. Переезд в Финляндию, вынужденный безумной оргией террора, нанес ему окончательный, последний удар.

Все любившие, ценившие и понимавшие значение Плеханова для России и международного социализма, говорили и говорят в один голос, что его убили большевики. Правда ли это? К моему прискорбию, я должна с этим согласиться. Да, Г. В. Плеханова убили большевики. Говорю к прискорбию, потому что орудием этого убийства явились те самые рабочие, тот самый народ, которому он отдал свою жизнь и который он глубоко и нежно любил. Припадок удушья длился недолго и на этот раз, и, как только мужу сделалось лучше, мы двинулись в путь. Дорога шла лесом, было сухо и морозно. Мы с наслаждением вдыхали чистый свежий воздух, а окружающая природа восхитила нас своей величественной грозной красотой. Надежда наполнила мою душу, здесь, думалось мне, на лоне природы, хотя и суровой, в этом чистом воздухе Георгий Валентинович найдет исцеление.

«В таком чудном месте нельзя не поправиться», — сказала я Георгию Валентиновичу, муж улыбнулся довольной, счастливой улыбкой.

Директор санатория доктор Циммерман и заведующая г-жа Буш встретили нас очень приветливо. Нам были приготовлены две очень уютные комнаты, небольшие, но высокие, с окнами на юг. Впечатление было благоприятное. Я вкушала счастье человека исстрадавшегося, измученного от долгих скитаний, который наконец нашел себе приют и покой. Самочувствие у Георгия Валентиновича было хорошее, несмотря на высокую температуру. Эта последняя тревожила меня, но доктор Аитов успокаивал меня, приписывая ее усталости от дороги. Муж улегся, поел с аппетитом, горячо простился с милым доктором, попросил у меня книгу и погрузился в чтение, сколько мне помнится, истории греческой философии. Когда я ему заметила, что ему лучше не работать, а взять что-нибудь легкое для чтения, он мне ответил: «Ты ошибаешься, Роза, если думаешь, что я приехал сюда для отдыха и для лечения, — мне надо работать», — и он погрузился в чтение.

Ночь он проспал спокойно, почти не пробуждаясь.

Я долго не спала и предавалась слад-

ним мечтам о том, что здесь, в этом красивом углу Финляндии, вдали от «неблагодарного отечества» настолько, чтобы нас не посещали непрошенные гости, достаточно близко, чтобы не быть оторванными от чего, чтобы жить его интересами и, насколько позволяют мужу силы, влиять на его судьбу.

Муж найдет здесь физический и моральный отдых, будет лечиться и наконец поправится. Его организм, мечтала я, возьмет верх и на этот раз, как много раз в течение его жизни, над обострением болезни.

В первый же день нашего приезда я заметила сильный недостаток в расположении предоставленных нам комнат. Двери их выходили в холодный, неотапливаемый коридор напротив наружных дверей, откуда входил холодный, морозный воздух. Кроме этого крайне существенного неудобства был еще один крупный недостаток. Наши комнаты помещались в первом этаже над холодным неотапливаемым подвалом. Эти важные неудобства, я надеялась, можно будет устранить переменной комнат и этажа, а все остальное мне казалось недурно. Пища хорошая, врач внимательный, низший персонал опытный, приветливый.

Доктор Антов не ошибся, приписав сильный скачок температуры моего больного усталости от пути. Но он не ошибся только отчасти. Температура только опустилась на несколько десятых, но держалась и утром и вечером на большой высоте. Она приняла характер постоянный, пропали утренние ремиссии. Термометр показывал по утрам 38, 38,7, между тем как во Французской больнице в течение последних десяти дней она не превышала 38 по вечерам. Это говорило о новом обострении легочного процесса. Много раз за долгу болезнь Георгия Валентиновича мне приходилось бороться с обострениями, и каждый раз я была проникнута убеждением, что здоровый организм его восторжествует над ними. На этот раз, увы, у меня не было этого убеждения. Меня крайне тревожила не спадавшая температура. Выдержит ли его ослабевшее сердце?

Я решила добиться лучших условий жизни для моего больного и в первом делом потребовать комнаты во втором этаже, обладавшем теплым коридором без сквозняков. За этим я обратилась к директрисе г-же Буш. Последняя заявила мне, что второй этаж предназначен для женщин, больным мужчинам отведен первый, и этого правила очень строго придерживается директор санатория д-р Циммерман, но все-таки она обещала поговорить с ним и уговорить, но доктор Циммерман был неумолим.

Это было мое первое разочарование в порядках этого «образцового санатория».

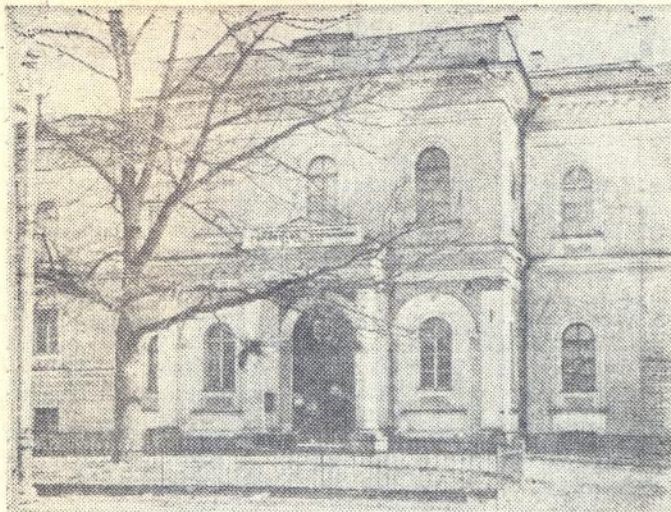
Я припомнила предупреждения мужа во Французской больнице.

«Мы у немцев не уживемся, их педантизм доходит часто до жестокой бессмыслицы». Он был прав. В отъезде больному Плеханову в теплой комнате, выходящей в теплый коридор, был, действительно, проявлен жестокий и бессмысленный педантизм. Позже, четыре месяца спустя, чисто по материальным соображениям, скучили в одном верхнем этаже и женщин и мужчин, но Плеханов уже этим удобством пользоваться не мог: он умер.

После первого разочарования последовали другие, тоже важного характера. Вот пример: к концу жизни у Плеханова развилась сильная одышка и силы ослабевали. Кормить его можно было только понемногу и мягкими продуктами, не требовавшими долгого жевания. Он охотно ел крошенную курицу или куриную котлету. Но курицы я не могла добыть, несмотря на предложение платить за нее отдельно. А между тем птичий двор изобилует этими пернатыми. Чем же объяснить мне этот отказ? Тем, что если Плеханову дать курицу, то и другим надо будет дать, а на мое предложение отдельной платы мне отвечали, что куры несут яйца, поэтому их нельзя продавать. А между тем мне достоверно известно было, что больным не давали яиц из-под куриц, а покупали и давали редко. Чем объяснить этот невероятный факт? Я уверена, что, будь мы в русском санатории, к Плеханову отнеслись бы с большей симпатией и вниманием. Я вынесла впечатление, что немецкая дирекция не любила русских вообще, а Плеханова в особенности, как русского патриота. Или же мы и тут имели дело с педантизмом, доходившим до потери человеческих чувств.

После настойчивой, но безуспешной борьбы в течение ряда дней, я вынуждена была удовлетвориться обещанием комнаты с центральным отоплением в нашем же этаже с выходом в теплый коридор. Надо было ждать десять дней, нечего делать — надо ждать.

Между тем температура у моего больного не спадала, а окончательно приняла постоянный тип с маленькими колебаниями, что указывало на туберкулезную пневмонию. Опасность была велика ввиду ослабленной деятельности сердца. Я сообщила доктору о моих опасениях, попросила обратить внимание на сердце и высказалась за впрыскивание камфары. На последнее доктор согласился, но мои опасения он нашел напрасными. По его мнению, состояние Георгия Валентиновича весьма удовлетворительное. «Вы увидите, что муж Ваш к лету поправится, я не вижу никакой непосредственной опасности, он бодр, хорошо питается, Ваши опасения преувеличены». Эти слова не успокоили меня. Волнения и опасения за жизнь Плеханова вылились в письмах к друзьям в Петроград. Это было в середине февраля 1918 года. Свободные

Царское Село (г. Пушкин),
больница, в которой Г. В.
Плеханов лечился в ноябре
1917 г.

сообщения были затруднительны вследствие разлившегося по всей Финляндии красновардейского движения. Тем не менее после долгих и трудных хлопот явились к нам в санаторий супруги Касья, наши молодые друзья, о которых я говорила выше. Они привезли нам последние номера газеты «Наше Единство», новую газету «Начало», издававшееся соединенными силами некоторых членов группы «Единство» и социал-демократов-оборонцев, и разные прогрессивные газеты. Это было еще то счастливое время, когда кроме официозов, преподносивших читателям известия, тенденциозно измененные или неполные и также не утолявшие жажды в истинных сведениях, как морская вода не утоляет жажды, выходили и другие газеты. Привезли также и книги и, что больше всего нас радовало, — письма от дочери из Парижа. Мы набросились на наших друзей с алчностью людей, живущих долгие годы в пустыне.

Мы узнали от наших товарищей и из газет, что переговоры между большевистским правительством и немцами не идут на лад, что аппетиты немцев до того разгорелись, что даже услужливые большевики, много им обязанные и готовые на всевозможные уступки, находят невозможным или неприличным слишком далеко идти по пути дальнейших уступок. Предвидится осада Петрограда, и Троцкий даже выпустил воззвание к петроградскому пролетариату о том, что он должен готовиться к защите его.

Георгий Валентинович не верил в искренность Троцкого, но если паче чаяния большевистское правительство действительно решило бы дать отпор немцам, «то», — говорил Георгий Валентинович, — «надо, чтобы все, кому дорога родина, поддержали его».

В этом духе я, с одобрения Георгия Валентиновича, написала питерским друзьям. Группа «Единство» и, насколько мне помнится, группа социал-демократов-

оборонцев согласилась с мнением Георгия Валентиновича и выразила готовность стать в ряды петроградского пролетариата для защиты Петрограда. Но воззвание Троцкого было фразой, как и предвидел Плеханов.

Беседа с нашими приятелями затянулась дольше, чем это полагалось по правилам санатория, но, видя, какое благоприятное впечатление произвела на моего мужа беседа со свежими людьми, принесшими с собой отголосок хотя и печальной, но все-таки жизни с родины, я уговорила наших милых гостей переночевать в санатории и пробыть с нами следующий день. Они на это охотно согласились, Георгий Валентинович был так увлечен беседой, что мне пришлось прибегнуть к решительным мерам, чтобы прекратить ее, уложить его спать и отправить молодых Касьяков на покой.

На другое утро за первым завтраком наши гости высказали мне свое удивление по поводу бодрости духа Георгия Валентиновича, которого, судя по моим письмам, они опасались застать безнадежно тяжело больным.

В это утро и в мою душу вошел луч надежды: а может быть, я действительно смотрю слишком пессимистично на состояние мужа.

В течение дня я, по просьбе гостей и с согласия Георгия Валентиновича, опять допустила небольшую беседу, которая очень заинтересовала молодых товарищей. На их вопрос, долго ли продлится царство большевиков, Георгий Валентинович высказал мысль, которая считалась и в то время ошибочной, а мне лично он ее высказал через несколько дней после октябрьского переворота, а именно: «Большевики продержатся гораздо дольше, чем это кажется их противникам

и им самим, они сильнее, чем мы все думаем. Их сила опирается на отсталость наших экономических отношений и бессознательность пролетариата». Он выразился резко. «Они держатся», — сказал он, — на народной глупости, а глупость — это база солидная. Она была базой царизма, а теперь большевистской тирании. Большевизм — это не марксизм, это смесь бланкизма и анархо-синдикализма и, чтобы держать массы в повиновении, нужна тирания избранных».

Освобождение общества от нашего печального режима, который Плеханов называл не диктатурой пролетариата, а диктатурой одной фракции социал-демократической партии над целым народом, придет из их собственных рук, результатом их же действий. «Деморализованный солдат, крестьянин, в котором большевистская пропаганда в тылу и на фронте убила всякое гражданское чувство, чувство любви к отечеству и чувство дисциплины, бросивши фронт, чтобы не упустить свой кусок бывшей помещичьей земли, как только сядет на эту землю, делается ревнивым собственником ее и слышать не захочет о коммунистах и коммунистическом правительстве. С другой стороны, и пролетариат, недостаточно сознающий свои интересы и слепо идущий за нашими бланкистами, разовьется благодаря им же, осознает свою ошибку и, изнемогая под гнетом правления своих благодетелей, сбросит их точно так же, как сбросил царизм. Это тяжелый, предметный урок для нашего народа. Большевики обещают организовать производство, что совершенно неосуществимо теперь. Для этого у пролетариата нет достаточной технической и умственной подготовки. Большевики организуют, увы, не производство, а голод. Вы увидите, какой ужас пойдет по русской земле: реки крови, голод, вымирание». Лицо Георгия Валентиновича сделалось крайне грустным и голос тихим, сдавленным.

«В их декретах», — прибавил он, спустя некоторое время, — «имеется кое-что приемлемое и теперь, хоть, например, национализация имущества монастырей и превращение последних в приюты для детей и стариков. Вы знаете, я, как и Петр Великий, не люблю бездельников-монахов. Пора им взяться за полезное дело. Но как наши власти неумело и варварски берутся и за это относительно нетрудное дело».

Эти мысли Георгий Валентинович высказал в заметке, которую тут же продиктовал А. Г. Каску и поручил ему передать для помещения в органе революционных оборонцев «Начало». Но ре-

дакция этой газеты не нашла возможным напечатать эту заметку. Товарищам, составляющим редакционную коллегию газеты «Начало», казалось, как мне позже сказала Л. И. Аксельрод, что это было бы одобрением большевиков хотя в одном их акте, а отношение к ним должно быть безусловно отрицательным¹.

Когда Плеханов узнал спустя несколько недель, что заметка его не была опубликована, он огорчился, видя в этом новое доказательство непонимания его товарищами.

В его заметке было не одобрение политики большевиков, а скорее указание на то, что и своевременные реформы они совершают так, что возмущают против себя народ и общественное мнение.

Это маленькое недоразумение было отголоском того тяжелого непонимания Георгия Валентиновича товарищами «справа» и «слева», которое легло в основание всей трагедии Плеханова.

С 1903 года, т. е. со времени Лондонского съезда, на котором социал-демократическая партия раскололась на большевиков и меньшевиков, до Февральской революции 1917 года Плеханов, по выражению поэта, был охвачен «одной лишь думы властью, одной лишь пламенной страстью» — это объединением партии, примирением «враждующих братьев».

В речах и статьях, на конгрессах партии и в Интернационале он стремился к одному: заставить большевиков отказаться от анархически-бланкистских теорий и методов, а «меньшевиков» — от их тенденций, их реакции по отношению к большевикам: перегнуть палку в другую сторону и сделаться партией реформы. Он учил обе стороны мыслить и действовать по-марксистски. Он всегда говорил, что он не большевик и не меньшевик, он марксист, tout court^{*}.

В одном из своих «Дневников Социал-Демократа»² Георгий Валентинович, особенно страстно в статье «Враждующие братья», старался урезонить и объединить обе расколовшиеся фракции нашей партии. Но каждая из них в отдельности хотела и доискивалась, чтобы Георгий Валентинович вошел в ее ряды, объединиться же с другой не желала или же готова была сделать это так, как, по выражению Плеханова, человек объединяется с куском хлеба, т. е. съест его.

В этих нравах нашей социал-демократической партии Георгий Валентинович видел незрелость ее и большую угрозу в будущем для России вообще и для судьбы ее пролетарского движения в частности. Увы, Плеханов не ошибся. События оправдали его опасения. Но Плеханов был не из тех, которые легко оставляют задуманную цель. Чтобы достичь ее, т. е. чтобы создать единую партию, он отка-

Похороны жертв павших 5 Января 1918г. в день открытия
Учредительного Собрания. Петроград 9 Января 1918г.

зался представлять оба осколка в Интернациональном бюро, когда раскол коснулся и думской фракции, несмотря на то, что каждая в отдельности просила его не оставлять своего поста. Он стал над фракциями и, как теоретик марксизма и тактик его, зорко следил за тем, как приближаются те или другие из враждующих братьев по отношению к истинному марксистскому пути. Как только он видел отклонения, он своей беспощадной критикой направлял их на верную дорогу (см. статьи Плеханова о синдикализме, о богочеловечестве, направленные против Луначарского, статьи о Богданове и т. д. Он то одобрял, то порицал. Он учил. Он любил повторять: «Надо начать с А. Б. В.»).

Отсюда — разговоры в лагере «враждующих братьев» о плехановской тактической неустойчивости. Отсюда — «Плеханов уже не тот». А между тем Плеханов был всегда един с тех пор, как сделался марксистом.

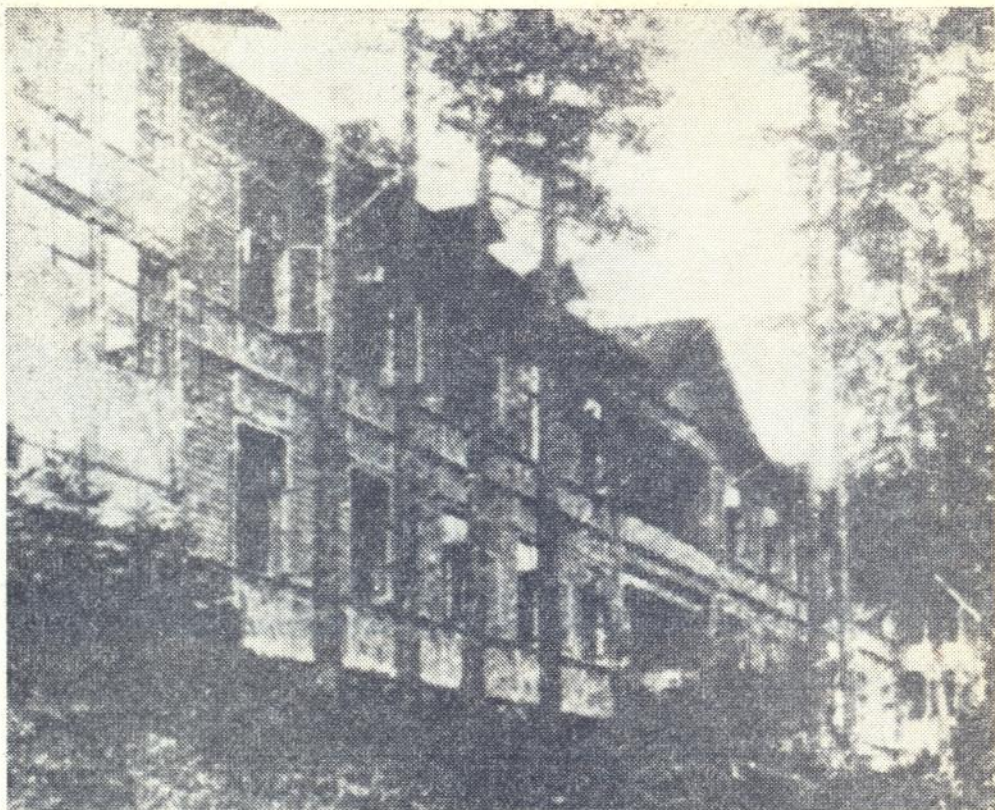
Я сделала это отклонение от рассказа, чтобы снять с души своей тяжесть, так как мой преждевременно и трагически погибший друг очень страдал в течение своей жизни от того непонимания, которое проявили по отношению к нему его товарищи. Но об этой трагедии жизни Плеханова надо много и глубоко писать. Я надеюсь, что меня с большим успехом заменит в этой области какой-нибудь товарищ, знаток теоретического труда и значения Георгия Валентиновича для общественного развития России. Теперь же перейду к прерванному рассказу.

Наши молодые друзья покинули санаторий Питкеярви, очарованные учителем и успокоенные насчет его физического состояния. Меня же они уговаривали на прощание не волноваться и не смотреть на будущее пессимистически. Но меня после их отъезда не покидала тревога.

Постоянное присутствие при нем, наблюдение за его сердцем, дыханием, не оставляло во мне ни малейшего сомнения, что дело идет к концу, и оптимизм доктора санатория приводил меня в отчаяние. Чем объяснить этот оптимизм доктора и друзей? По-моему, умственными и моральными качествами больного, большой силой воли, выдержкой его. Болезни и отдыха в течение всей жизни своей Плеханов для себя никогда не признавал. За сорок лет нашей совместной жизни Георгий Валентинович был много раз тяжело болен, но он продолжал работать, вставал и садился за письменный стол. Многие из лучших его трудов вышли из-под его горячего пера. Некоторые из глав «Наших разногласий» были написаны при температуре в 39—40. Вообще Плеханов относился строго к себе «болен или не болен, но работать надо, надо только уметь организовать свою работу».

«Тяжесть работы должна быть обратно пропорциональна тяжести болезни», — говорил он. — «Когда температура у меня высокая, я изучаю иностранных и русских поэтов, читаю беллетристов-классиков, при средней — книги по искусству, истории искусства, этнографии, а при небольшой можно серьезно работать. Работать надо всегда. «Умрем — отдохнем», — так говорил мой отец».

В день приезда нашего в санаторий Питкеярви, после отъезда доктора Антова, муж попросил у меня книгу. Я запротестовала, заявив, что работать ему вредно после волнений и усталости, что вообще отныне он должен отдыхать, что для успешного лечения ему необходим не только моральный, но и умственный

Санаторий в Териоках (Финляндия), где умер Г. В. Плеханов.

отдых, и что вообще ему надо помириться с мыслью о том, что работу ему надо оставить месяцев на шесть, если он хочет поправиться.

На мои слова последовал решительный отказ последовать советам моим и врачей санатория в данном случае. «Нет, Роза, этого я не могу. Ты знаешь, я не могу». Он говорил мне шутя: «Ты знаешь, я не верю в медицину, но я человек военный и раз вы, доктора, найдете нужным, я дам себя колоть, обертывать, буду глотать лекарство, словом подчинюсь во всем, но работать я должен».

В устах Георгия Валентиновича эти слова не были фразой. С первых же дней пребывания в Финляндии начал он серьезную умственную работу. Несколько часов в день он читал сам, делал отметки, выписки, несколько часов в день я читала ему вслух. Закончив труд по истории греческой философии, который он начал во Французской больнице, он приступил к двухтомному сочинению М. М. Щербатова³, готовя дополнительную главу к 4 тому «Истории [русской. — Публ.?] общественной мысли». Я же ему для отдыха читала греческих классиков: трагедии Эсхила, Софокла, Эврипида, с которыми муж никогда не расставался.

Видя его за постоянной работой, я сильно беспокоилась, опасаясь, что умственное переутомление отразится на сопротивляемости его организма, обостренного легочным процессом. Но вместе с тем я видела и чувствовала всеми фибрами души, что эта работа, отрывая его от тяжелых дум и страданий за гибнущую родину, необходима ему как воздух, чтобы жить.

Прикованный к постели, не имея возможности ни говорить, ни писать, ни диктовать статей, ни действовать, т. е. совершенно обезоруженный для борьбы с тем, что он считал великим злом для России. Ему оставалось одно: забвение, и это последнее давала ему работа и постоянное чтение.

И действительно, как только он оставался занят, он предавался думам, а эти последние были проникнуты глубоким пессимизмом.

В один из таких моментов Георгий Валентинович высказал следующее мнение относительно печальных результатов нашей революции:

«Революция, переживаемая нами, — сказал он мне, — не есть революция в европейском смысле этого слова, а кровавый эпилог реформы 1861 года. Солдат — это крестьянин, который пошел в революцию только для того, чтобы иметь помещичью землю, а до остальных завоеваний революции ему дела нет, он истребляет и идет на буржуев, так как,

по его понятиям, это те же помещики, Ленин, Троцкий и другие, двадцать лет шедшие с марксистами, в сущности сделались народниками после февральской революции. Они действуют по программе Тихомирова и следуют совету Бакунина⁵, который находил, что революционеры должны опираться не на неорганизованных рабочих, зараженных государственностью, а на малосознательные массы, преступный элемент, и т. д.»

Сорок лет проповеди научного социализма — и эти печальные результаты, вот что хотел сказать, но не досказал Плеханов. Лицо и голос его выражали глубокую грусть.

От мрачных мыслей было одно спасение — забыть в отвлеченном труде. Но события были слишком остры. Россия переживала самый тяжелый период своей истории, народ страдал — все это не давало покоя, забвения Плеханову, и работа его прерывалась тоской по сведениям из России, из Брест-Литовска.

Был февраль месяц. После отъезда наших молодых друзей мы недели три ждали нового посещения. Письма и газеты привозил нам доктор Циммерман, директор санатория, который два раза в неделю отправлялся в Петроград на консультации. Боже, с каким нетерпением мы ждали его возвращения и как мы набрасывались на новости из России. Шли Брест-Литовские переговоры. Слушая и читая о перипетиях этих переговоров, Плеханов глубоко страдал, видя, как топчутся в грязь имя и жизненные интересы родины.

Троцкий⁶, видимо, играл на всемирной сцене. Речи его Плеханов находил витиеватыми, краснобайством, не к месту. Чего тут только не было. И ссылка на идеи Лассалля, на его «System der erworbenen Rechte» и цитаты из (.....)⁷ Гегеля; Гофманы и Мирбахи⁸ выслушивали нашего оратора с иронией, а иногда без церемонии останавливали его... Тягостно и мучительно отзывались эти переговоры на Георгии Валентиновиче. Он ворочался в постели, долго не мог уснуть от тяжких дум.

Когда мы вычитали из газет, что переговоры с немцами прерваны, что русская делегация покинула Брест-Литовск, мы почувствовали некоторое облегчение, хотя Плеханов очень скептически отнесся к этой размолвке.

цист. Двухтомник сочинений М. М. Щербатова вышел в С.—Петербурге в 1896—98 гг.

⁴ Здесь и далее Р. М. Плеханов цитирует документ под названием «Мысли Жоржа» (АДП, ф. 1093, оп. 1, ед. хр. 528).

⁵ Тихомиров Лев Александрович (1852—1923) — русский общественный деятель, народовец. Член центра «Земли и воли». В 1882 году эмигрировал, издавал вместе с П. Л. Лавровым «Вестник «Народной воли», в 1888 г. отрекся от революционных убеждений. Вернувшись в Россию, стал монархистом. В 1917 г. отошел от политической деятельности.

Бакунин Михаил Александрович (1814—1876) — русский революционер, один из основателей и теоретиков анархизма и народничества.

⁶ Троцкий (Бронштейн) Лев Давидович (1879—1940) — участник социал-демократического движения, после II съезда РСДРП перешел на позиции меньшевизма. После февральской революции, вернувшись из эмиграции, вошел в группу «межрайонцев» и вместе с ними на VI съезде РСДРП(б) был принят в большевистскую партию. Занимал ряд ответственных постов в партии и советском государстве. С 1923 года лидер оппозиции. В 1929 году выслан из СССР за антисоветскую деятельность.

В 1917 г. член, затем председатель Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. После Октябрьской революции — народный комиссар иностранных дел. Решительный противник заключения Брестского мира, выступал за тактику «ни мир, ни война», а после возобновления наступления — за революционную войну.

⁷ (.....) Пропущено Р. М. Плехановой.

⁸ Лассаль Фердинанд (1825—1864) — деятель немецкого рабочего движения, философ. В данном случае имеется в виду его работа «System der erworbenen Rechte» («Система приобретенных прав», 1861), в которой он, выдвигая как первостепенную идею всеобщего избирательного права, выступал за отказ от классовой борьбы и революции.

Гегель Георг Вильгельм Фридрих (1770—1831) — немецкий философ, представитель немецкой классической философии, создатель систематической теории диалектики на основе объективного идеализма.

Гофман Макс (1869—1927) — германский военный деятель и писатель. С августа 1916 г. начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом. В декабре 1917 — феврале 1918 г. был фактическим главой германской делегации во время мирных переговоров с Советской Россией в Бресте. Занимая резко антисоветскую позицию, был вместе с тем сторонником заключения мира с Россией для достижения победы на Западе.

Мирбах Вильгельм (1871—1918) — граф, германский дипломат. Участник советско-германских мирных переговоров в Брест-Литовске (декабрь 1917 года — март 1918 года). С апреля 1918 г. посол при правительстве РСФСР в Москве. Убит левым эсером Я. Г. Блюмкиным.

(Продолжение следует)

¹ Заметка не была опубликована, рукопись не найдена.

² «Дневник Социал-Демократа» — неперiodический сборник, издававшийся Г. В. Плехановым в Женеве, затем в Петербурге, затем снова в Женеве в 1905—1912 гг. Всего вышло 16 номеров. В 1916 г. издание было возобновлено в Петрограде, вышел один номер.

³ Щербатов Михаил Михайлович (1733—1790) — князь, русский общественный и государственный деятель, историк и публи-

ДИАЛОГ

ISSN 0236-0942

ВО ИМЯ СТАБИЛЬНОСТИ, МИРА И СОГЛАСИЯ

13/1991 сентябрь

Начальник Главного
управления
по исправительным делам
МВД СССР Владимир Гуляев

ТЮРЬМЫ
ВСЕГДА БЫЛИ
ИНДИКАТОРОМ
ОБСТАНОВКИ
В ОБЩЕСТВЕ —
ПРИ ЛЮБОЙ
КРУПНОЙ
РЕФОРМАЦИИ
ИХ «ТРЯСЕТ»
ПЕРВЫМИ.
ТЕ, КОМУ НУЖНЫ
НАПРЯЖЕНИЕ,
БЕСПОРЯДКИ,
РАЗГУЛ
ПРЕСТУПНОСТИ,
И В ТЮРЬМЕ
ИЩУТ СВОЮ ОПОРУ.

Землетрясение

Мои права —
моя свобода

Вся президентская рать
Хозяин Пражского града

Этюды психиатра:
царь Саул

Рабочий в Европе

■ ТАЙНЫ АРХИВА

ГОД НА РОДИНЕ

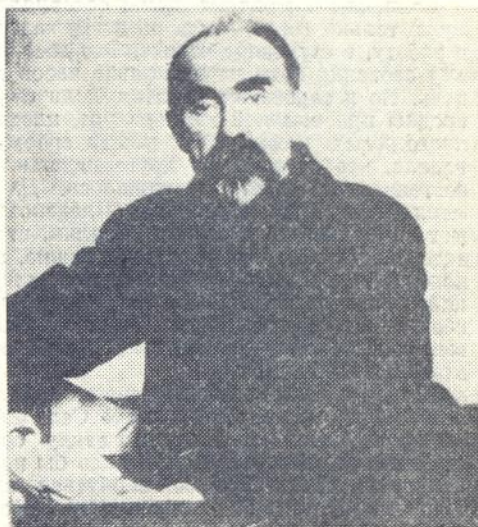
Розалия ПЛЕХАНОВА

П

ресловутая формула Троцкого: «мы выходим из войны, но не подписываем мира», вызвала со стороны Георгия Валентиновича очень строгий отзыв: «Эта формула, — сказал он, — рассчитана с одной стороны (2-й своей частью) на фантастов, а с другой (1-й своей частью) на деморализацию солдат. Деморализация — это есть основа власти большевиков».

Когда же в скором времени последовало согласие Ленина на все требования немцев и рабский ответ на ультиматум их, то Плеханов с горечью сказал: «Ленин всю Россию отдаст, лишь бы оставили ему маленький клочок земли, хотя московский уезд, для социалистического опыта. Ленина можно уподобить тем московским князьям, которые ползали на брюхе перед татарскими ханами, желая удержать за собой свои княжества. Ленин, также цепляясь за власть, ползает на брюхе перед Вильгельмом»⁸.

Глубоко печалила Георгия Валентиновича измена России со стороны Украины и унижения последней перед немцами. Когда скоро после большевистского переворота Украина, сделавшись пунктом сконцентрирования демократических сил местных и спасавшихся из Великороссии, решила созвать Учредительное собрание, у Плеханова явилась надежда, что Киев — мать русских городов, делается опять ядром, вокруг которого сгруппируется вся Россия. Георгий Валентинович не мыслил Россию отделенной от Малороссии. Для него это были две части

Г. В. Плеханов

одной России, он горячо любил каждую часть в отдельности, так же как и целое. Когда же представители Украины пошли вслед за Лениным и Троцким на поклонение к немцам, даже проявили партикуляризм и конкуренцию на поприще выторговывания лучших условий мира, Георгий Валентинович был глубоко огорчен, видя в этом конец своей страны как целого.

«Разложение это поведет к потере нашей экономической самостоятельности. Русская земля превратится в колонию для немцев и других государств. Брест-Литовский мир и социалистический опыт Ленина отбросит нас на много десятков лет назад. Мы не вынесем экономического разорения и нас возьмет Европа под опеку, как взяла она Китай. Мы погибем, как погибли раньше нас восточные деспотии».

Россия терзалась и рвалась на части, и Плеханов страдал, бессильный помочь этому [противостоять. — Публ.]. Как-то раз, когда я ему ставила банки, он мне сказал полушутя, полусерьезно: «Ну зачем банки, не легкие у меня болят, это Брест-Литовский centre*; а против этой болезни ничего не сделаешь».

Прав был один товарищ, который писал после смерти Плеханова, что сердце не выдержало Брест-Литовска. Брест и

* Синдром (фр.).

⁸ Вильгельм II (1859—1941) — германский император и прусский король в 1888—1918 гг. Активно способствовал развязыванию первой мировой войны.

Продолжение. Начало см.: Диалог, 1991, №№ 8—12.

Украина не выходила из его головы. Они мучили его еще тогда, когда он был при полном сознании, они питали его бред в последние часы его жизни.

Волнения и мрачные думы оставляли мужа только тогда, когда он погружался в работу, в серьезное чтение. Это давало ему забвение хотя на несколько часов в день. Но и серьезные занятия были ему вредны при высокой температуре, плохо проводимых ночах. Я к ужасу своему видела, что силы моего друга падали и состояние его легких ухудшалось. Для меня было ясно, что спасти Плеханова мог бы только юг Франции, Италии, что надо было везти его не в Финляндию, а подальше от России, тяжелых впечатлений, газет, друзей и т. д. Но было уже поздно. Он был слишком болен, чтобы вынести длинное путешествие. Да и согласился ли бы он?

Не раз я говорила мужу еще во время пребывания нашего в Царском Селе и во Французской больнице, что ввиду состояния его здоровья лучше было бы покинуть на время Россию, вернуться за границу, в Италию, к нам в Сан-Ремо, где здоровье его пойдет быстро на поправку, где он спокойно сможет довести до конца свою «Историю общественной мысли». Я затрагивала в данном случае живую струну его души, так как мысль о том, что он не доведет до конца своей работы, очень беспокоила его. Предложение мое было очень заманчиво, но он решительно отказывался остановиться на нем. «Я не покину Россию теперь в самый критический момент ее жизни. Хотя я и слаб, прикован к постели, но у меня еще имеется перо в руках, я могу еще бороться, мой голос нужен, я Россию не покину. Я не могу жить спокойно, зная, какие творятся здесь ужасы. Что будет — то будет».

На отъезд в Финляндию, в окрестности Петрограда, Плеханов согласился только потому, что он сможет быть с ним в частых сношениях и при первой надобности вернется на родину.

Время пребывания Г. В. Плеханова в финляндском санатории надо разделить на два периода. В первый, от 28-го января с. с. до 18 марта, как я писала выше, Георгий Валентинович, хотя и мучимый температурой, кашлем, был бодр, работал серьезно, делал записи, охотно беседовал с изредка посещавшими его друзьями. Второй период — период медленного угасания, начался 18-го марта. Но об этом последнем периоде — впереди. Работа мысли несомненно утомляла его, но он забывался за ней. Она давала ему душевное спокойствие. Следя за состоянием его здоровья, я находила, что тяжелые думы хуже отражаются на нем, чем умственная работа. Для отдыха я

читала ему беллетристов русских и иностранных, отчасти привезенных нами, отчасти найденных в небогатой, но недурно подобранной библиотеке санатория. Но скоро оказался у нас книжный голод. Оказалось, что я не захватила с собой некоторых книг, заготовленных мужем для работы по истории общественной жизни.

Надо сказать, что наш отъезд из Царского Села, как и оставление Петрограда, были равносильны бегству. Я и друзья старались увезти больного Плеханова от бушевавшей и первой и второй раз стихии. Хорошо ли мы сделали? Я думаю, что нет. Как бы то ни было, сборы наши были быстры. Часть вещей и книг мы оставили на попечение друзей. Уверенная в том, что из Царского Села я все увезла кроме некоторых брошюр, я написала друзьям в Петроград, прося привезти книги и как можно скорее. Я ждала присылки книг с не меньшим нетерпением, чем муж, по двум причинам: во-первых, мне тяжело было выслушивать его горький упрек, что я забыла привезти самое существенное для него. А во-вторых, отсутствие заготовленных для работы книг было настоящей катастрофой. Оно повлечет углубление в тяжелую действительность. Беллетристикой не отвлекусь его от нее. Но книг в Петрограде не оказалось, и наши молодые друзья супруги Касья привезли газеты, письма, несколько номеров журнала «Психология и философия», но книг, указанных мною в письме, не нашли. Муж очень обрадовался, как и в первый их приезд, молодым людям. Он долго и оживленно с ними беседовал, шутил, острел. На вопрос их, как он себя чувствует, он ответил: «Ничего, только лечить меня слишком принялись, слушают, стучат, колят. А я говорю докторам: сколько ни будете выслушивать, выстукивать, а все, что во мне есть, при мне и останется. Но я человек военный, начальство приказывает, и я слушаюсь. А все-таки думаешь иногда, как бы не залечили».

Признаться, от этих слов мужа мне сделалось крайне тяжело: я видела, что состояние его скверно, следила за угасанием его сил, не верила в его спасение, хотя продельвала все, что старший врач санатория советовал. Убеждала мужа, что это необходимо, а сама в глубине души своей чувствовала, что все ни к чему, а может быть, даже ускоряет конец. Не могу сказать, что я не проявляла характера и решительности за свою долготлетнюю медицинскую практику, но теперь я не верила себе, не верила своим медицинским знаниям.

Главный врач санатория, как я уже говорила выше, очень оптимистично относился к здоровью Плеханова. «Помилуйте, — говорил он мне, — где Вы видите опасность. Смотрите, как он бодр, оживлен, кроме того, хорошо ест, спит. Верно, лихорадка, несмотря на жаропо-

нижающие компрессы, не понижается и держится на относительно большой высоте. Но у него достаточно сил, чтобы дотянуть до летних месяцев, а за лето он поправится».

Я выслушивала эти слова, не убеждалась, но мне хотелось верить, и я не покидала борьбы. Плеханов не любил обертываний мокрыми компрессами и раз даже воскликнул: «Чувствую, что это меня губит, но подчиняюсь», и признаться я сильно взволновалась при этом восклицании, оно было произнесено с таким искренним убеждением, а подчинение Плеханова было так трогательно. Со времени этого восклицания прошло два года, и оно часто стоит в моих ушах, и я себя часто и мучительно спрашиваю: хорошо ли мы делаем, врачи, так мало придавая значения субъективным ощущениям и предчувствиям наших больных пациентов. Малоокровный и нервный Плеханов плохо выносил прикосновение мокрых компрессов. Я мучалась, но настаивала, как глубоко я жалею об этом...

Хотя это может и неинтересно для читателя, но я позволю себе высказать все, что накопилось на моей душе за время тяжелой болезни мужа и со времени смерти его до этих пор, т. е. до настоящей минуты, когда я пишу эти строки. Сорок лет практики и медицинского опыта не помешали мне проявить нерешительность начинающего врача, когда дело шло о лечении человека, которого я любила больше жизни и для которого готова была во всякую минуту отдать ее. Я перестала верить в те методы лечения и в те лекарства, в которые верила и которые применяла в течение многих лет. Я не протестовала против применения некоторых средств, которые я находила вредными. Вот пример: я на основании опыта пришла к заключению, что применение впрыскивания мышьяка, которое вообще очень полезно легочным больным, должно быть очень ограничено, когда больные перешли известный возраст, когда имеются признаки некоторого артериосклероза. Я высказала свои опасения врачу санатория, когда он назначил мышьяковистые впрыскивания мужу. Доктор, ссылаясь на свою многолетнюю практику при санатории, наполненной исключительно легочными больными, и на почти постоянное употребление мышьяковистых впрыскиваний, уверял меня, что у него никогда не было случая кровоизлияния, которое он считал бы себя вправе приписать этому лечению. Я поколебалась, допустила впрыскивания, а через две недели у Георгия Валентиновича появилось сильное кровохаркание, которое повлекло за собой осложнения, вызвавшие преждевременный трагический исход. Нет, врачу для успешного лечения нужна объективность, а последняя невозможна, когда лечишь близкого, дорогого человека. Колебания раздражают душу, и ответственность страшна. Муж

часто мне говорил: «Отчего ты сама меня не лечишь, зачем ты стужеываешься, зачем призываешь врачей, ты знаешь, я в них не верю. Я верю только тебе». Но я сама себе не верила.

Молодые друзья не привезли нам, как я уже сказала, ожидаемых книг, но привезли последние номера «Нашего Единства» и печальное известие о смерти газеты. Ей, бедняге, трудно было существовать и раньше в счастливое, но, увы, короткое время «свободы». А теперь она не выдержала борьбы, попав в тиски новейшего железного порядка. Небольшие средства газеты взяты были властями под учет и с трудом получались из банка, и часто трудно было удовлетворить требования рабочих следуемых им за труды денег. От времени до времени красноармейцы удоставали типографию, где печаталось «Единство», личным посещением и разбрасывали шрифт, раз, кажется, по недоразумению. Словом, газета умерла от истощения незадолго до смерти ее главного редактора, вложившего в нее душу и сумевшего, несмотря на отсутствие средств, на враждебное к ней отношение даже среди товарищей, разделявших взгляды Плеханова, поставить ее на большую моральную высоту. С первого своего появления она указывала Временному Правительству, Совету рабочих Депутатов и партиям их ложные шаги, предупреждала от ошибок в будущем, высказывалась первая против Ленина, который ведет Россию в пропасть, против преступлений полуленинцев, которые своей слабостью помогают Ленину губить Россию. «Единство» было факелом, указывавшим верный путь к спасению, и колыколом, бившим в набат при малейшей опасности.

Но Россия социалистическая была слепа и глуха, а демократия слаба. Только позже, спустя много месяцев, когда главный редактор «Единства» лежал на смертном одре, получился на его имя адрес, подписанный большой группой рабочих с заводов и фабрик Петрограда. В этом адресе говорилось, что сознательные рабочие России начинают понимать, что Плеханов был прав теперь, как и в 1906 году, и выражают сожаление, что не пошли за ним. Были и внутренние причины гибели «Единства». Оно жило Плехановым и погибло, когда силы оставили его.

Другой литературной вестью было появление новой газеты социал-демократов-оборонцев «Начало». В редакцию этой газеты вошли некоторые члены редакции «Единства».

Георгий Валентинович был доволен появлением газеты и совместной работой в ней товарищей социал-демократов-обо-

ронцев и членов группы «Единство». Шутил он только над названием газеты, вида в нем старую неопределенность и перешитость. «С 1906 года ушло уже 11 лет, а ходить наши товарищи еще не научились. Они все только начинают». Мы припомнили с мужем бледную газету полулавровского, полународнического направления, выходившую в 70-х годах прошлого столетия и прозванную так зло в студенческих кружках «Мочалом». Скукой веяло от названия. Но впечатление было стерто, когда мы ознакомились с содержанием газеты товарищей оборонцев. Плеханов нашел, что в газете имеются хорошие статьи, в особенности ему понравились статьи В. И. Засулич и И. И. Аксельрод. И в общем газета стояла на твердой боевой позиции¹.

Два дня оставались около нас наши молодые товарищи и своими рассказами о друзьях, событиях в Петрограде внесли некоторое разнообразие в нашу санаторскую уединенную жизнь и, снабженные просьбами о присылке газет, книг, вернулись на родину. Как я им завидовала. Быть в Петрограде было моей мечтой и тайной мечтой моего (друга). Наша вторая эмиграция, длившаяся всего пять месяцев, была тяжелее для нас первой, длившейся сорок лет. И это понятно: в течение первой сорокалетней эмиграции Плеханов жил и работал для родины и нравственно был спокоен, потому что сознавал невозможность сотворить то, что сотворено было им, если бы он оставался на родине. Он глубоко сознавал свое призвание, и это последнее требовало от него оставаться в изгнании. Теперь же он, чувствуя приближение конца, находил, что если он может еще кое-что сделать, то это возможно только на родине, в постоянном соприкосновении с друзьями и товарищами, направляя их усилия, предупреждая их от ложных шагов.

Я с ужасом видела, что 5-ти недельное пребывание в санатории ухудшило состояние Плеханова, я не делала себе иллюзий и глубоко порицала себя за то, что

покинула с моим больным Петроград. Там он не был бы одинок и в последние дни его жизни был бы окружен друзьями и почитателями. Я виновата в том, что он умрет в одиночестве.

Около 10-го марта явился к нам Лев Григорьевич (Дейч.—Публ.). Мы обрадовались ему как отцу родному. И я и муж очень любили нашего старого друга, и я предвидела для Георгия Валентиновича ряд хороших часов. Лев Григорьевич, превосходный рассказчик, много видал и слышал на своем веку, обладает прекрасной памятью, и рассказы и анекдоты сыплются у него, как из рога изобилия. Я знала, что Георгий Валентинович любил его рассказы, охотно смеялся и приходил в хорошее настроение.

Приезд Льва Григорьевича будет отдыхом от чтения и от дум.

Помню, появился к нам в санаторий Лев Григорьевич вечером, часам к шести. Весь он был сияющий, довольный. После первого приветствия начал высыпать из карманов письма и газеты, из дорожной сумки всевозможную еду и продукты. Тут был и шоколад, и сахар, и компот в банках, и крупа, и сардины, и сушеные рыбки. «Откуда такая масса. Вы бы лучше в Петрограде оставили, авось у самих есть нечего». — «Это, Роза, для Жоржа, один товарищ, страстный его поклонник. Он служит в кооперативе и чуть ли не каждый день запрашивает меня по телефону, чтобы узнать, не нужно ли чего-нибудь Плеханову. Он все боится, не голодает ли Плеханов. Вы напишите ему, Роза, успокойте его и поблагодарите». Я с удовольствием и с глубокой благодарностью упоминаю здесь о добром товарище. Мы хотя и не нуждались в это время ни в чем, но такое внимание нас глубоко тронуло. Позже, когда всякое сообщение между Россией и (Финляндией) прекратилось, и когда в Финляндии наступил почти голод, все эти продукты очень пригодились и Плеханову, и другим больным санатория.

Лев Григорьевич в первое свое посещение пробыл у нас три дня. За это короткое время он оказал неизмеримое благо не только нам, но всем жителям мертвого дома. В первый же день приезда он перезнакомился со всеми, читал собравшимся вокруг столов больным газеты, рассказывал, что делается в Петрограде. В следующие дни он был уже чуть ли не со всеми близко знаком: знал их семейное положение, чем живут, нуждаются ли в средствах. К нему посыпались жалобы и просьбы. Он взял на себя по возвращении в Петроград повидаться с родными, мужьями, женами, одной дал обещание найти для мужа работу.

Мы с мужем удивлялись его живости и общительности. Описывая ему картину чтения вслух больным, собравшимся вокруг столов, я прибавила: «Я за шесть недель почти ни с кем не познакомилась, а Лев Григорьевич за два дня успел узнать

¹ В марте — мае 1878 г. в Петербурге группой народников-бакунистов, не принадлежавших к какой-либо организации, нелегально издавалась газета «Начало». Газета освещала события освободительного движения в России и социалистического движения на Западе.

В ноябре — декабре 1905 г. в Петербурге выходила газета РСДРП «Начало». После ее закрытия подписчикам рассылались номера газет «Северный голос», затем «Наш голос», выходивших в декабре 1905 г. В 1906 г. по определению Петербургской судебной палаты издание было запрещено навсегда.

С февраля 1918 г. группа меньшевиков-оборонцев и членов организации «Единство» стала издавать социал-демократическую газету «Начало». Вышло три номера, затем газета выходила под названием «Наше начало».

все душевные тайны, материальные невзгоды жителей санатория.» — «Да он всегда был таков, — смеялся Георгий Валентинович, — ты разве не помнишь, как еще в Женеве, в первые годы нашей эмиграции, до его ареста и каторги, он был знаком со всеми, все открывали ему душу, а барыни, по словам Веры Ивановны (Засулич. — Публ.), через полчаса после знакомства, плакали ему в жилет, шепча свои душевные тайны. Он на это мастер». Эти слова были сказаны мужем с большой теплотой и любовью.

Известия, привезенные Львом Григорьевичем, были не отрадные. Брест-Литовский мир был заключен под давлением угрозы немцев. Подписан был мир по приказу Ленина без прочтения даже условий. «Воевать мы теперь не можем», — говорил Ленин, — «нам нужна «передышка», приходится подписать, что бы ни требовали немцы. Известия с западного фронта были слегка лучше. Верден держался. Немцам не удалось приблизиться к Парижу. Министерство переходит в руки Клемансо. Это последнее известие скорее обрадовало мужа. Кроме личной симпатии к этому старому бойцу, этому «renverseur ministeres» * он находил, что теперь больше чем когда-либо надо, чтобы судьбами Франции руководил человек сильный и страстно ее любивший. Таким был Клемансо². Французам, геройски державшимся до этих пор, не надо падать духом. Франция принадлежит человечеству, принадлежит нам всем. Она наша духовная родина. Гибель ее — это гибель европейской цивилизации.

«Верден держится, ах молодцы», — с горящими от радости глазами воскликнул муж.

Лев Григорьевич потребовал от меня, чтобы я воспользовалась его пребыванием для отдыха. Муж тоже настаивал на этом. Я воспользовалась предложением, так как чувствовала большую усталость, но с условием, что Лев Григорьевич не даст говорить Плеханову, а сам будет ему или читать вслух или рассказывать о старом, не касаясь жгучих вопросов текущего момента. Но, зная живость и оптимизм нашего друга, я была неспокойна насчет выполнения этого условия, поэтому часто прерывала свой отдых и заходила к моему больному и к неудовольствию убеждалась, что старые друзья обменялись ролями: рассказывал очень оживленно Георгий Валентинович, а Лев Григорьевич слушал и смеялся. «Что же это? А наше условие?» — «Ну, Роза, Вы

Г. В. Плеханов
с Р. М. Плехановой.
1.05.1917 (Царское Село)

все преувеличиваете. Какой же он больной? Оживленно говорит, смеется, да он нас переживет». Но все-таки Лев Григорьевич спохватывался и превращался во внимательную чтицу и сиделку.

Я с особенной радостью и благодарностью останавливаюсь на этом первом посещении нас Львом Григорьевичем. Он ворвался неожиданно в наш мертвый дом и оживил его, как сноп света в солнечный день оживляет мрачный, наглухо забытый дом внезапным открытием окна. Он оживил, поднял дух, упавшую надежду многих из мрачных жителей санатория, и уехал, сопровождаемый сожалением и просьбами вернуться поскорее.

Я забыла сказать, что мне лично Лев Григорьевич привез очень печальную весть, а именно, о сильном ухудшении в состоянии здоровья моей сестры Анны Марковны Дукач, которая, пораженная тяжелой болезнью, оканчивала свои дни в клинике Герзони в Петрограде.

«Вам надо бы поехать в Петроград, проститься с умирающей сестрой», — сказал мне Лев Григорьевич при муже. Слова эти сильно взволновали последнего, хотя он ничего не сказал. Я поняла тяжелую борьбу его души, он очень любил и ценил Анну Марковну за ее ум и прекрасную душу, знал, как мы с ней дружны, и понимал, что видеть меня перед смертью ей будет очень отратно, но он, несмотря на видимую бодрость при посторонних, чувствовал себя тяжело больным

* Сокрушитель министерств (фр.).

² Клемансо Жорж (1841—1929) — французский политический и государственный деятель. В 1880-х гг. выступал в палате депутатов и в прессе с резким осуждением французских правящих кругов за политику колониальной экспансии, ослабляющую, по его мнению, положение Франции в Европе. Эти выступления, способствовавшие падению кабинетов Гамбетты, Ферри, Бриссона, создали ему репутацию «сокрушителя министерств».

и опасался оставаться без меня. Сношения были так неверны. Мне могут помешать вернуться, и как же он останется один? Все это я прочитала на лице мужа и заявила, что оставить его не могу. Этот краткий, но тяжелый разговор произошел в день отъезда Льва Григорьевича.

На другой день утром Георгий Валентинович сказал мне твердым голосом: «А тебе, Роза, надо непременно поехать повидать Анну Марковну, я не хочу, чтобы из-за меня ты лишила ее последней радости. Я отдохнул за ночь, чувствую себя лучше. Ты непременно должна поехать».

Температура больного в это утро была не высока. Пульс хороший. Не нравилось мне только грустное лицо мужа. Решение это ему многого стоило и вид его говорил: «Чувствую, что не увижу тебя, но так надо, ты должна исполнить свою обязанность по отношению к сестре». Мне очень тяжело было видеть грустное лицо, я хотела остаться, но он настаивал. Уверенная в том, что со мной ничего не случится, что я вернусь в этот же день к нему, а между тем откладывать эту поездку, которую я тоже находила необходимой, — значит действительно рисковать возвращением, я наскоро собралась, дала необходимые распоряжения санитару, попросила сестру милосердия почаше навещать больного, и, прощаясь с мужем, заявила ему, что я покину Териоки только тогда, если на станции получу полную уверенность в том, что смогу в этот же день вернуться обратно. В час дня я покинула санаторий.

На вокзале в Териоках проверял мой паспорт и свидетельство, выданное мне доктором санатория о том, что я еду на свидание к умирающей сестре, пожилой, с симпатичным, добрым лицом товарищ-красноармеец. (Не он ли пал жертвой белогвардейских ужасов в Финляндии?) Он же уверил меня в том, что никаких препятствий к моему возвращению не будет сегодня и советовал по приезде в Петроград сейчас же на Финляндском вокзале взять обратный пропуск. Что будет завтра, не знаем, время тревожное, за Выборгом происходят сражения. Это было 14-го марта. На вокзале атмосфера была тревожная.

По приезде в Петроград я сейчас же побежала к коменданту, чтобы достать себе обратный пропуск. Тут я застала массу народа, стоявшую в очереди. Проверились и выдавались пропуска в Финляндию. Я присмотрелась к публике. Все больше матросы, солдаты, рабочие, очень мало женщин. Куда ездили они? На помощь Красной гвардии? Возможно. Часа два мне пришлось ждать. Я едва держалась на ногах, а тут еще меня мучила мысль, что я не успею в эту же

ночь вернуться в санаторий. Наконец, добилась пропуска. Взяв первого попавшегося мне извозчика, я попросила поскорее ехать в клинику Герзони. Только тут на извозчике начала мучить меня печальная неотвязчивая мысль, что я сестры не застану в живых, что скорее всего она уже похоронена. Быстро взбежав на лестницу, я спросила привратницу: «Что сестра?» — «Скончалась сегодня утром в 6 часов. Она лежит в своей комнате наверху». Я выслушала это известие, не волнуясь, точно чувства мои были притуплены. Я поднялась, застала мою бедную Анюту, так любившую жизнь, на кровати, усыпанной цветами, со спокойным, почти спящим лицом. Мне не суждено было в последний раз услышать ее голоса, увидеть ее живого, умного лица, но я увидела ее черты и в течение получаса сидела около и не сводила с нее глаз, точно хотела унести навеки впечатление от этих дорогих мне черт.

Многое мне припомнилось, когда я глядела на эти спокойные черты, и наше детство, и наша юность, а потом долгие годы разлуки. Ее роль связующего звена между мной, отщепенкой, и родителями, которые долгие годы не могли мне простить то, что они называли изменой с моей стороны по отношению к родителям, религии и племени. Анюта, моя добрая Анюта, старалась их убедить, утешить и меня оправдать в их глазах. Я ей бесконечно благодарна за это, так как слезы моих родителей преследовали меня долгое время в течение моей жизни.

Было 9 часов, в 10 ушел последний поезд в Финляндию. Я простилась с сестрой и отправилась на Финляндский вокзал.

В Териоки я приехала в 12 часов ночи. На вокзале было довольно много народу, много красноармейцев при ружьях. Тревожные, хмурые лица. У выхода нам заявили, что в город не пускают. Опасно. Другие приезжие помирились с этим и решили ждать. Я же и еще одна женщина, на вид городская прислуга, решительно заявили, что нам надо в город. Красноармеец, стоявший на страже, сжалился над нами и выпустил. Я была уверена, что найду извозчика с санями и за увеличенную цену он довезет меня до санатория. Но площадь перед вокзалом была пуста. Ничего не поделаешь. Надо искать ночлега в городе. Я обратилась к моей случайной спутнице, к девушке, которая покинула со мной вместе вокзал, не может ли она указать мне гостиницу или меблированную комнату, но она торопилась, видимо, охваченная страхом. Действительно, кругом было жутко и пусто, и время от времени раздавались выстрелы. Впереди в темноте, около моста и на мосту виднелись человеческие фигуры с ружьями. Раздавались какие-то зловещие переключки. «Вы видите, барыня, надо спешить, я не могу так медленно. Нас могут пристрелить». Так говорила, убегая от меня, моя спутница. Я попросила

ее взять меня к себе ночевать. Но она решительно отказалась, заявив, что она сама едет в гости к родным и не может привести с собой чужих людей. Издали она крикнула: «Вот там, за мостом, имеется какая-то гостиница, первый переулок направо, на углу». Я вышла на широкую улицу, повернула в первый переулок и, действительно, оказался какой-то плохонький дом. Свет проходил через плохо прикрытые ставни. Я начала звать, стучать. Ни звука. Пошла дальше, мороз был трескучий, я озябла и устала.

На улицах пусто, темно, нет ни души и не к кому обратиться за указанием. Вдруг в темноте различаю человеческую фигуру. Я остановилась. Ко мне приблизился красногвардеец с красной повязкой вокруг руки, человек лет тридцати пяти с мужественным, красивым лицом. На мой вопрос: где бы мне найти место для ночевки, он предложил следовать за собой. Долго мы шли. Наконец, он остановился перед каким-то домом. «Здесь сдаются меблированные комнаты, может быть, Вам дадут переночевать». Сказав это, он поспешил удалиться. Я его просила подождать и проводить меня до гостиницы, на случай, если здесь не найдут ночлега. Но красногвардеец заявил, что он мною заняться не может.

Передо мной стоял деревянный двухэтажный дом, погруженный в глубокую тьму, но наружная лестница, ведущая во второй этаж прямо с улицы, была открыта. Я начала подниматься и вдруг услышала сердитое рычание. Всмотревшись в темноту, я различила громадную собаку, стоявшую на площадке и, видимо, охранявшую вход в квартиру. Собака была над моей головой и, если бы она отличалась более воинственным нравом, то она бы одним прыжком могла свалить меня и сбросить с лестницы. Сознаюсь, на меня нашла некоторая робость, и в голове мелькнула мысль не податься ли назад. Но позади темная, безлюдная и бесприютная улица, впереди все-таки надежда на ночлег. Я поднялась, поравнялась со зверем, который оказался добродушным, и постучалась в двери. Долгое время не открывали. Я возобновила и усилила стук. За дверью послышались шаги, шептание, наконец вопрос: «Кто там?». «Нет ли у Вас комнаты, чтобы переночевать?..». Опять шептание, долгое ожидание и, наконец, нерешительные шаги к дверям, дверь приотворяется, молодая девушка высовывает голову и, убедившись, что я одна и ничего страшного нет, впускает меня в чистенькую комнату, освещенную электричеством. Было около двух часов ночи. Измученная морально и физически, я долго ворочалась в постели и заснула только часам к четырем, а в семь была уже по пути в Питкеярви. Как я застаю своего больного друга? Спал ли он? Я имела неосторожность обещать ему возвратиться в тот же день.

(Продолжение следует)

Доктор Лидия АЛЕКСАНИАН:

«НЕ ВОЛНУЙТЕСЬ, ПОМОЖЕМ»

Эти слова вы услышите на приеме у фитобиоэнерготерапевта, дипломированного врача народной медицины, почетного члена Международной ассоциации по исследованию проблем психотроники Лидии Авакимовны Алексаниан.

В ТБИЛИСИ, УЛ. 1-Я ГУДЖАРИТСКАЯ, Д. 16

доктор Лида проводит:

- экстрасенсорную диагностику,
- комплексное лечение настоями уникальных сборов лекарственных растений, цветов, трав (фитотерапия),
- лечение мазями псориаза, экземы, диатеза, грибковых заболеваний

лечит:

Болезни почек, печени, желудка, поджелудочной железы, гипертонию, головные боли, болезни сердца, трофические язвы, отложение солей, тромбоз, расширение вен, все виды кожных заболеваний, эпилепсию, астму, бесплодие, геморрой

восстанавливает работу нервной системы, помогает онкологическим больным.

Доктор Лидия АЛЕКСАНИАН:

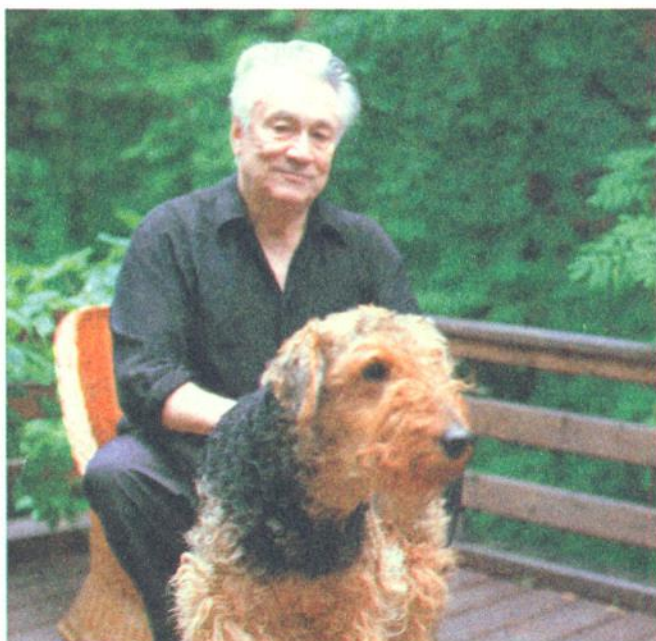
«Жду всех, кто нуждается в моей помощи. И будьте уверены: в Тбилиси все спокойно».

14/1991 сентябрь

ВО ИМЯ СТАБИЛЬНОСТИ, МИРА И СОГЛАСИЯ

Писатель Юрий Нагибин

ЧЕЛОВЕК
РОЖДАЕТСЯ НЕ
В КОЛЛЕКТИВЕ,
ОН ФОРМИРУЕТСЯ
ВО ЧРЕВЕ
МАТЕРИ,
КАК ОСОБЬ
ЗАКОНЧЕННАЯ,
И ДОЛЖЕН
ОСУЩЕСТВИТЬ
СЕБЯ В ЖИЗНИ —
В ТРУДЕ,
В ЛЮБВИ,
В ЧЕМ УГОДНО,
В БЕЗУМИИ —
ЭТО ЕГО
ЛИЧНОЕ ДЕЛО.
ТОЛЬКО
В ЭТОМ СЛУЧАЕ
ОПРАВДАННО
ПОЯВЛЕНИЕ
НОВОЙ ОСОБИ.
ЕСЛИ ЖЕ
ЕГО РАСТВОРЯЮТ
В ДРУГИХ,
ОН СТАНОВИТСЯ
ЧАСТИЧКОЙ
МАССЫ.

Бесовщина

Александр Яковлев:

послесловие

к перестройке

Художник:

жизнь взаимы?

■ ТАЙНЫ АРХИВА

ГОД НА РОДИНЕ

Розалия ПЛЕХАНОВА

К 8 часам я уже была в санатории у постели мужа. «Ты уже приехала», — сказал он мне каким-то странным, чужим голосом. И лицо у него какое-то серьезное и торжественное... Не видала я в его глазах той радости, которая всегда меня делала счастливой, когда я возвращалась после разлуки. «Что с тобой? Отчего ты такой, точно не рад мне?» — «Я был уверен, что ты не вернешься, что тебя задержат, что с тобой случится несчастье, что я буду один и я вчера целый день готовился к этому. Тяжело было. Но все можно пережить». — «Ведь я обещала тебе вернуться в тот же день и, во всяком случае, на другой день. И зачем ты настаивал, чтобы я поехала, и вид при этом имел совсем спокойный». — «Тебе надо было поехать. Я бы себе не простил, если бы не настоял. Проститься с сестрой было твоей обязанностью. Как ты ее нашла?» — «Очень плохо». И он прочитал на моем лице, что я не застала ее уже в живых. Он замолк. Ему было тяжело на душе, я это видала и, чтобы рассеять его, я начала оживленно и очень подробно рассказывать ему о моих приключениях во время поездки в Петроград и обратно, не коснувшись только посещения бедной сестры моей, и Георгий Валентинович не спрашивал о ней. Но я видала по его грустному лицу и по тому, как рассеянно он слушал меня, что мысль о ней не выходит у него из головы. Наконец, он не выдержал и сказал: «Жалко Анну Марковну, славная, хорошая была женщина. Сколько энергии! Наболорлась, настрадалась и исчезла. А впрочем, что смерть?

Продолжение. Начало см.: Диалог, 1991 г., №№ 8—13.

Это слияние с природой. Мы должны ее встречать, как материалисты».

Мысль о том, что он долго не проживет, приходила мужу еще в Сан-Ремо, незадолго до нашего отъезда. Когда мы жили в Царском Селе, он произнес почти пророческие слова: «Чувствую, что мне еще остался год жизни — не больше. Вот вы этого не видите и все уверяете, что я поправлюсь, а я чувствую обратное. Помнишь, Роза, когда в 1886 году я опасно заболел и Ревильо (известный профессор, специалист по внутренним болезням) предсказал мне смерть через шесть недель, я этого не знал, но я видел по твоему лицу, по лицу Веры Ивановны, что вы все очень боитесь за меня, а я, несмотря на температуру в 40 градусов, боли в груди, кашель, был уверен, что выживу. Я чувствовал всем своим существом, что во мне имеется способность к борьбе и что я, благодаря ей, одолею болезнь. А теперь вы надеетесь, вы спокойны, а я чувствую, что нет во мне больше того, что вы, врачи, называете сопротивляемостью болезни. Ну, что делать. Я материалист и смотрю законам природы в глаза. Жалко только, не закончу «Истории русской общественной мысли», да и воспоминания собирался я тебе продиктовать».

Мысль о близости смерти явилась теперь под влиянием известия о кончине сестры, но он не останавливался на ней, как и прежде. Бодрость и глубина принципов взяли верх и теперь, несмотря на крайне тяжелое состояние. Он силой воли отогнал мысль о близкой кончине и опять принялся за работу. Видя нерешительность, проявленную мною при подаче ему, сколько мне помнится, одной из книжек журнала «Вопросы философии и психологии», он сказал мне: «Чего ты боишься, что отвлеченное чтение меня утомит. Ты знаешь мой принцип: учиться и работать надо до последнего дня. Умерем — отдохнем».

Но скоро, как я писала уже выше, сказавшись у нас книжный голод. Две книжки журнала «Вопросы философии и психологии» были нам привезены Львом Григорьевичем по просьбе мужа, но наших книг, отложенных Плехановым для работы, не нашли в Петрограде, а в Царское Село съездить не успели. При быстром чтении Плеханова, статьи, интересовавшие его в двух книжках философского журнала, были им скоро окончены, и мы остались без книг. Все в нашей личной библиотеке было прочитано. Муж был глубоко огорчен. А я не могла простить себе своей оплошности. За 40 лет жизни с Плехановым я хорошо освоилась с тем, что для него было более важно и менее важно. Я знала, что, собираясь в путь, он первым делом всегда укладывал свои книги, тетради, а потом уж белье, костюмы и т. д. Работа, куда бы он ни ездил, на сколько времени бы ни ездил, была у него на первом плане. Упустив это из виду теперь,

Похороны Г. В. Плеханова.
Улица 4-я рота, ныне
4-я Красноармейская

в эту нашу последнюю поездку, я нарушила принцип его жизни, я точно сказала ему, что отныне работать ты не будешь, а это был для него почти смертный приговор. Жить — это работать. «Раз к работе неспособен, то жить не должен — чего небо коптить».

Из затруднения меня вывел сам Плеханов. «Ничего не поделаешь. Возьмусь за старое. Бери Фукидида. Тебе будет интересно, и я с удовольствием послушаю. Начни с Пелопоннесской войны». И началось у нас изучение греческой истории. Утром, после вытирания, впрыскивания, вентиляции, я принималась за Фукидида, которому мы посвящали часа два-три, а после обеда, отдав должное полагавшемуся по правилам санатории двухчасовому отдыху, я бралась за Плутарха, для разнообразия. Плеханов, как юноша, восторгался героями Древней Греции, а когда я ему читала речь Перикла, обращенную к афинянам после Пелопоннесской войны, он сиял радостью и все находил, что я недостаточно восторгаюсь... Это чтение прекрасно действовало на состояние духа Плеханова. Он был душевно спокоен, меньше задумывался, более объективно выслушивал редкие известия из России и с театра западных военных действий. Объясняла я это себе тем, что Плеханов страстно любит классическую древность. В молодости он очень интересовался естественными науками, бросил для них юнкерское училище, а в бытность свою в Горном институте с увлечением занимался химией, поражаая своими знаниями в этой области своих учителей, которые предсказывали ему ученую карьеру. Но позже, отдавшись революционной и литературной деятельности, он жалел о том, что не получил классического образования. Латинский язык он изучил сам и недурно

его знал, взялся и за греческий, но отсутствие времени не позволило ему изучить его как следует. Он любил читать произведения иностранной литературы в подлиннике и жалел, что не мог читать на древнегреческом языке своих любимцев: Эсхила, Софокла и Эврипида и Аристофана. Он преклонялся перед древнегреческим искусством и страстно любил эпоху Возрождения. Он был строг и требователен к новейшему искусству и сильно не одобрял декадентов как в литературе, так и в живописи.

Самочувствие мужа было в этот период относительно лучше, хотя температура была высокой. Он хорошо питался, отдыхал, мало кашлял, и я сама начала надеяться, что мой пессимизм преувеличен, что организм мужа на этот раз пережит обострение болезней.

Душевное спокойствие или душевная ясность в настроении мужа длилось недели три. Раз оно чуть-чуть не было нарушено нашим санитаром, который по утрам и вечерам являлся к нам в комнату для исполнения своих обязанностей. «О Вас, Георгий Валентинович, есть статья в социалистической финляндской газете. Жена сказала, она финка, а я по-фински не читаю». «Что же в этой статье?» «Да так, говорят о том, какой Вы были прежде, какой теперь». «Ну, — прервала я его, — это мало интересно, так как Плеханов теперь такой же, как и прежде. Статья должна быть глупая». Разговор прервался, и мы с мужем об этом инциденте не говорили. Я заметила только пробежавшее по лбу облако. Встретив санитаря в этот же день в коридоре, я спросила его, что написано в этой статье, и из слов его поняла, что это повторение неприличной статьи, явившейся в «Правде», за несколько дней до нашего отъезда из Петрограда. Об этой

статье я говорила выше: это был плач «Иудушки» над порчей Плеханова, основателя социал-демократии, учителя нашего и т. д. и т. д., а теперь фигурирующего в списках корниловского, калядинского и каких-то других реакционных министров.

Плеханов отказался от участия в министерстве по приезде, несмотря на просьбу Временного правительства, потому что, по своему твердому убеждению и верный штутгартской и амстердамской резолюциям, социалист может взять на себя звание министра только тогда, когда этого требуют исключительные интересы страны, и только с согласия социал-демократической партии. Партия Плеханова в министерство не посылала, а предпочла ему Скобелевых, Гвоздевых и др. Как же бы он вошел в сомнительные демократические министерства? Для всякого добросовестного человека ясно было, что фабриканты министерств тешились, вводя в списки имя Плеханова, который был им нужен как символ крайней демократичности стремлений с их стороны. Плеханов, и это было всем известно, был прикован к постели еще до переворота 25 Октября. Но больной и умирающий, он все-таки был страшен нашим «товарищам-большевику». И они ему вдогонку, и в Финляндию, послали клевету. А вдруг финляндские товарищи вздумают явиться к нему, поговорить с ним на тему о своевременности в России диктатуры пролетариата...

Плеханов часто в течение своей боевой жизни был предметом невероятно нелепых клевет. Но он к этому относился свысока и отвечал на них только тогда, когда он находил нужным остановить извращение дорогих ему идей. Он любил идейную полемику и, смеясь, говорил, повторяя слова Печорина, «люблю своих врагов, но не христианской любовью». На личные же клеветы он не возражал, а отвечал презрительным молчанием или добродушно подсмеивался над ними в кругу близких. Теперь же, в последние дни его жизни, воспоминания о клеветах, которыми изобиловали страницы «Правды» или скорее неправды и которые были пущены в среду питерского пролетариата, чтобы оторвать его от Плеханова, тягостно на него действовали. Он мне не говорил об этом, но по отдельным словам, намекам я поняла, что он страдает от них. Поэтому меня очень взволновал инцидент с санитаром. К счастью, мне удалось прекратить разговор в начале, и больше санитар к нему не возвращался.

К концу марта явился к нам опять Лев Григорьевич Дейч. На этот раз, как и в первый, привез он письма и газеты,

котомка за спиной его была наполнена всякой живностью. Приехал Лев Григорьевич с намерением остаться с нами долго, помочь мне в уходе за мужем и вместе с тем взять у него кое-какие биографические сведения, написать под его диктовку воспоминания, расспросить его о разных животрепещущих вопросах. Эти намерения нашего старого друга меня, признаться, беспокоили. Я опасалась того, чтобы инстинкт историка революционного движения не взял у него верх над обязанностями сестры милосердия, в результате от ухода Льва Григорьевича за больным последнему будет не польза, а вред. Чтобы предупредить это, я, улучив подходящую минуту, заговорила с Львом Григорьевичем о состоянии мужа, предупредив его, что я нахожу состояние его критическим, что силы его уходят, температура высокая..., и что поэтому надо быть очень осторожным, не утомлять его сердца, не волновать его и не утомлять его разговорами. — «Конечно, конечно, Роза, я буду осторожен, но Вы, как и всегда, преувеличиваете: он совсем не так опасно болен. Я сегодня поговорю с доктором — директором санатория, и я уверен, что он не так мрачно смотрит, как Вы».

Доктор действительно успокоил Льва Григорьевича, уверив его, что к лету муж поправится, если не произойдет за весну никаких осложнений. А последнее маловероятно, беря во внимание хорошие условия, в которых находится больной. Я дала себя убаюкать, ослабила надзор. Тоскливая обстановка санатория, отсутствие известий с родины со времени отъезда наших молодых друзей, а с этих пор ушли две недели, редкое появление газеты — все это было причиной, что Плеханов алчно набросился на вновь прибывшего, требуя известий, впечатлений. В течение двух дней шли оживленные беседы в комнате моего больного. Последний был бодр, слушал, отзывался на события, давал характеристику «товарищам», стоявшим у власти, припоминал эпизоды из своих столкновений во время эмиграции с «хитрым мужичком» (Лениным) и «Лассалем» (Троцким). Когда я накладывала «вето» на разговоры, Лев Григорьевич спохватывался и сам рассказывал из прошлого или читал мужу вслух Мопассана.

Вечером 17-го марта доктор санатория, ездивший в Петроград на консультацию, привез нам, т. е. мне и мужу письмо от наших дочерей из Парижа. В письме сообщалось о рождении сына младшей дочерью, которая замужем за швейцарцем, литератором Жоржем Батто. Известие это взволновало мужа своей неожиданностью. Он со смущением, причем щеки его сильно порозовели, сказал, обращаясь к тут же присутствующему Льву Григорьевичу: «Вот и стары стали мы с Розой, я уже дедушка, а она — бабушка». Но при этих словах глаза его блистали радостью. Поздно мы не засыпали в

Похороны Г. В. Плеханова.
Процессия на Невском
проспекте

этот памятный для меня вечер. Георгий Валентинович был приятно возбужден, шутил, не называл меня иначе как «бабушка», а я его в ответ «дедушкой». Острил Плеханов также над именем своего внука, которого нарекли именем Клавдий. «В чью честь назвали нашего внука Клавдием? Не в честь ли императора Клавдия? Странно, почему назвали его Клавдием?» Я его утешила, напомнив ему, что это имя носил также знаменитый Клод Бернар¹. Заснули мы поздно. Ночь была спокойна. Разбужена была я утром часов в 7 от стонов моего Жоржа. Быстро вскочив, я открыла электричество и увидела смертельно бледное лицо Плеханова, а в руках пропитанный кровью платок. Успокоив его словами: «Кровохарканье не опасное, мы скоро его остановим», я побежала за сиделкой, так как звонок в этом бывшем когда-то образцовым санатории не действовал. Одновременное впрыскивание морфия и эрготина успокоили кашель и уменьшили кровохарканье. Но муж был чрезвычайно слаб и видимо нравственно подавлен этим первым, за тридцать лет болезни, сильным кровоизлиянием. Это последнее ввиду сильного малокровия больного могло сделаться катастрофическим, если оно повторится. Как я сказала уже выше, Плеханов не боялся смерти, смотрел

на ее приближение трезво и мирился с ней, как с законом природы. Но эту смерть он видел до этих пор в некоторой дали, а пока находил нужным работать, собирался еще кое-что сказать и написать, закончить по мере сил, обязанности по отношению к родине, человечеству, семье. А вдруг она тут, в этом трагическом красном цвете, явившемся сразу, неожиданно, неизвестно откуда. Плеханов был поражен, подавлен.

Целый день мы с Львом Григорьевичем не отходили от постели мужа и грели его холодные руки в своих руках. Кровохарканье длилось целый день и повторилось с некоторой силой к вечеру. К ночи больной мой под влиянием нового впрыскивания морфия с пузырьком льда на груди спокойно заснул. Кровохарканье в уменьшенном виде длилось еще два дня, а на четвертый все улеглось. Муж сделался бодрее, счастливая улыбка человека, избежавшего смертельной опасности, появилась на устах, и он весело сказал: «Ну, я счастливо отделался, поживем еще немного».

Восемь дней пролежал Плеханов на спине с пузырьком льда на груди и ему впрыскивалась ежедневно небольшая доза морфия. Последний успокаивал его кашель, но возбуждал нервные центры, вызывая оригинальные сновидения, которые отличались странностью и фантастичностью. Утром он мне рассказывал их, и мне казалось, что я слушаю расска-

¹ Бернар Клод (1813—1878) — французский физиолог и патолог, один из основоположников эндокринологии и экспериментальной медицины.

зы Эдгара По². Чувствительность Георгия Валентиновича к опийным препаратам мне была известна давно. Я находила, что у него к ним имеется некоторая идиосинкразия, и за долгую его болезнь старалась как можно реже прибегать к ним. На этот раз, к несчастью, была форсмажор, и без морфия обойтись нельзя было. Я надеялась, что мы прекратим его, как только опасность возобновления кровоизлияния пройдет. Но, увы, явились другие явления, менее опасные непосредственно для жизни мужа, но более мучительные, которые потребовали вновь употребления опийных препаратов.

Мы были счастливы, что отделались, как говорил Плеханов, так дешево, но через десять дней, приблизительно после памятного утра, Георгий Валентинович проснулся часов в 12 с легким приступом кашля, за которым последовало тяжелое удушье, длившееся недолго, но сильно утомившее и обеспокоившее мужа. Эти удушья повторялись с большой правильностью каждую ночь. Первое время эти припадки уступали вдыханию теплых паров. После припадка муж засыпал и пробуждался относительно бодрым. Днем он чувствовал себя недурно, но не было уже тех сил и той мозговой энергии, которую проявлял Плеханов до рокового утра 19 марта. Большой мой уже не настаивал на серьезном абстрактном чтении, не делал записей. Произошел крутой поворот в здоровье Георгия Валентиновича, и жизнь наша в санатории вошла в безысходную трагическую полосу. Я в отчаянии и бессилии следила за тем, как покидают его силы, и процесс в легких все ухудшается. Лев Григорьевич и доктор санатория оставили свой оптимизм.

Плеханов начал задумываться над близостью конца и, несмотря на мой протест, диктовал Льву Григорьевичу завещание и торопил его переписать и найти необходимых свидетелей. Он также охотнее, чем прежде, говорил о себе, о своем детстве, о своем отце, старался растолковать характер последнего и очень огорчился, когда на вопрос Георгия Валентиновича, понял ли он сущность личности Валентина Петровича, Лев Григорьевич ответил: «Что же тут понимать, просто был крепостник».

Георгий Валентинович глубоко уважал своего отца, несмотря на его консервативный образ мыслей. Свою способность к работе, настойчивость в достижении цели, выдержанность ума и характера он приписывает влиянию отца на него

в детстве и в отрочестве. Плеханов признавал, что смерть не за горами, и хотел оставить близким некоторые сведения о своем детстве и отрочестве, опасаясь, что за отсутствием последних эти вехи его жизни будут толковаться вкривь и вкось.

Мы часто говорили с мужем о необходимости приступить к писанию воспоминаний. Начиная с 1878 г. мы жили с ним одной жизнью, одними впечатлениями, много пережили бурных политических моментов до нашей эмиграции, а в длинную, увы, слишком длинную жизнь в изгнании многое пережили, многих пережили. Необыкновенная память мужа, его способность живо и образно рассказывать — все это заставляло предвкушать то наслаждение, которое я буду испытывать, когда он будет диктовать свои воспоминания. Я убеждена, что эти последние были бы неоцененным вкладом в историю дворянских нравов 2-й половины 19-го столетия, с одной стороны, и историю революционного движения, начиная с 70-х годов до современной эпохи, с другой. Плеханов часто говорил: «Вот покончу с «Историей русской общественной мысли», тогда возьмемся за воспоминания. Я тогда усажу тебя, Роза, мне хочется продиктовать их именно тебе». Но мечтам нашим не суждено было осуществиться. Хотя Георгий Валентинович мало-помалу поправлялся после кровохаркания, возвращался аппетит, возвращались силы, но температура не понижалась, несмотря на борьбу с ней, и ночные припадки удушья не исчезли. Я решила вызвать из Петербурга кого-нибудь из крупных светил на консультацию и, посоветовавшись с доктором Циммерманом, написала В. Н. Сиротину слезное послание. На него не последовало ответа. Я была в отчаянии, так как верила в Сиротинина, и муж к нему относился с большой симпатией.

Директор санатория д-р Циммерман предложил тогда вызвать д-ра Штернберга, одного из лучших, по его мнению, специалистов по легочным болезням. Я с радостью согласилась на это.

К середине апреля явился к нам в санаторий д-р Штернберг, очень внимательно исследовал моего больного, подробно расспросил меня и врача заведение о ходе болезни, долго всматривался в температурный листок и поставил диагноз туберкулез легких, осложнившийся острым диплококковым воспалением, причиной которого было кровохарканье. По его гипотезе, и прежде должны были происходить от времени до времени маленькие внутренние кровоизлияния, и эти последние вызывали частичные воспаления легочной ткани. Этим надо объяснить скачки в температуре. Причину частых кровоизлияний надо искать в волнениях, передвижениях и всем образе жизни больного со времени оставления им тихого места жительства в Италии.

² По Эдгар Аллан (1809—1849) — американский писатель и критик, родоначальник детективной литературы.

На этот раз интенсивное воспаление нижней и верхней долей левого легкого вполне соответствует значительному легочному кровоизлиянию. Состояние тяжелое, несомненно, но бодрость больного, относительно недурное состояние общего питания, недурная работа сердца и удовлетворительное состояние правого легкого — все говорит за то, что Георгий Валентинович поправится, тем более что наступает весна, дни делаются теплыми, солнечными. Быть может, понадобится позже, когда воспалительный процесс войдет в казеозный фазис, прижать левое легкое небольшим искусственным пневмотораксом. Посоветовал отхаркивающие и небольшие дозы дионина, чтобы побороть ночные удушья. Плеханов очень бодрился, повеселел после этой успокоительной консультации, я тоже была успокоена, хотя не верилось мне, чтобы правое легкое было в удовлетворительном состоянии, и осталась при своем мнении относительно возможности применения пневмоторакса. Но это дело будущего. Пока мне хотелось верить, что не все пропало, что Плеханов будет жить на счастье его близких и на благо родины.

Соединение отхаркивающего и дионина действительно успокоили ночные припадки, сон сделался спокойнее, самочувствие лучше, надежда вошла в наши души. Одно только тревожило меня. Плеханов мало ел, быстро уставал за едой и не требовал себе книг для работы. Это был плохой признак: жизненная энергия, которая так характерна была для него раньше до кровоизлияния, еще к нему не вернулась. Вернется ли она? Надо, чтобы она вернулась. Иначе Плеханов жить не может, как я уже сказала выше: он был требователен к людям, а в особенности к себе. Жизнь без работы он находил ненужной, недостойной.

Я не ошиблась. Очень скоро эта жизнь без дела начала его тяготить, и он сказал мне как-то с тоской: «Роза, я тебе завидую, ты делаешь достойную человека работу, отдаешь себя уходу за больным,

за мной, но я, отнимая у тебя время и силы, чего я стою? Зачем такая жизнь?» На этот раз мне удалось его успокоить, убедить даже, что он поправится, привела ему ряд примеров о больных моего санатория в Сан-Ремо. Они страдали тем же, что и он, и покинули санаторий вполне оправившимися. Нельзя же проявлять такое нетерпение, со времени кровоизлияния прошло два месяца, а он хочет, чтобы все последствия его прошли. Это невозможно. Нужно время, и д-р Штернберг сказал, что поправка пойдет медленно, но дело идет к ней. Муж поверил, успокоился.

Лев Григорьевич был еще у нас. Мы делили с ним дневные часы и уход за мужем, иногда он замещал меня и ночью. Благодаря этой неоценимой помощи я могла иногда дышать свежим воздухом, отдохнуть, заняться в своей комнате корреспонденцией, чтением. Но этому скоро был положен конец.

Около 25-го апреля, т. е. (спустя. — Публ.) несколько дней после консультации, Лев Григорьевич заявил нам, что ему надо вернуться в Петроград, так как он обещал быть на заседании, где будет обсуждаться вопрос о материальном обеспечении В. И. Засулич. Мне грустно было расстаться со своим помощником, но я не удерживала его, так как он в последнее время начал нервничать, потерял свой такт в отношениях к больному Плеханову, обижался на его самые безобидные шутки. Я приписала это усталости Льва Григорьевича и нашла, что, съездив в Петроград, он с большой радостью и скоро вернется к нашему больному, которого он искренно и нежно любил. Как я жалела впоследствии, что не удержала нашего друга и не воспротивилась его отъезду. В самую тяжелую минуту моей жизни я была одинока без близкого, без помощи, а Георгий Валентинович умирал с тоскливой мыслью, что он оставлен друзьями.

(Продолжение следует)

СОЛОН — ЭПИМЕНИДУ. «Вижу: ни мои законы не были на пользу афинянам, ни твоими очищениями не помог согражданам. Ибо не обряды и законодатели сами по себе могут помочь государству, а лишь люди, которые ведут толпу, куда пожелают. Если они ведут ее хорошо, то и обряды, и законы полезны, если плохо, то бесполезны. Мои законы и мое законодательство ничуть не лучше: применявшие их причинили пагубу обществу, не воспрепятствовав Писистрату прийти к власти, а предостережениям моим не было веры: больше верили афиняне его лести, чем моей правде. (...) человек этот небывалыми средствами домогался тирании. Поначалу он был народным предводителем. Потом он сам себя изранил, явился в суд и возопил, что претерпел это от своих врагов, в охрану от которых умоляет дать ему четырехста юношей. А народ, не послушав меня, дал ему этих мужей, и они стали при нем дубинщиками. А достигнув этого, он упразднил народную власть. Так не вотще ли я радел об избавлении бедных от кабалы, если ныне все они рабствуют Писистрату?»

Диоген ЛАЭРТСКИЙ

Д И А Л О Г

ISSN 0236-0942

15/1991 октябрь

ВО ИМЯ СТАБИЛЬНОСТИ, МИРА И СОГЛАСИЯ

АХ, ХОРОШО БЫ
ШАГНУТЬ
ЗА РАМКУ,
УВИДЕТЬ
ПТИЦУ, СЕСТЬ
В ТРАВУ
И УСПОКОИТЬСЯ.
ТАК БУДЕТ.
ПРОСТРАНСТВО
ПОКОЯ, ТЕПЛО
НАДЕЖДЫ, И МЫ
В ЭТОМ
ПРОСТРАНСТВЕ
СВОИ ЛЮДИ.
БУДЕТ, БУДЕТ...
А МОЖЕТ,
ВСЕ-ТАКИ —
ЕСТЬ?
И ГДЕ-ТО
СОВСЕМ РЯДОМ,
И В ТЕБЕ,
И В НЕМ,
И В НЕЙ,
И В НАС?
ХВАТИЛО БЫ
СИЛ — ВИДЕТЬ

Вооружимся поголовно!

**О бюрократии спросите
Вебера и Ленина**

■ ТАЙНЫ АРХИВА

ГОД НА РОДИНЕ

Розалия ПЛЕХАНОВА

Теперь, когда я приближаюсь к концу рассказа о нашей второй эмиграции, к тяжкому периоду нашей жизни в Финляндии, я для большей ясности нашего положения, хочу сказать несколько слов об окружавшей нас внешней и внутренней обстановке.

Я писала уже выше, что мне стоило больших усилий уговорить мужа покинуть Россию и ехать в Финляндию лечиться. Бросать Россию в такой тяжелый, критический для нее момент ему казалось дезертирством. Хотя он и мало писал за время пребывания своего во Французской больнице, но он хотел жить на родине и касаться непосредственно ее судьбы, ее переживаний. А писал он мало отчасти потому, что здоровье его уже в это время было очень плохо, а главным образом потому, что находил, что народ, пролетариат, с которым он хотел и должен был говорить, останется глух к его словам. «Успех большевизма», говорил он, основан на народной отсталости, а угар, охвативший рабочих, рассеется только со временем, когда он убедится на деле, что слова нашего учителя Энгельса: «Не может быть большого несчастья для рабочего класса, как преждевременный захват власти» — не пустые слова, а глубокая истина. Поэтому надо быть здесь, чтобы помочь пролетариату разобраться и понять, что он идет по гибельному пути, надо, чтобы сознательный пролетариат шел в среду своих заблуждающихся братьев и, рискуя свободой и жизнью, распространял среди них идеи научного социализма. «Сорок лет», — говорил Плеханов, — я отдал этой пропаганде, но я вижу, что ни пролетарская масса, ни значительная часть интеллигенции не поняли моих идей, ни идей наших учителей Маркса и Энгельса. Но не надо унывать. Начнем сначала, с А.Б.В.»

На отъезд согласился Плеханов только потому, что граница была свободна, и

Похороны Г. В. Плеханова

ему было обещано, что его будут держать в курсе событий, деятельности нашей группы, что будут привозить на просмотр статьи и брать его работы, что будут устраивать у него совещания редакции газеты «Единство» раза два в неделю, словом, он не будет оторван от Петрограда. Ведь Териоки — дачное место и находится на расстоянии часа езды от столицы. Плеханов дал себя уговорить. О гражданской войне, которая уже в то время предвиделась, никто из нас не подумал, о том же, что мы можем очутиться оторванными от Петрограда и близких, если и приходила мысль, то на ней ни я, ни друзья не останавливались.

Мною руководило одно: увезти Плеханова от антигигиенических условий Французской больницы, от петроградского климата, от большевистских ужасов и поставить его в надлежащие условия для лечения.

Когда мы покидали Россию, сношения с Финляндией были хотя и несвободны, но паспорта выдавались сравнительно легко. Это было до захвата власти финляндскими социал-демократами. Но скоро произошел социалистический переворот, и началась гражданская война. Строгости в выдаче пропусков в Финляндию, из Финляндии в Россию усилились. О частых посещениях мужа членами редакции «Единство», устройстве совещаний не могло быть и речи. С трудом добились паспортов наши молодые друзья

Каськи и Лев Григорьевич. Мы были очень огорчены этой редкостью сношений, трудностью в добывании газет, получении сведений с родины. Но все-таки мы не были совершенно оторваны от нее. Так длилось до конца апреля.

Владычество социал-демократов и вызванная им гражданская война, хотя и внесла сильные ухудшения в условия жизни санатории (уменьшение количества и ухудшение качества хлеба, ухудшение качества молока и вздорожание платы за содержание), но в общем мы на товарищей жаловаться не могли. Сколько мне помнится, местная социалистическая администрация всячески старалась, чтобы в санатории было все необходимое доставлено, хотя ей было ведомо известно, что симпатиями она среди жильцов санатории не пользуется. Раз даже к доктору явились красногвардейцы и заявили ему, что они знают, что за столом санатории ведутся антиреволюционные разговоры, чтобы этого не было, иначе власти будут вынуждены закрыть санаторию. Доктор заведения, который рассказал нам об этом посещении, тут же выразил уверенность, что не долго им царствовать, что победят, несомненно, белогвардейцы, и тогда санатория будет благоденствовать. Все будет: и мука, и хлеб, и молока вдоволь. Но этим иллюзиям директора санатория Питкеярви не пришлось осуществиться: после вступления белых в наши края санаторий почти совсем не мог существовать, и большинство больных, среди которых были очень тяжелые, были отправлены в Петроград.

Приближение и победа белой гвардии была катастрофой для нашего мертвого дома. Среди низшего служащего персонала началась настоящая паника: почти весь он, в особенности финляндская часть сочувствовала социалистическому финляндскому правительству и так или иначе помогали Красной гвардии. Одна из наших самых милых девушек за несколько дней до прихода финляндско-шведско-немецкой армии в наши края отправилась в Красную армию в качестве сестры милосердия и погибла на своем славном посту несколько дней спустя. Вообще я считаю обязанностью своей сказать здесь, что в нашу бытность в финляндском санатории мы ничего не слыхали о жестокости финляндской Красной гвардии. Наоборот, «культурность» маленькой Финляндии казалась и в деяниях революционного народа и ее революционных вожakov. Только здесь, в Европе, я слышала о жестокостях, будто бы проделанных финляндской Красной армией. Я этому не верю, а что белая гвардия после победы прибегла к жестоким кровавым репрессиям — это

был факт, не отрицавшийся и буржуазией.

Паника, сказавшаяся среди служащих санатория, вызвала их повальное бегство, и мы остались без санитаря и с очень немногочисленной прислужкой. Единственная сестра милосердия на весь дом, очень милая, но слабая здоровьем девушка падала с ног от усталости. А между тем в состоянии здоровья мужа в последних числах апреля произошла сильная перемена к худшему. Аппетит уменьшался; как ребенка, я его упрямывала съесть еще кусочек, сделать еще глоток, он делал это для моего успокоения, но ел с видимым отвращением и горько жаловался на меня приехавшему к нам на день, скоро после отъезда Льва Григорьевича моему шурину д-ру Дука-ту на мои приставания с едой. Это обстоятельство было для меня плохим признаком. Плеханов не делал над собой усилия, его покинула энергия борьбы с болезнью. Я видела в этом начало катастрофы и не ошиблась. Мой больной тоже чувствовал, что силы его уходят, и с особенной тревогой говорил о том, что Лев Григорьевич, несмотря на его просьбы, не переписал завещания, не нашел свидетелей. Чтобы успокоить его, мне самой пришлось взять на себя эту тяжелую миссию. Когда завещание было готово, Плеханов вздохнул свободно, он освободился от лежавшей на нем тяжелым камнем обязанности. Но вместе с тем я почувствовала, что, снявши этот камень с его души, я как будто дала ему понять, что смотрю на его состояние как на безнадежное.

В то время, когда я прежде протестовала каждый раз, когда он заговаривал о завещании, на этот раз я без протеста исполнила его настойчивое желание. Это был косвенный приговор. В тот же день Георгий Валентинович заговорил со мной о том, как я думаю устроиться, когда его не станет: «Ты поедешь к детям, живи с ними и скажи им, что я их очень любил и люблю». Но этому разговору я воспротивилась, заявив ему, что напрасно он уже готовится к смерти, что он поправится, он будет жить, что без него и моя жизнь не жизнь, что я никогда не думала и не хочу думать о том, как я буду жить без него. «Вот какая ты, Роза, — сказал он мне с упреком, — с тобой и коснуться этого вопроса нельзя, между тем надо же...»

К началу мая мы остались почти без низшего персонала, больных в санатории было немного, и администрация воспользовалась этим обстоятельством, чтобы сосредоточить всех пациентов в одном этаже для облегчения работы служащих. Таким образом, я устроилась с моим больным в последний месяц его жизни в этаже с теплым коридором, о котором мечтала со дня приезда в санаторий, но которого не могла добиться несмотря на неоднократные просьбы, так как доктор санатория был человек пра-

вила, а последнее гласило: нижний этаж — для мужчин, верхний — для женщин.

Горничная-сиделка являлась по звонку, но не было никого, кто бы мог заместить меня при больном на час, два и дать мне возможность отправиться в деревню на поиски за свежими яйцами, хорошим молоком и курицей для Плеханова. Пища в санатории сделалась совершенно неподходящей для плохого желудка моего Георгия Валентиновича: мясо твердое, которое даже в рубленном виде не мог проглотить Плеханов, молоко снятое с примесью извести для густоты, яйца почти не давались.

Чувствовала я громадную усталость и опасалась, что она плохо отразится на уходе за моим больным. Как раз в это время, это было около середины мая, я отправила с оказией письмо к друзьям в Петроград со слезной мольбой прислать мне кого-нибудь на помощь. Но я никого не дождалась. Мы были отрезаны от всего мира. Впоследствии я узнала, что многие из моих друзей, узнавши об опасном состоянии Плеханова и о том, что я одна при нем и нуждаюсь в помощи, бросились к нашим большевистским властям с просьбой дать им пропуск в Финляндию, но на просьбу получали глупую и жестокую отповедь: «Вы там совсем не нужны, Плеханов и без вас обойдется». Так ответили моей приятельнице д-ру М. К., так ответили моему другу отчужденности и товарищу по женским медицинским курсам С. Ч.¹

Но свет не без добрых людей. О том, что мне нужна помощь в уходе за мужем, узнала мать одного из пациентов санатория Мария Генриховна Эмерих и в одно прекрасное время постучалась ко мне и предложила свои услуги. Зная, что Георгий Валентинович очень стесняется, когда за ним ходят чужие люди, я, с его согласия, попросила ее прийти только по вечерам на часок, чтобы почитать ему вслух. В первый раз когда мы ждали прихода г-жи Эмерих, Георгий Валентинович, мало заботившийся в последнее время о своей внешности, попросил меня привести его волосы и бороду в порядок. — «Что ты, Жорж — ты и так хорош, да и г-жа Эмерих нетребовательна, она не молода и знает, что значит иметь дело с больным». — «Нет, так нельзя, приличие прежде всего. Явится ко мне незнакомая дама, и я не хочу иметь вид больного плохо причесанного. Кроме того, сегодня неловко будет заставить ее читать. Надо ее занять».

Я удивилась вернувшейся бодрости Георгия Валентиновича, но еще больше была я поражена, когда после первого обмена приветствиями муж завел разговор о Польше, польской литературе, попросил ее рассказать ему историю и значение польских гимнов, которые он очень любил и сам недурно исполнял.

От монархиста
В. Пуришкевича

Разговор был так интересен, Георгий Валентинович был так блестящ, что я забыла об отдыхе, прогулке и душа моя наполнилась надеждой. Что же касается г-жи Эмерих, она, видимо, была поражена и очарована умом и знаниями Георгия Валентиновича в области польской литературы и истории. Несмотря на кажущуюся бодрость и его увлечение разговором, я постаралась его прекратить, опасаясь дурных последствий его для больного. Уходя, я попросила г-жу Эмерих не давать ему говорить, а читать вслух. Но когда я вернулась полчаса спустя, я, к своему огорчению, застала мужа разговаривающим и, когда по уходе г-жи Эмерих я его упрекнула в неосторожности, он мне объяснил, что г-жа Эмерих, по-видимому, забыла цель своего посещения и задавала ему вопрос за вопросом, и он считал неприличным не отвечать.

Усилие, сделанное Плехановым над собой, повлекло большую усталость на другой день, и, по его же просьбе, я энергично внушила г-же Эмерих, что разговоры Плеханову абсолютно вредны.

— «Разве? — спросила меня моя помощница. — Плеханов так бодр и какой он интересный».

Это был последний разговор Плеханова, г-жа Эмерих была последней жен-

¹ М. К. и С. Ч. — не расшифрованы.

История

щиной, испытывавшей очарование и обаяние ума и знания Плеханова. Этот разговор был вспышкой потухающего огня.

* Состояние его ухудшалось с каждым днем. Ночные припадки удушья, исчезнувшие было под влиянием сильных доз дионина, вернулись и сделались мучительно длительными. К препаратам опия приходилось прибегать с большой осторожностью, т. к. Георгий Валентинович их плохо переносил. Средство, которое в этих случаях всегда приносит облегчение, это вдыхание кислорода, но в санатории не оказалось его. Нельзя было достать его и в Териоках, и отказались выслать из Выборга. В Петрограде у друзей оставлен был мною на хранение железный цилиндр с кислородом, которым я запаслась еще в Лондоне, по пути в Россию, опасаясь осложнений в здоровье Плеханова во время путешествия по морю.

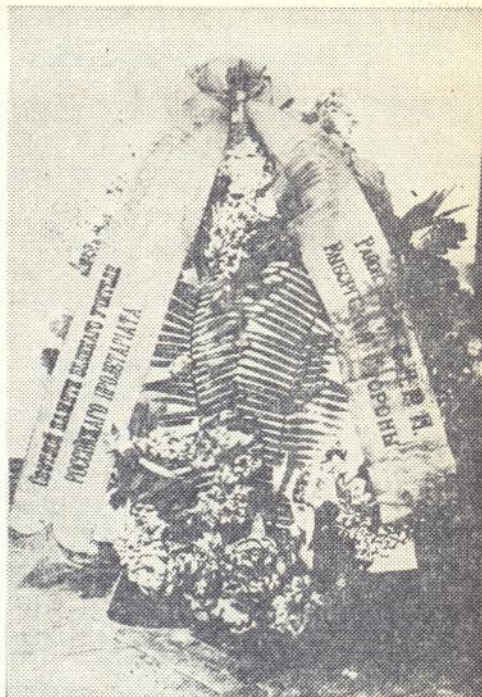
Этот цилиндр нам не нужен был ни в Царском Селе, ни во Французской больнице. В Финляндии он был бы благодеянием, но, несмотря на мои просьбы, мне не могли его доставить. Таким образом, умирающий Плеханов не мог иметь для облегчения своих страданий в образцовом санатории благодаря разрухе, оторванности от большого центра, того средства, которое в обыкновенное время облегчает последние минуты больных в самых плохоньких земских и городских больницах.

В последние дни, предшествовавшие концу, несмотря на тяжелые ночи, Плеханов казался бодрым, днем слушал с вниманием чтение, интересовался ходом войны на Западном фронте, огорчался отсутствием газет, сведений, и был несказанно рад и счастлив, когда до нас дошли запоздалые, отрывочные устные известия о том, что дела Франции поправляются, немцы оставили свое продвижение к Парижу, «Франция должна жить, — повторял он, — гибель Франции — это гибель Европейской культуры».

Эта бодрость, которая являлась у Плеханова, благодаря его сильной воле, вводила в заблуждение наших редких посетителей и самого доктора санатория. Последний в середине мая был далек от мысли, что Плеханов доживает свои последние дни.

Но я, не покидавшая его ни на одну минуту и следившая с ужасом и болью

* Эта часть воспоминаний Р. М. Плехановой была опубликована в журнале «Заря», №№ 5—6 за 1924 г. Журнал «Заря», орган социал-демократической мысли, издавался в Берлине в 1922—1925 гг. группой русских социал-демократов, в число которых входили А. Байкалов, А. Брайловский, И. Гольдман, С. Загорский, А. Зунделевич, Ст. Иванович, Л. Исаев и др. Для журнала писали К. Каутский и О. Бауэр.

От районной организации РСДРП Выборгской стороны

в сердце за уходом дорогой мне жизни, начала замечать, что он устремляет взор в пространство, что он уходит от меня, что какая-то сосредоточенная задумчивость выражается на его лице. Тяжело было мне видеть этот устремленный в пространство взгляд. Я отрывала его от тяжелых дум, спрашивала его, над чем он задумывается, и из уклончивых его ответов я заключала, что он подводил итоги своей жизни, припоминал измену друзей, неблагодарность учеников, их отравленные злословием клеветы, малое проникновение его идей в массы, немногочисленность сознательного пролетариата, мне казалось, что перед ним стоял вопрос: зачем? к чему? Зачем он страдал и мучился всю жизнь? К чему все привело?... Обыкновенно он охотно отрывался от этих дум и говорил: «Ты права, не надо думать, расскажи мне что-нибудь или почитай».

15-го мая рано утром муж проснулся в тоскливой тревоге и вскрикнул: «Я задыхаюсь. Я умираю». Я подскочила к нему, приподняла его, освободила тампоном его горло от массы густой гнойной слизи, он вздохнул свободнее и лицо приняло более спокойное выражение. Тут же он попросил меня взять карандаш, бумагу, намереваясь сейчас же продиктовать детям прощальное письмо. Я послушалась, села, он продиктовал: «Моим детям». Но он был бледен, неровно дышал, находя крайне вредным для него всякое волнение в данную минуту, я уговорила его оставить письмо на потом. «Ну хорошо, ты им скажешь, что я

их очень любил». «Да ты сам им скажешь лично это,— успокоила я его,— ты поправишься, вот наступают прекрасные дни и двинемся к ним».

Не знаю, хорошо ли поступила я, стараясь отвлечь Георгия Валентиновича от мысли о смерти, вызывая в нем надежду жить, работать, видеть детей. Мои товарищи и друзья были на меня в претензии за то, что я не привезла с собою в Петроград политического завещания Плеханова, а дети мои были огорчены тем, что я не привезла им прощального письма от отца их. Но, признаюсь, у меня не хватало духу говорить с ним об этих его предсмертных обязанностях, я старалась, чтобы он как можно меньше чувствовал приближение смерти.

Начиная с 20-го мая состояние мужа ухудшалось с каждым часом, и дело пошло быстрым темпом к трагической развязке.

21-го утром Георгий Валентинович озадачил вначале, а потом поразил меня, точно тяжелым ударом, вопросом: «кто мне писал из берлинцев?». Слово это он произнес невнятно и когда я переспросила, он попросил карандаш и написал их неровным едва узнаваемым почерком. В этот же день, когда я вошла в комнату после 10-минутной отлучки, он меня спросил, была ли я у г-жи Минкевич, и, когда я удивилась его вопросу, он спросил меня:— «А разве не жил у нас Мицкевич?» В этот же день Георгий Валентинович принял доктора санатория за Вандервельде². Плеханов начал бредить. Нашли сумерки на этот ясный, глубокий ум. Это было невыносимо. Это тяжелее было вынести, чем его физические страдания.

Бред возобновлялся каждый раз, когда Плеханов бывал предоставлен самому себе, но, когда, заметив его взор, устремленный в одну точку, где он видел образы своей больной фантазии, я отвлекала его к действительности, он говорил: «Лучше почитай, или скажи что-нибудь, а то мне все что-то мерещится». Я бралась за книгу, стараясь читать как можно тише и монотоннее, или рассказывала ему что-нибудь тихим голосом в надежде, что он успокоится и заснет тихим сном. Но Георгий Валентинович и в эти часы относился серьезно к чтению и требовал, чтобы я читала внятно, и прекрасно следил за содержанием прочитанного. Эта двойственность, эта борьба сильного, здорового мозга с наступающим шквалом болезни трогала меня до глубины души, мучила до терзания. Эту способность сосредоточиться при чтении Плеханов сохранил до кануна смерти.

Бред его был полон интереса и содержания. Берлинцы, т. е. бывшие друзья, изменившие интернационалу, германский

От рабочих Буховского завода

пролетариат, на успехи которого он когда-то возлагал светлые надежды как на инициаторов устройства будущего, изменил социализму, проникся империалистическими идеалами. Плеханов глубоко страдал от этих измен раньше, и мысль об этом питала его бред.

Раз утром Г. В. Плеханов сказал мне с глубокой грустью: «А русских гонят из Украины». Я успокоила его, уверив его, что этого нет, что, наоборот, судя по газетам, движение малорусского народа скорее основано на стремлении его объединиться с Россией, на общих народах, русскому и украинскому, интересах.

Украину Плеханов горячо любил, любил ее природу, народ, его песни, считал ее неотделимой частью России, а разрыв между этими двумя сестрами находил губительным для развития каждой в отдельности, губительным для создания в будущем сильного пролетариата, сильной социалистической партии.

В бреду, как наяву, он защищал эти любимые, дорогие ему идеи от каких-то ставших перед его глазами врагов. (Дня за три до кончины, после легкого обеда, он заснул, казалось спокойно, но короткое время спустя открыл глаза, начал страстным шепотом говорить, глаза у

² Вандервельде Эмиль (1866 — 1938)—бельгийский политический деятель, один из лидеров II Интернационала. После Февральской революции приезжал в Россию для агитации за продолжение войны.

него горели гневом и обличением, и вдруг, сделав энергичный жест рукой, громко сказал: «Пусть не признают моей деятельности, я им задам». Уверенность в правоте своей, в правоте дела, которому он отдал жизнь, из-за которого претерпел скитания и длинное изгнание, не оставляла его и в минуты мучительной болезни).

Здесь я позволю себе сделать маленькое отступление. После смерти Плеханова, на которую с таким глубоким сочувствием отозвались все слои русского общества, я и Лев Григорьевич Дейч были приглашены на траурное собрание в память его, организованное народными социалистами. Были произнесены прекрасные, глубоко тронувшие меня речи, тем более тронувшие меня, что они были произнесены людьми той партии, с которыми покойный не одну шпату сломал. В одной из речей, произнесенной уважаемым товарищем В. В. Водовозовым³, говорилось о разочаровании Плеханова в пролетариате, разочаровании, которое, как мне казалось (я, к сожалению, пришла к концу этой речи), оратор находил логическим следствием ложной теоретической позиции Плеханова, позиции социал-демократа.

Считаю своей обязанностью сказать здесь, что Плеханов не был разочарован и не потерял веры ни в русский, ни в западный пролетариат.

Увлечение анархо-синдикализмом Ленина он приписывал недостаточной сознательности пролетариата, вытекавшей из отсталости наших экономических отношений, с одной стороны, и народным страданием и неудовлетворенностью его, с другой. Он рассматривал, как я сказала выше, русскую революцию (ленинского типа) как эпилог 61-го года. Солдату, крестьянину сулили землю. Он все бросил и побежал в деревню. На деморализации солдата, крестьянина и был основан большевистский переворот. Пролетарское движение в России было еще слабо и молодо и сбить пролетариат с толку талантливым ученикам не Маркса, а Бакунина, какими явились Ленин и Троцкий и их последователи, нетрудно было. Но Плеханов верил, «что здоровые силы нашего пролетариата возьмут верх и что в будущем он займет почетное место в рядах Интернационала».

Ко времени появления бреда у моего больного произошло новое осложнение в его болезни: это появление флебита правой ноги. Осложнение это было признаком крайне тяжелого состояния болезни. Я опять настаивала на консультации.

³ Водовозов Василий Васильевич (1864 — 1933) — публицист, юрист и экономист, автор статей по социально-экономической и политической истории. В 1917 г. был сотрудником газеты «День».

После трехдневного ожидания явился к нам профессор Гельсингфорского университета, известный **Талквист**. Осмотрев мужа, он нашел состояние его безнадежным, сердце плохо работающим. Советовал продолжать впрыскивания камфоры и кофеина и на ночь прибавлять, как мы это делали до сих пор, небольшие дозы морфия с камфорой против припадков удушья. На мой вопрос, сколько времени, по его мнению, может еще продлиться жизнь мужа, он ответил, что в таком состоянии он может еще прожить месяца два. Я не верила своим ушам. Мне казалось, что друг мой от меня уходит большими шагами, я с ужасом видела приближение конца, и вдруг передо мной еще два месяца. Надежда опять вернулась ко мне. Два месяца! За это время можно его еще спасти. Я созову еще консилиум. Но на этот раз, как и прежде, характер и сила воли Плеханова обманули ученого профессора. Георгий Валентинович казался бодрым, отвечал на вопросы, расспрашивал о новостях, и в голове профессора создалось впечатление, что больной хотя и безнадежен, но еще может протянуть.

Профессор Талквист был у нас около 29-го мая. Температура перед этим начала еще понижаться и держалась все время до 30-го мая на небольшой высоте. Но в состоянии больного не происходило параллельного улучшения, силы заметно слабели, несмотря на то, что я силилась его питать, и несмотря на впрыскивания больших доз камфоры, кофеина. Удушья не прекращались ночью, но были менее продолжительны и менее мучительными, бред же не прекращался, явились даже галлюцинации зрения. Раз он сказал, что видит сидящие греческие статуи на дереве, другой раз, что в ногах его постели сидят три парки с ножницами, готовые перерезать нить его жизни.

28-го мая утром, после припадков удушья у моего уходящего друга было такое страдальческое измученное лицо, что я не могла смотреть на него без слез и, несмотря на все мои усилия, они брызнули из моих глаз. Георгий Валентинович сделал мне строгий заслуженный выговор: «Что ты, Роза, как тебе не стыдно. Мы с тобой старые революционеры и должны быть тверды — вот как», причем он согнул в кулак свою слабую, дрожащую руку.

29-го мая в состоянии моего друга произошло маленькое улучшение. Он не бредил, глотал охотно жидкую пищу, но был слаб, и его одолевал сон. Ночь с 29-го на 30-е была относительно недурна. Не было припадков кашля, ни последующего удушья. В шесть часов утра он проснулся с большой жаждой. Выпил почти залпом стакан теплого чая с молоком и сказал: «C'est délicieux» * с таким ясным,

* Восхитительно (фр.).

отчетливым произношением, что пора-
зил меня и обрадовал. Последние два
дня он говорил с трудом по утрам из-за
накопившихся за ночь отделений из
бронхов и приходил в себя только после
тщательного туалета зубов, десен и
языка. Пульс до впрыскивания камфоры
был немного частый, но полный, силь-
ный. Это совпало с высокой, давно не
бывшей у него, утренней температурой
39 град., но самочувствие было недур-
ное, он был при полном сознании, хоро-
шо вынес утренний туалет, который я
ему сделала при помощи садовника, за-
менявшего санитара. Живя эти дни без
надежды, я начала опять надеяться, и
встретившей меня в коридоре сестре ми-
лосердия с радостью сообщила, что се-
годня Плеханову гораздо лучше. Мое
настроение все утро было радостное,
приподнятое, на меня нашла какая-то
странная слепота. Георгий Валентино-
вич дремал после туалета, а я вышла в
смежную комнату, где ждала моих рас-
поряжений г-жа Эмерих, которая продол-
жала приходить ко мне ежедневно на не-
сколько часов, а иногда заходила к муж-
у на 30 минут — час, чтобы меня за-
менить. Попросив г-жу Эмерих принять-
ся за еду, не дожидаясь меня, я верну-
лась к мужу, чтобы дать ему напиток. Я
застала его в забытии и на мое пред-
ложение выпить чего-нибудь он совер-
шенно отчетливо спросил меня: «Разве
уже пора? Кажется, ты мне давала на-
питься четверть часа тому назад». Я ска-
зала, что нет, прошло уже два часа.
«Ну, хорошо, в таком случае дай». Я по-
дала ему маленький стаканчик чая с мо-
локом. Едва вобрав ложку жидкости, он
всплеснул руками, вскрикнул, момен-
тально начались конвульсии лица и ле-
вой руки, и дыхание остановилось. Обе-
зумевшая, я начала звать м-м Эмерих.
Она не откликнулась несколько секунд,
но эти секунды мне показались веч-
ностью. Немедленно позван был доктор,
сиделки. А пока я, уверенная, что Пле-
ханов задохся от глотка, начала делать
ему искусственное дыхание, ритмическое
вытягивание языка, Плеханов вздохнул
еще раз, два, лицо покрылось смертель-
ной бледностью, и когда доктор пришел
минуты через три, сердце перестало
биться.

Стокгольм. Декабрь 1918 г.

**События августа 1991 г. спрессовали
время, резко убыстрили движение
советской системы к открытому
обществу.**

**В чем суть этого процесса? Свой
вариант ответа на этот вопрос**

предлагает

**известный американский бизнесмен
и общественный деятель Д. Сорос.
Его книга — это как бы «взгляд со
стороны», критический, но
доброжелательный, оригинальный и
не лишенный спорных моментов.**

**Особое внимание автор уделяет
анализу путей искоренения
догматизма, формирования
критического способа мышления как
одной из решающих предпосылок
утверждения в нашей стране
рыночной экономики, правового
демократического государства,
гражданского общества.**

